

Под сенью нашего детства

ВСТУПЛЕНИЕ

Почему и для кого пишешь книги? Конечно, не из любви к себе, и не для себя. Для людей? И «да», и «нет». Но это не главное. Что-то глубинное понуждает тебя браться за перо.

Причём, не только радость восприятия этого удивительного мира! Нет, нечто ещё более значимое, исходящее через тебя из неведомого, бесконечно мудрого Источника...

Конечно, своим творчеством ты способен доставлять незабываемое волнение кому-то, пробуждая в нём чудесные искорки озарения, помогающие открыть и свой внутренний мир, и ты делишься с людьми искренними поисками истины, более всего желая разобраться в ней сам. В письме ты мыслишь и выражаешь своё исконное «я», тебе, почему-то, непременно требуется достичь его, нестерпимо хочется добиться этого, и ты не можешь не делиться своими поисками с кем-то ещё, ощущая близость устремлений с тем, кому также необходимо жить осознанно, понимая смысл собственного существования. Или ты вдруг постигаешь, что одному тебе осуществить подобное не под силу?

А может быть, ты просто радуешься восприятию этого удивительного бытия, когда невозможно этого не делать? Так пленительна эта жизнеутверждающая сила, так заразительна её созидательная мощь. Как мне не писать, не выстраивать поэтично свои мысли, когда что-то неудержимое внутри меня просится на бумагу, как будто ты обязан донести его до мира, несмотря ни на что, развив в себе способность и потребность совершать это, совершая с удовольствием, но и не без великого напряжения?!

Несомненно, кто-то Великий движет моей рукой, и я сам не могу не открывать свою подлинную душу, у меня хватает на это духу, посвятив созидательному труду всю жизнь, и все ответы я ищу в собственной душе, в самом себе. Только тогда открывается правда, ибо и искусство, и жизнь есть истинное всё, и если ты осознал в себе Бога, ты никогда не отойдёшь от неё, неся в себе божественное, а значит - истинно правдивое, без сомнений - радостное, как в детстве.

Работая над этой книгой, я вспоминаю какие-то забавные случаи из своих ранних лет, так, что они всё не кончаются, неожиданно всплывают в памяти, и меня поражает необъятность детства, тогда как большую часть из него мы не помним. Все эти, неизвестно откуда возникшие истории, кажется,

совсем не существующие, между тем, случились однажды с тобой. Они словно вытаскивают себя за волосы из безвозвратно ушедших лет, если тщательно сосредоточиться на детстве и постоянно думать о нём. То, что представлялось до сих пор именно утраченным - вдруг совершенно неожиданно выплывает из неведомых закоулков подсознания, и необыкновенно удивляет тем, что ты опять всё это переживаешь.

Удалившись от людей и желая достичь сосредоточенного одиночества для своих раздумий, в полной отрешённости от всего и всех, я уединяюсь в своём деревенском доме, пытаюсь возродить в памяти то, что ещё совсем недавно никак себя не проявляло. И вдруг меня озаряет: ведь то, что я вспоминаю, даже при кажущемся его обилии, ничтожно мало в сравнении с тем, что уже никогда не подлежит восстановлению, это - всего лишь редкие вспышки того, что было, и его никогда не возродить, как бы ты к этому ни стремился.

Осознав это, я вмиг воображаю, какой насыщенной, наверное, могла быть наша детская жизнь, и стоило ли Всевышним Силам блокировать человеку его восприятие младенческого возраста, наполненного не только радостью от появления на свет, но и удивлением от происходящего с ним, таким неожиданным столкновением с неизведанным миром?! Ведь все эти переживания могли бы подарить человеку недостающие знания о себе. О том, что, несомненно, помогло бы ему более чутко относиться к жизни, если бы он помнил и своё рождение, и преодолеваемые муки познания, и узнавание того, что он уже видел в Мире Душ, отправляясь на Землю для исполнения своей миссии.

Божество наделяет каждого человека частицей своей энергии, чтобы поведение его было исполнено понимания этого, и он бы поступал соответственно заложенной в себе божественности, то есть - рос душой, изменяясь к лучшему, а это, конечно, невозможно без совершения над собой душевных усилий. Ощущать в себе Бога - это значит постоянно работать над собой, ничего не прося у Него, и тогда благословение придёт к вам заслуженно, и вы будете готовы принять его.

Разве не должен человек взрослеть в постоянно изменяющейся Вселенной, развивая своё сознание и душу? А во имя этого ему необходимо знать как можно больше о себе и мире, не боясь преодолевать самые недостижимые рубежи.

Если люди готовы что-то по-настоящему ценить в своей жизни, то это должен быть твой собственный рост, и он невозможен без приобретения тех божественных качеств, что свойственны самому Существованию. На этом пути человеку никак не обойтись без присущей детству невинности, чистоты

и стремления к постижению. Именно в детстве мы очарованы земной жизнью, с не меньшим интересом заглядываясь в беспредельные небеса, и эти бесконечные вселенские дали, благодаря присутствию в нас божественного сознания, оказываются, как ни странно, не менее важными для нашей души, нежели пребывание на Земле.

Но сколько в нас заложено информации не только о детстве из этой жизни, но и из предыдущих воплощений! Вот что необыкновенно поразило меня однажды, и со всем этим знанием о себе мы должны непременно познакомиться и справиться, используя в развитии собственной души.

И вот, я возвращаюсь мысленно в своё детство... Меня, конечно, по-прежнему привлекает его чистота и невинность, когда воображение твоё, кажется, не иссякает, и всё в жизни представляется таким достижимым. Но даже если так, стоит ли оглядываться, возвращая себя к тому, чего уже никогда не будет?!

Детство было - и этого достаточно для жизни, которая продолжается. В ней возможна и чистота, и достижение желаемого, и воплощение любой мечты, потому как ты уже способен руководить своими поступками и мыслями. И всё-таки, ты пытаешься вернуть себя в детство, которое, как не крути, не вернёшь. Что движет тобой в этом устремлении? Зачем тебе это нужно?!

Наверное, ты просто сохранил в душе ребёнка, его чистоту, и тебе хочется, не переставая, ощущать себя им, переживая осознание, что ты был всегда, так будет длиться вечно, и ты сможешь даже сейчас стать кем угодно, исполнив любую не сбывшуюся мечту, если того по-настоящему пожелаешь...

Подходя к жизненному краю, становишься более чуток, будто боясь упустить какую-то важную деталь, без неё, ты знаешь, тебе почему-то не обойтись. И вот, тихонечко, каждый миг вслушиваешься, всматриваешься и в свои ощущения, и в проистекающую мимо жизнь, и всё пытаешься угадать это самое важное, от него, ты чувствуешь, зависит твоё оставшееся существование, и обязательно при этом обратишься к детству, когда точно также вслушивался, всматривался, но не за тем, чтобы ухватить недостающее, а для наполнения себя необъятным счастьем... Вот бы и сейчас так!

В детстве мы всё видим как будто другими глазами... Вернее, божественное в нас проявлено наиболее полно, оно не пропускает мимо себя ни единой мелочи, потому как всё в жизни важно и взаимосвязано между

собой, одно без другого если и может существовать, то недолго. И оттого нам хочется обнять весь мир, открыв для него свою маленькую, но единую с ним душу, и мы трепетно вглядываемся и вслушиваемся в окружающую нас жизнь, желая только познавать и радоваться. Бог в нас определяет всё, и потому Он наиболее чуток к чистоте малышей, в каждом из них начиная неповторимый путь, не нарушая божественный ход событий. Если душа остаётся чиста, то перед человеком открывается весь мир, наполненный здоровьем и счастьем.

Думая о своём детстве, я чувствую, что дошёл до края, нечего, вроде бы, о нём больше говорить. Всё пережито, рассказано, пора, кажется, отправляться мыслями в большую взрослую жизнь, что ещё не завершилась. Но и она уже почти пройдена, а сколько всего было - не перечесть.

И моря, и леса, и труд на земле, и воспитание себя, и то, чего уж никогда не вспомнить - так давно это было. Но нет-нет, да вернёшься в мыслях к солнечному детству, возрадуешься чему-то в самой глубине сердца, и захочется опять потопать в ботиках по лужам, пососать хрустальную сладкую сосульку, обхватить ладошками золотую пчёлку в чашечке цветка, зажмуриться от счастья перед неведомой жизнью, и весело засмеяться. В душе твоей только вера в то, что жизнь эта будет непременно прекрасной, а все люди будут к тебе ласковы, как и ты к ним, и не коснётся тебя ни глупость, ни злоба, ни чьё-либо отчуждение.

С такой сердечной надеждой ты и обращаешься к жизни, и представляется она тебе неиссякаемой на добро: кто его, кажется, может ограничить? Только ты сам, если перестанешь верить в своё счастливое предназначение, и потому оставайся в душе ребёнком, носи в себе эту чистоту вечно, несмотря ни на какие препятствия, и будет тебе всегда радость. Ведь жизнь без вымыслов и сказок куда прекрасней, и хоть она коротка и быстро проходит, а достойные дела человека века живут.

Какая силища неведомая захватывает нас в детстве, тревожит, словно обещает что-то открыть душе, с необозримой любовью ласково внушая:

- Отправляйся в дорогу, спрашивай, вглядывайся, узнавай как можно больше, чутко прислушивайся, и снова иди. Не бойся ничего, отыскивай чудеса повсюду, где дышит в полную грудь радость и надежда, и люби, люби всем сердцем, даже когда пошатнётся твоя вера в чистоту мира, ибо нет ничего чище и благословенней его божественности, присущей и тебе...

Закон, по которому человек должен выстраивать свою жизнь, один: хочешь ходить среди этой красоты, созданной Богом, сам будь достоин её. Стань богатым душой для Господа и людей, Бог с тобой!

АЙ, ДА УДАЛЕЦ!

Не сказать, что принимали меня в детстве за большого шалуна, но если что-нибудь не на шутку занимало мой интерес, то покой в доме надолго был нарушен. Особо не знал я удержу в танце, причём, не в присутствии близких людей, а когда в гости приходили знакомые.

Гости ещё не успевали толком переступить порог, радостно приветствуя в прихожей родителей, тогда как я уже прохаживался меж ними в присядку, привнося в обстановку весёлую суматоху, на что пришедшие к нам друзья и знакомые всегда реагировали с недоумённой улыбкой. Весело разоблачаясь и одобрительно поглядывая на мои плясовые выкрутасы, они с пониманием обменивались взглядами с папой и мамой, впрочем, не успевая разглядеть всех моих передвижений.

Что за чёрт вселялся в мою сущность в такие минуты - самому мне было неведомо, но останавливаться я был не намерен, пуще того выплясывая в ногах пришедших, и, наверное, выглядел при этом вполне трогательно, поскольку даже родители не догадывались унять вспыхнувшее во мне буйство. Все в такие мгновенья невольно притихали, и лишь с одобрительными улыбками любовались, чего я ещё выкину в следующий момент, будто позабыв – зачем они пожаловали в наш дом.

Я же, ещё более разошедшись, ровно наслаждался производимым впечатлением, без устали приплясывая уже в гостиной. Гости послушно перемещались вслед за моими передвижениями, опять не переставая улыбаться, и кто-нибудь из них обязательно с нескрываемым удивлением, но обрадовано восклицал: «Ай, да разудалая голова. Такой молодец, что глядеть любо. Всё ему нипочём!»

То была, должно быть, забавная комедия, и я на самом деле имел в детстве весёлый нрав, а друзьям родителей посчастливилось застать мою отчаянную отвагу: ведь удалой долго не думает, оттого к нему, как известно, и Бог пристаёт.

Что это была за блажь? Из каких тайников души она возникала? Я не знал. Но весёлого нрава даже в детстве не купишь, и после подобной вспышки энергии, будто спохватившись, я убегал в комнату бабушки, прижимаясь к её коленям, и замирал так надолго.

А она тихонько перебирала мне волосы, наговаривая какие-то ласковые слова, отчего моё взбудораженное игрой сердце скоро успокаивалось. Я порывисто бросался целовать бабушку, крепко обвив руками её шею, и не в

силах был выразить своей преданности, на которую способен, наверное, только ребёнок.

ЖУЧОК

Мне пять лет... Я стою посреди цветочной поляны возле бабушкиного дома, солнце ласково пылает над моей головой, а упругие сочные травы тянут свои головки в бездонное синее небо.

По нему привольно плывут пушистые белые облака... Эту томительную красоту наполняет стрекотание кузнечиков и затаенное поскрипывание коростелей. Повсюду - раздольно воцарившийся летний покой.

И вот, в раскалённый воздух с треском взмывает какой-то переливающийся перламутром крепкий жучок, неожиданно ударяется прямо мне в руки, и в них же замирает, сложив крылышки. Теперь его можно рассмотреть лучше: откуда он взялся, и почему подлетел ко мне? Где у него домик, есть ли детки, чем он занят в своей неведомой жизни, что раскинулась повсюду?! Тёмно-синие, с отливом, крылышки на ощупь гладкие, прохладные, а тоненькие усики, кажется, чутко угадывают всё, что происходит вокруг.

Жучок замирает на моей ладошке, будто пытаюсь разобрать – где он очутился? По всему видать, у жучка – хорошее настроение, да и с чего ему тужить: над землёй плывёт разомлевшее от удовольствия лето, травы источают густой цветочный дух, в полях, за рекой, колосятся золотые хлеба. Жук, вроде бы, и не думает улетать, затаился в глубине ладошки, и я вместе с ним забываюсь посреди этих цветущих трав, прижав руки к груди, и так мы стоим с ним, не шелохнувшись, словно вглядываемся друг в друга, и мне почему-то совсем не хочется, чтобы жук улетал.

Но как изящно взмывает он опять в разогретый воздух, выводя меня из этого чудесного забвения, крылышки его раскрываются, поблескивая на солнышке, и жук, на миг задержавшись, стремительно и радостно жужжа уносится в вышину, тотчас слившись с небесной синевой, будто забирая с собой частицу меня. И сердца отчего-то касается лёгкая печаль, но в тоже время подступает и радостное облегчение, что уже не покидает до самого вечера, когда утомлённое солнце с удовольствием укладывается в вишнёвые облака, будто с облегчением вздыхая, и ты теряешься в счастливых мыслях обо всём, что принёс тебе этот чудесный июльский день.

ЗВЁЗДОЧКИ

Скоро проходит короткий зимний день, но для ребёнка он тянется, кажется, вечность, и при этом никогда не надоедает. Да и как может наскучить крепкий, чуть ли не на ощупь трескучий мороз, от которого в груди всё замирает, ресницы от искристого инея быстро тяжелеют, а изо рта вырывается душистый парок.

Если по улице, навстречу тебе, вперевалочку двигаются такие же, как ты, прохожие, укутанные в шубы и шали, над ней образуется густое облако, и оно представляется живым. Свет от фонарей, попадая в него, тоже клубится живыми разноцветными огоньками, а надо всем этим переливающимся сказочным облаком, в морозной напружиненной вышине, весело переваливаются с боку на бок синие, зелёные и красные звёздочки, и ты ясно слышишь, как они озабоченно переговариваются между собой.

Одна из них обязательно обозначит себя игривее других, то и дело прячется, перебегает, а затем так неожиданно вспыхнет рассыпным, игривым пламенем, что и у тебя, невольно, сердце перевернётся от радости. Даже оказавшись дома, и уже улёгшись в постель, ты никак не можешь успокоиться, и всё выглядываешь в окошко искрящиеся звёздочки, что рассыпались по всему небу. Звёздочки тихо и пристально глядят с высоты, кажется, всё о тебе знают, и что-то как будто хотят рассказать, о чём-то предупредить...

Стараешься разглядеть хотя бы одну, пусть и не самую весёлую, но подмигивающую именно тебе, а когда увидишь её, свою звёздочку, снова тянет на задорно подбравшуюся в себе от мороза улицу, со скрипучим снегом и захватывающим дух серебристым сиянием, где в бесконечно бархатном небе ещё пуще загораются другие звёздочки, и каждая светит по-своему... Разве тут уснёшь?!

ГНЁЗДЫШКО

Где, как ни в деревне, когда повсюду над землёй растекается весна, и только в детстве, мальчишка может обнаружить однажды уютное птичье гнёздышко, и приметить, как оно чудесно пахнет? Вокруг хоть и проистекают ослепительные потоки восторженной синевы, плывут по небу чистые снежные облака и лопаются на тополях душистые клейкие почки, а

воздух ещё пронизан настораживающим стылым дыханием, что поднимается от сырой земли.

Нет-нет, да задувает свежий промозглый ветерок, но в замеченном тобой за баней гнезде, в зарослях старого крыжовника, уже тепло, оно не вызывает ощущения безжизненности и пустоты: в нём махонькие птицы скоро примутся насиживать аккуратные зелёные или голубенькие яички. Пока же они заняты строительством, разыскивая сухие травинки у земли, и их краткого присутствия у гнезда достаточно, чтобы сообщить ему свою трогательную заботу и теплоту.

Вчера я случайно натолкнулся на него, когда искал залетевший туда мячик. Гнёздышко сразу показалось мне живым, и я осторожно дотронулся до его аккуратно сплетённого шероховатого бока. Удивительное это дело - найти в детстве настоящее птичье гнездо!

А ещё больше хочется узнать: кто в нём поселится? Что это будет за пернатый гость, наперекор всем невздам перелетевший море или даже океан?!

Заглядываю в углубление гнезда - и нахожу его очень уютным. Ко дну его, между сухими травинками, прилепилось розоватое пёрышко. Оно чуть вздрагивало на ветру, и от моего прикосновения к нему само гнездо будто бы вздрогнуло и как-то подобралось в себе. Судя по пёрышку, как сказала бабушка, гнездо когда-то принадлежало зяблику или горихвостке.

Я бы и сам такое уютное местечко никому не уступил. В нём только нужно сменить старую подстилку, пустив её по ветру, и выстелить свежими соломинками. Впереди у только что прилетевших птиц радостные труды и тревоги. Начало новой жизни!

И вот пахнёт на тебя теплом от такого маленького птичьего домика, и ты поразишься трогательной теплоте крохотной души птички, что, только приведя гнёздышко в порядок, всем сердцем встретит, наконец, свою весну, и ты тоже обрадуешься её медовому духу, жёлтеньким звёздочкам мать-и-мачехи и белоснежным стрелочкам подснежника. Сколько уже оказывается повсюду солнца, ярких запахов, красок и пения птиц, благословляющих всех нести в себе тепло навстречу распускающейся чудесной жизни, а где тепло, тут тебе и добро!

ЗВЁЗДНАЯ КОЛЫБЕЛЬ ДЕТСТВА

В детстве, даже осенью, никогда не подумаешь, что солнце может стать старым, и ему не будет дела до земли. Не повесишь нос, когда заметишь однажды поутру, что пожухла трава, тронутая инеем. А будешь со сладким томлением вспоминать, как слюдяные стрекозы, тревожа сердце, совсем недавно носились над деревенским прудом, разлётшееся повсюду роскошное лето, кажется, не имело границ, и душа пела, бежала, летела от счастья в выцветшее от жары небо, готовая наслаждаться этой жизнью вечно.

И даже когда мороз скуёт землю, в домах начнут топить печи и кошку Бусю невозможно будет согнать с полатей, и тогда буйное воображение перенесёт тебя в раздольное пшеничное поле, со зрелыми золотыми колосьями, к воображаемой тобой чудесной жар-птице. Именно о ней почему-то были твои думы, и втайне хотелось застать её там, и подсмотреть – что она будет делать, когда прилетит звёздной ночью на землю?

Много ли таких дней запомнишь из детства, когда тебе семь-восемь лет, а ты сидишь на дребезжащем возу, с дедом, и подкошенная вместе с цветами высохшая трава свисает с телеги, пахнет мёдом, и лошадка всхрапывает невпопад, отчего под сердцем струится неисповедимое счастье... И вот тогда, на возу, почувствовал я всю красоту и прелесть этого вечернего звёздного неба, какое-то глубокое удовлетворение от того, что дедушка взял меня с собой за сеном, и я, как будто большой, помогал ему весь день, а теперь мы вдвоём едем под сияющими звёздами, и я с тайным восторгом чувствую, какая чудесная жизнь ожидает меня...

Что за дивный лунный вечер всплывает из моей памяти, неизъяснимо прекрасный и тёплый, и весь этот выгнувшийся над нами небосвод, кажется, обнимает нас с дедом, он ласков и заботлив, отчего начинает казаться, что неведомые звёздные миры приглашают нас в гости, и мы, вероятно, будем там когда-нибудь. Уж так, непременно, всё сложится, и хорошо бы было, думалось тогда, заснуть на ворохе душистого сена, прямо под этими звёздами, очень счастливо спать так всю ночь, чувствуя сквозь сон трепетный лунный свет и сладко переживая в сердце красоту деревенской летней ночи.

И ты радостно улыбнёшься тому, как хорошо было жить под усыпанным созвездиями широким июльским небосклоном, привольно простирающимся над твоей головой в бесконечность сказочного детства, и опять почувствуешь в сердце благодарность кому-то, кто всё это волшебство так чудесно устроил. Тогда, возвращаясь вечером с дедом с сенокоса, и сидя

на поскрипывающем и покачивающемся возу, я представлял себя, своё маленькое существование, в звёздной колыбели, с восторгом вглядываясь в недостижимые миры, куда уносили меня невидимые крылья, и не противился этому трепетному, еле осязаемому устремлению...

ЛЯГУШКА

В детстве я не боялся ни змей, ни лягушек, брал их в руки, не опасаясь появления на них бородавок, в чём уверяли взрослые, и отчего-то это приносило мне радость. Будто я открыт всему миру, не страшусь любых его проявлений, и мир, по этой причине, принимает меня в свои объятия.

Лягушки со змеями более, чем другие живые существа, обитающие в нашем лесу, привлекали моё внимание, наверное, потому, что выглядели устрашающими, словом, неприятными, отчего все ребята их и остерегались. Мне же интересно было познавать окружающее пространство, а лягушки, при всей их скользкой непривлекательности, просто завораживали тем, что одним своим видом от себя именно отталкивали. Хотелось приблизить их к себе, и разглядеть.

Но лягушки так ловко прячутся в траве, что доискаться их невозможно. Даже увлечённые своим кваканьем, они улавливают шаги человека издалека, тут же замолкают, и как сквозь землю проваливаются. Завидев же в траве маленькую лягушку, в душе просыпается нечто неопределённое, сбивчивое, что невозможно объяснить, и сразу появляется желание поймать её, обхватив такими же маленькими ладошками.

Правда, лягушку оказывается не так уж легко поймать: крохотная, с малюсенькими лапками, она способна подпрыгнуть на полметра, и при этом совершает свои прыжки неожиданно, будто мгновенно распрямившаяся пружинка взвилась в воздух и снова исчезла: только её и видели! Да только остановиться уже невозможно, и, опустившись на коленки, как и лягушка, прыгаешь за ней в росистой траве, и никак не можешь ухватить: маленькая симпатичная лягушка оказывается проворнее тебя. Пока ты не поймаешь лягушку, окружающее лето для тебя как будто ненастоящее, а радость твоя неполная.

Но забывается от счастья душа, когда всё-таки удаётся накрыть неуловимую лягушку! Затаив дыхание, стоишь со сжатыми руками, не в силах ни о чём подумать. Оказавшись в ладошках, лягушка тоже замирает, будто её там и нет, и ты даже засомневаешься в своей удаче, и, подождав

немножко, приоткроешь осторожно ладони. Лягушке того и надо: она ловко выскальзывает из твоих рук, на секунду блеснув на солнце своей цветастой шкуркой, и вот уже её и след простыл!

Что это за удивительное существо - лягушка, думаешь ты. И ещёловишь себя на мысли, что совершенно позабыл обо всём, пока охотился за своей лягушкой. Как это было, когда ты обнаружил по весне птичье гнёздышко. Но разве может быть иначе, когда вокруг разлеглось жаркое лето, повсюду в воздухе жужжат шмели, стрекочут кузнечики и порхают бабочки и стрекозы?! Жизнь без лягушек, несомненно, была бы однообразна.

Скажите, всё это - ерунда?! Нет, подобное, вроде бы, совсем обычное дело не так-то часто случается в этом мире. Ну, если только в детстве! У бабушки, в деревне...

МОНПАНСЬЕ

Кажется, сколько в детстве того, что может привести тебя в восторг! А тем не менее, из всего виденного на земле в свои четыре-пять лет, я, кажется, не испытывал ещё такой радости, когда держал в руках круглую жестяную баночку из-под фруктового монпансье, которую бабушка преподнесла мне однажды на праздник.

Баночка понравилась даже больше, чем разноцветные леденцы, и я, помнится, пересыпал сладости в вазочку, а пахучую баночку прибрал подальше, складывая в неё потом пуговицы и камушки, нет-нет, да заглядывая тайком туда. Отчего так дорога была мне эта баночка, не ведаю и до сих пор, но всегда с удовольствием вспоминаю её округлость и запах, какую-то необъяснимую сокровенность, какую она заключала в себе.

Это была великая радость! С блаженным чувством благодарности обычно прикасался я к заветной баночке, и ночью, лёжа в своей кроватке, я замирал от счастья, что возле неё, в застеклённом шкафу, спрятана эта чудесная баночка.

Радостно было всегда открывать её, будто я там что-то новое обнаружу, чего раньше не было, но вдруг появилось. Что-нибудь необычное, хотя, откуда бы ему взяться?!

Но всё равно хотелось верить, что в баночке меня поджидает сюрприз, и я даже не спешил снять с неё крышку, оттягивая удовольствие. Ясное дело - мальчишество, зато приятно было переживать ожидание чуда. Ничего не поделаешь, так уж я устроен.

Баночка эта до сих пор стоит у меня перед глазами: на ней - огненная жар-птица, прилетевшая со звёздного неба к Ивану в сказке «Конёк-горбунок». Бабушка часто рассказывала мне эту сказку, знала её наизусть, и, глядя на баночку, я представлял, что жар-птица прилетит однажды и ко мне.

Хорошо было обладать такой замечательной баночкой: вот бы мне её сейчас! Можно даже без леденцов...

СОЛОВУШКО

Детство подействовало на меня своими чудными явлениями и событиями так же сильно, как воздействует на возрождение к жизни всей природы наша незабываемая весна...

Помнится, когда уже сирень развернула свои пушистые султаны, лежал я вечером в своей кровати, у распахнутого окна, и вдруг услышал раскатистую трель, в миг заполнившую своим необычным звучанием всю комнатку. А по саду будто рассыпали какие-то весёлые драгоценные горошины, так они восторженно защёлкали в кустах и траве, что произвело на меня неизгладимое впечатление.

- Это - соловушко, - тихо проговорила бабушка, заботливо склонившись надо мной, отчего сердце необыкновенно взволновалось, и я уже не мог сомкнуть глаз. Невидимая птичка, подлетев к самому дому, так ловко выводила свою залиvistую песенку, что мне непременно захотелось увидеть её, и в душе моей с тех пор тоже зазвучала чудесная мелодия, разливая по всему телу тихую радость.

ПОДАРОК

В детстве я ещё не понимал - как приятно преподносить кому-либо подарки, пусть они даже самые незамысловатые. Мысль о том, что их обязательно нужно кому-то дарить - пришла ко мне как-то сама собой, правда, не без влияния бабушки, когда она однажды, на мой день рождения, связала тёплое кашне, варежки и носочки.

Подарок был очень кстати, поскольку на дворе стояла слякотная осень, и, отправляясь на прогулку, и одевая связанные бабушкой вещи, я чувствовал себя совершенно защищённым. До чего же замечательная у меня бабушка!

С удовольствием шлёпая в ботиках по лужам, я вдруг подумал о тех людях, что никогда не получают подарков, и мне стало их жалко. Ведь если любить и жалеть людей, размышлял я, они все будут хорошими! И надо обязательно дарить им какие-нибудь подарки, хотя бы иногда. У тех, кто никому ничего не дарит, наверное, всегда очень тяжело на душе, и у них от этого часто бывает плохое настроение.

Я тотчас решил стать добрым человеком, преподнеся бабушке какой-нибудь приятный сюрприз. Чтобы у неё не было мрачно на сердце, и она не умирала раньше времени, жила долго и не болела. И я насобирал большой букет красивых кленовых листьев, и подарил его своей любимой бабушке, после чего почувствовал себя добрым и счастливым, и на душе у меня было очень радостно.

НЕВИДАННЫЙ МИР

Каждый день в детстве, уже с самого утра, неудержимо разыгрывалось воображение, и на всё ты начинал смотреть с ожиданием чего-нибудь необыкновенного, того, что ещё не случилось в твоей жизни, но непременно приключится. Нечто диковинное, я это знал твёрдо, ожидает меня тотчас после пробуждения, нужно только умыться, наскоро позавтракать, и выйти в сад, чтобы перед тобой распахнулось окно в удивительный мир, в котором ты, кажется, ничего ещё не видывал, до того он был хорош.

Солнечный восход, ещё со вчерашнего раннего утра подробно подсмотренный тобою, вроде бы, в точности повторяет все восходы, что случались прежде. Но сегодня он уже производит совершенно иное впечатление, и воспринимается как нечто необычайное, тотчас вызывая вопрос: отчего солнышко так быстро перебирается за день по небу с одной стороны земли на другую, кто ему в этом помогает?

А запах?! Он в это утро какой-то по-особенному свежий, с чудесной душистой сыростью, приятно дурманивший голову, так что на глазах выступают счастливые слёзы. Такой запах рождается только в бабушкином саду, его не спутаешь ни с каким другим. Невозможно равнодушно смотреть на открывающуюся взору картину летнего утра, что с каждым мигом всё более расцветает, становится краше.

Листья на деревьях и цветы беспрестанно меняют свой цвет: то темнеют от подступившей вдруг мягкой тени, то светлеют, переливаясь, будто играют. Или пробежит по травам неизвестно откуда взявшийся ветерок, пригнёт их на миг к пахучей земле, и эта лёгкая, еле уловимая рябь

неожиданно породит в душе какую-то радостную проворность и приподнятость, желание бегать, прыгать и летать.

Не устремляться в детстве куда-то, в неведомые восторженные дали, невозможно, и надеешься ты в этом устремлении только на себя. Что-то принесёт этот волшебный летний день – окно в невиданный мир, и куда в нём не взглянешь – всё становится видно!

РАДОСТНАЯ СЛАДОСТЬ БЫТИЯ

Лёжа в своей кроватке, будучи ещё ребёнком, я спокойно изучал светлыми глазами огромное небо, уже тогда чувствуя родство с ним. Был, кажется, серьёзен, никогда не капризничал, подспудно понимая, что осваивать мир можно уже с раннего детства. И мир, несомненно, откликался настолько, насколько его можно было почувствовать в год с небольшим.

Оказывается, это получалось и в таком возрасте, и общение с небом выходило как-то непринуждённо, привычно. Я почти ничего не помню из того, что происходило со мной в год-полтора, но вот эта привычная тяга к небесам чётко запечатлелась, нисколько не удивляя. И ещё меня ничто не тревожило в этом распростёршемся в вышине небе, только тихонько завораживало, дарило благостное успокоение. Как-то довольно просто открывалось, что мне хочется туда...

И в тоже время я чувствовал, что и здесь, на ещё неведомой мне пока в этой жизни земле, существует своя внутренняя тишина и красота, когда ты, вглядываясь в небеса, ощущаешь и собственное присутствие в ней. Оно где-то глубоко в тебе, но если ты пожелаешь, то это присутствие выйдет наружу, ты его непременно почувствуешь.

Чувствовать своё присутствие в этом мире тоже было очень приятно, ты понимал, что какая-то внутренняя истина существует, и она полезна и здесь, на земле. Важно её в себе увидеть.

Хорошо вглядываться в свою внутреннюю тишину именно в детстве, потому что всё к этому в нём располагает: тебе комфортно оставаться наедине с собой, не чувствуя одиночества, потому как твоё сознание близко всему божественному, ты переживаешь ощущение живого умиротворения и благополучия.

Сладость Бытия в детстве ни с чем несравнима, и когда вы чувствуете его в себе, лёжа в кроватке, у распахнутого в сад окна, оно всё более углубляется, а ваш внутренний простор расширяется. Вы ничего не делаете,

просто впитываете жизнь, и всё самое тихое и незаметное, но очень значительное, до краёв заполняет вас.

Это - радостная сладость Бытия, и в детстве ваше сердце к нему необыкновенно чутко. Вы лежите, смотрите в небо, и с удовольствием впитываете жизнь, а всё Сущее радуется вместе с вами.

МОРСКИЕ КАМЕШКИ

В раннем детстве я, конечно, не имел понятия, что на свете существуют чудесные морские камешки, и когда однажды, оказавшись у моря, мать повела их собирать - оказался в полном восторге. Мать, отчего-то, всегда боялась воды, чего нельзя было сказать обо мне, и я смело устремлялся к бурлящим волнам, к самому урезу воды, где, почему-то, располагались самые красивые.

Солёная прозрачная водичка весело набегала на берег, стараясь забраться как можно дальше, а потом с шипением, будто недовольная чем-то, утекала, оставляя пенистые разноцветные пузырьки, и как раз на этом месте открывались глазу яркие округлые камешки, что сразу представлялись живыми. Вот к ним, в первую очередь, и хотелось подбежать, схватить в руки и любоваться, что вызывало у матери раздражение.

Мать сердилась, когда я позволял себе забираться чуть ли не в самую воду, кричала что-то сбивчивое, пытаясь даже обидеть неловким словом, но я ничего не мог с собой поделать... Собирать красивые морские камешки стало моим любимым делом!

Как можно было не приходиться в восхищение, когда на свете существовали такие прекрасные и гладкие, весело поблескивающие в воде разноцветные камешки! Из них можно было складывать драгоценные гербарии, и о страхе, конечно, я не думал: только бы оказаться поближе к ним, завладеть самыми красивыми и сложить в коробочку, чтобы затем изредка вынимать на свет и любоваться.

Мальчишки обычно забавляются такой игрой: разыскав камешки на берегу, подкидывают их в воздух и ловят налету, а потом – бросают в воду, чтобы камешек блинчиком ловко запрыгал по зеркальной поверхности, оставляя за собой разбегающиеся в стороны круги. Но я стремился именно обладать чудесными камешками, и бросать их обратно в воду мне не хотелось. Море как будто дарило мне свои камешки, и на душе от этого становилось легко и приятно.

Некоторые камешки имели очень затейливую форму, настоящее искусство природы, и воспринимались как любимые. В самом деле: где ещё отыщешь такое разнообразие форм и цветов, казалось бы, обыкновенной морской гальки, впрочем, совершенно необыкновенной?!

Хоть камешки и родились именно на этом берегу, но, кажется, радуются распростёршемуся повсюду морскому простору, и будто оживают. Они не лежат на одном месте: набегающие волны, то и дело, колышут их тихонечко, и камешки незаметно переворачиваются с боку на бок.

Волна нахлынет на берег – и камешки будто волнуются, когда же сходит – они вздыхают раздосадовано. Им, наверное, хочется смущать своей неведомой тайной людей, вынуждая их невольно задумываться о чём-либо простом и глубоком, о чём бы они без них ни за что не помыслили, а детей очаровывать своей красотой.

Камешки не могут обойтись без моря, они к нему тяготеют, как и ребёнок не в силах представить себя без игры. Ребёнку радостно внимать обыкновенному камешку, обнаруженному у самого уреза воды. Из всех камней он отличит почему-то только один, затем, подняв, ощутит его приятную тяжесть, полюбуется, как камешек безукоризненно выточен морем и, поднеся к глазам, различит в нём сиреневые, красные и жёлтые крапинки, а когда море накатывает на него, он становится фиолетовым. Как не взять его с собой?!

Матери нравилось собирать камешки подальше от моря, выбеленные на солнце, сухие, но тоже красивые. И всё же, самые редкостные камешки, действительно, попадались именно у краешка воды... Чуть глубже – какие-то серые, невзрачные, выше – совсем обыденные, примелькавшиеся, но вот у черты прибоя, особенно, когда море спокойно и волны не набегают, а лишь размеренно накатывают на берег, камни будто сами старались попасть на глаза, и, освежённые водой, тихо и радостно поигрывали цветастыми боками. Они были по-настоящему чудесны, и я никогда не забуду, как море щедро отдавало мне их, кажется, радовалось при этом вместе со мной, и разрешало забрать с собой.

Карманы мои были набиты ими, я никому не рассказывал о найденных мною драгоценностях, и показал лишь бабушке. Бабушке камешки очень понравились, она похвалила меня за наблюдательность, и некоторые из них я подарил ей на день рождения.

ИМЕНИНЫ

Скоро бабушкины именины, а я не знаю – что ей подарить. Разве что книжку какую-нибудь? Но она и так всё знает, «Конька-горбунка» наизусть мне рассказывает! Нет, бабушку книжкой не удивишь.

Может быть, шкатулочку у маменьки попросить, что у неё и так без дела на трюмо покоится? Но бабушке и про неё ведомо, у неё самой таких целых две! Бывает, мы с этими шкатулками с ней в «магазин» играем, и ей лишняя будет неинтересна. Бабушка такому подарку не обрадуется.

Или, скажем, рыбку золотую в баночке рано поутру перед её кроватью, на тумбочку, поставить... Бабушка проснётся - и удивится, а потом обрадуется. Поймёт, конечно, что это я ей рыбку чудесную подарил. Правда, без помощи родителей мне в этом деле не обойтись, а значит - и подарок не настоящий, не мною приготовленный, и мне становится грустно.

Надо, наверное, что-то своими руками сделать, но легко сказать - просто ли придумать, если ты ей уже и открытку новогоднюю рисовал, и журавлика по весне клеил, а печь торты и хворост, как бабушка, я ещё не умею: не покупать же крендель в кондитерской лавке!

Я смотрю в окно на серое небо, заснеженную землю, голые яблоньки в саду, и ничего не могу придумать. В голову лезет всё то, что хорошо бабушке известно, это не будет для неё неожиданным и незабываемым подарком. Что же делать?

По весне папа подарил мне деревянный кораблик, и я запускал его по лужам, кораблик всем очень понравился, но даренное дарить нехорошо, среди добрых людей это не принято, и как тут быть, если ты ни на что не способен? Хорош гусь, нечего сказать, а ведь бабушка мне и на именины, и на день рождения, и на Новый год гору подарков подарила, и ни разу не повторилась!

Взрослым, конечно, легче, чем детям гостинцы на разные праздники преподносить, они могут больше, чем малыши, и всё же мне становится стыдно: неужели я ничем не порадуя свою любимую бабушку?! Ведь дарование и любовь – способность, данная Богом, Он любящих людей любит.

Коли бы мне привелось одаривать своего дружка, соседского Сёмку, то я, не задумываясь, вручил бы ему армейскую дедушкину зажигалку, с колёсиком, выбивающим искры, изготовленную им из пулемётной гильзы. Но ведь бабушку такой чепухой не увлечь, тем более, что у нас подобного барахла - целый чулан! Бабушке приятно будет получить что-нибудь

полезное для хозяйства и простое, скорее даже - милое, чтобы она улыбалась при виде этого подарка и не забывала о нём никогда. Но что это такое?!

А если взять, да и всыпать в день бабушкиных именин, с самого утра, ей в ладошку свои камушки, что я насобирал в прошлом году у моря? Камушки такие лёгкие и чистые, будто живые, я их так и называю: «живые камушки». Когда камушки сгребашь в горсть, они тихонечко стучаются друг о дружку, словно переговариваются меж собой, отчего на душе почему-то становится легко и радостно, ровно наступил какой-то, никому неизвестный, светлый праздник.

Но ты о нём знаешь, и почему бы не подарить этот праздник бабушке?! Так ведь она тоже об этих камушках догадывается ...

Хороший ласковый разговор с бабушкой может быть ей подарком? Конечно, может, у нас с ней так по-праздничному всё общение и заведено: дарим друг другу радость. Да только именины - дело особенное, душевное, тут что-то иное должно присутствовать, оно каждый день случаться не может. На то они и именины, твоё приобщение к чудотворному Мирозданию: когда ты с именем ангела своего на свет божий появился!

Господи, думаю я, и отчего мне не приходит на ум что-то, действительно, стоящее?! Я отпираю шкаф, достаю из него коробочку из-под монпансье, наполненную стёклышками, пуговками и монетками, перебираю своё богатство, и опять на сердце становится горько. Дух мой замирает в тревожном ожидании, что вот, наконец, откроется мне не дающая покоя истина, и, не помня себя от счастья, побегу я в объятия любимой бабушки с дорогим для неё подарком от себя, от всей своей маленькой души...

А бабушка растрогается, и промолвит:

- Радость ты моя, родненький голубчик. За что мне такое вознаграждение!

И я:

- За то, что ты хорошая... Лучше всех! Так бы тебя, бабушка, Бог любил, как ты меня любишь!

И мы с ней, конечно, обнимемся, и крепко поцелуемся, словно благословив друг друга на нескончаемую любовь. Вот каким счастьем нас Господь вознаграждает! Ведь если радовать родного человека - так радовать по-настоящему, верно?

ПОКУПАЙТЕ ПОРИДОНКИ!

Очень мне в детстве нравилось помогать бабушке вести торговлю. Мы выставляли у ворот нашего дома низкие стульчики, бабушка выносила ведёрки с помидорами, огурцами и клубникой, и предлагали их прохожим. Поначалу это занятие так захватило всё моё внимание, что я даже кланялся каждому, проходящему мимо человеку, с удовольствием посматривая на ярко освещённую солнцем живую улицу, и мечтал о том времени, когда мы с бабушкой разбогатеём. Бабушка всегда тоже улыбалась прохожим, вселяя в меня этим добрым обхождением надежду, что мечты мои непременно осуществляются.

- Господь с нами, Борюха, - весело обращалась она ко мне. - На-ко, вот, погрызи, покамест, - и протягивала морковку, заботливо протерев её уголком передника. – Торговать – не покупать.

Чинно, даже - со сдержанной признательностью, как, по моему мнению, и подобало вести себя истинным продавцам, я принимал ядрёный плод, тотчас засовывая его в кармашек рубашки: торговля, полагал я, не терпит отвлечённости.

- После погрызу, - серьёзно замечал я, преданно взглядывая на бабушку.

- Ну-ну, - с улыбкой роняла она.

- Чай, расторгнемся сегодня? - с деловитым благоговением произносил я.

- На торгу два дурака, - вздыхает бабушка. – Один дёшево даёт, другой дорого просит.

- А мы с тобой, бабушка, кто?

- Инна, мы, милый, тут сидеть за зря будем! - поясняет бабушка. - Не ветром торгуем. Хоть копеечку, да выторгуем. Но и то бывает, что торговать поедешь, а свою цену дома позабудешь. Пора бы нам козла нашего на торг вести!

Сидя с бабушкой у ворот, не нужно было то и дело оглядываться по сторонам, ожидая дворника Филимона с метлой в руках. Приятно было слушать её простые и добрые речи, от них в сердце рождалось счастливое убеждение, что впереди нас ожидает только радость. Радостно было чувствовать себя с ней ребёнком.

Хорошо было сидеть так, поглядывая вокруг, не нужно никакого базара, до которого пока доберёшься - можно умориться! Сначала спускаешься с горы, по длинной деревянной лестнице, потом идёшь

песчаной улочкой, мимо старых приземистых домиков с серыми крышами, и опять - вверх, до самой базарной площади. А возле ворот родного дома даже копеечку выторговать не стыдно: всё нам тут с бабушкой знакомо, и не должно пойти в убыток, хотя бабушка никогда дорого за свой товар не просила. Я же, как мог, старался оказывать ей помощь.

- Поридонки... Покупайте поридонки! - радостно возвещал я на всю улицу, и какая-нибудь добрая хозяйка непременно останавливалась рядом, и покупала плоды наших общих с бабушкой стараний. Доброй продажей свет стоит!

Бабушка поглаживала меня по голове, и мы тихонечко беседовали обо всём, что занимало мой интерес. Мимо проходили разные люди, некоторые останавливались, выспрашивая цену, бабушка заворачивала им в кулёчки клубнику, а я ловко подавал ей новые, заранее нарезанные кусочки бумаги. Дело наше торговое ладилось.

- Притомился, поди? - бывало, спрашивала бабушка.

- Не моги! - тут же бодро отвечивал я.

- Ну что сделаешь? Торговать - не воровать. Потерпи!

- Мы с тобой - торговые люди, - с важным видом человека, который хорошо поработал и теперь желает отдохнуть, выговариваю я. - Уставать нам не с руки!

Бабушка только улыбается, ворошит мои вихры.

- Государь ты мой, я - твоя помощница!

После бабушкиных слов, я старался вести себя ещё более степенно, а она, подзадоривая, подпустит:

- Афеня счёт знает!

Я только прыскаю в ответ: весело нам вдвоём с бабушкой!

- Справно у нас, купчик мой голубчик, сегодня товар двинулся: щеголять тебе в сафьяновых сапожках! - в удовлетворении потом восклицала бабушка. - Не оскудела родная землячка.

- Каких сапожках, ба?

- Это я к слову, родной, так говорится, когда выгоду от продажи имеешь. И хоть наши с тобой барыши - одни медные гроши, зато за свой грош везде будешь хорош. Лишняя денежка, Борюха, и за тебя сегодня помолится.

И бабушка покупала мне баночку монпансье, до которого я был большой охотник!

САМАЯ ЛЮБИМАЯ И РОДНАЯ!

Зимний день медленно крадётся за окнами, присмирившими в плетении морозных кружев, настенные часы однообразно отбивают приход печальных сумерек, время в преддверии новогоднего праздника скудно и коротко, оно томительно несмотря на домашний уют и ожидания прихода взрослых. Где же бабушка?

Но вот отрывисто хлопает во дворе калитка, в сенцах со скрипом гулко поскрипывают валенки, и дверь в прихожую растворяется: на пороге внезапно появляется бабушка! В меховой шали, заиндевевшей от мороза, старенькая беличья шубка уже распахнута, глаза сияют радостными искорками, и ещё от неё так сладко пахнет морозной свежестью.

- Уйди, уйди, милый, я - холодная! - весело восклицает она.

Но я кидаюсь ей на шею, прижимаясь к прохладному душистому меху, и сразу ощущаю на щеках добрые тёплые губы, согревающие до самого сердца.

- Бабушка, - шепчу я с восторгом. - Какая ты у меня хорошая, ни на кого не похожая, самая любимая и родная!

Так уж выходило, что в детстве для меня незаменимой оказывалась только бабушка. И это при всём том, что и папа, и мама обо мне, конечно, заботились, но так проникновенно в мою душу суждено было войти на всю жизнь именно ей: какое милое, родное лицо, какие добрые, натруженные руки, какая честность и спокойствие, несмотря на нелёгкую жизнь.

Неповторимые черты, простые движения и незамысловатые привычки... А голос?! Такой был только у бабушки, и именно его я ожидал по вечерам, в предвкушении очередной сказки, только этого сказочного голоса мне не хватало, чтобы в полной мере ощутить себя счастливым.

Лишь ей одной мне хотелось рассказывать уже собой придуманные истории, говорить обо всём на свете лишь с ней, делаясь самым сокровенным, чем, несомненно, уже обладает ребёнок, ластиться к родным рукам и коленям после того, как не видел бабушку несколько дней. Даже убежав ненадолго во двор, погулять, в сердце своём я стремился к её теплу, представляя себя уже там, возле неё...

Милая, любимая бабушка, как можно было по тебе не стосковаться! Что-то невидимое сплавляло нас с ней в одно целое, и мы, порой, не говоря ни слова, понимали друг друга как никто. Такая моя преданность бабушке придавала веру в то, что и без того прекрасная жизнь, на самом деле, ещё прекрасней!

Богатство бабушки, каким она обладала, кажется, не имело границ. И хоть говорят, что богатство спеси сродни, но у моей бабушки богатство было с умом, а значит – волшебно. Она в своей жизни только на себя и Бога надеялась, и оттого богатой ей жить было не трудно, а радостно, ибо богатством её всегда оказывалась любовь.

Нет в детстве более чудесного чувства, чем любовь, восхищение тем, что просто прекрасно, и в этой своей прекрасной простоте – необъяснимо! Как прекрасны были в детстве книги, что читала мне бабушка. Они уводили мысли в неизведанную даль, ты жил ими, и книги эти захватывали так, что невозможно было уснуть. Вроде бы, не раз услышанная от бабушки история всё равно вынуждала волноваться, и ты забывал, что она не нова, но, тем не менее, опять оказывается для тебя неотразимо увлекательной.

«Не уходи, - говоришь ты бабушке, - почитай ещё...», и бабушка остаётся, пока сладкий сон не уносит тебя к твоим героям, в те самые неизведанные дали, а бабушка не перестаёт с таким же интересом рассказывать удивительную историю, убаюкивая своим голосом, любовью и теплом. Так в детстве побывал я, благодаря бабушке и прочитанным ей книгам, во многих дальних краях, не покидая родного дома, милее которого не отыскать.

Помню натруженные бабушкины руки, они всё время пахли ягодами, каким-то чудесным вареньем, какого она даже не готовила, и запах этот не прекращался никогда, какую бы грязную работу бабушка не исполняла. От всего её тела, не только от рук, исходило ласковое благовоние, которого я ни от кого не чувствовал, и эта благодать изливалась из бабушки как милосердие, содержащее сладкий ягодный дух, особую душистость, что обычно в изобилии присутствовала в доме по праздникам. Бабушка же пребывала в нём всегда.

Необыкновенно тепло становится на душе, когда думаю о милой бабушке, и тогда милыми становятся все времена года, наша улица, где мы с ней гуляли, утро и вечер, каждый божий день, и даже неизъяснимо далёкие и загадочные светила в ночном небе, что я верю, когда-нибудь достигну...

Под тёплым дыханием бабушки, как под дыханием мягкой летней ночи, засыпалось так же тепло и мягко, приятно думая и о прошедшем дне, и о грядущем, с неперенной верою, что всё всегда будет радостно и хорошо.

А каким волшебным воображалось обыкновенное бабушкино одеяло, сшитое из разных кусочков ткани! Будто многоцветное облачко задержалось в нашей маленькой комнатке, представляющей уже целым миром, и его хотелось бесстрашно постигать вместе с любимой бабушкой...

«Не стремись выделиться перед другими, - наставляла меня бабушка, - чтобы они как-то отметили тебя. Важнее всего – научиться видеть, слушать и самому говорить на языке всех живых существ, принимая в душе каждого – будь это растение или человек. Выбор всегда за тобой.

Полюби через себя весь мир, прими его, и стань тем, кем тебе хочется быть. Не ленись отыскивать правду, она – повсюду, и если ты проявишь к ней внимание, Божественное Существование не оставит без внимания и тебя самого. Будь настоящим!»

СОЛНЕЧНОЕ СЧАСТЬЕ

В детстве моём было полно цветов, целый сад, но я, помнится, не любовался цветами, тщательно разглядывая каждый цветок в отдельности, они сами собой входили в меня, даже не спрашивая моего разрешения, а я просто наслаждался этой цветной солнечной жизнью, утопая в её ароматах.

Бывало, с затаенным духом разглядываешь старую яблоню, бабушкину накидку, покоящуюся на кресле-качалке или яркого петуха, гордо расхаживающего по двору, и долго не можешь на всё это наглядеться. С таким же интересом потом переводишь своё внимание на кошку Бусю, огромного налима, выловленного папой на неведомую для меня жерлицу или потаённую гладь пруда, где деревенские мальчишки выуживают юрких пескарей, и душа твоя полнится восхищением от всего увиденного.

И вот, ты всё смотришь и смотришь, не в силах насладиться тем, что раскрывает перед тобой этот неизведанный мир. Даже когда наступает ласковый вечер, с высыпавшими по небу зёрнышками звёзд, ты с блаженным умилением предвкушаешь следующий, не менее яркий солнечный день, и не оставляешь попыток открыть для себя что-то такое, чего ещё не случилось в твоей жизни.

Разве забудешь, как в детстве, каждый день, неудержимо врывается в твою жизнь солнечное счастье, оно – во всех вещах, что окружают тебя, и в них будто находишься ты сам - маленький вихрастый мальчишка шести лет, очень счастливый и солнечный, как никто ощущающий единение со всем Сущим.

ЗАБОТЛИВЫЙ ВОЗДУХ

При всей заботе ко мне бабушки, я, тем не менее, отвожу значительную долю неусыпного внимания к себе движущемуся вокруг ... воздушному пространству. Будто только для меня оно таинственно роится, очаровывает, словно это даже и не воздух вовсе, а какое-то еле угадываемое существо, почему-то ненавязчиво и искренне оказывая мне своё неослабевающее попечение.

Существо это давало о себе знать лишь изредка, на короткий миг, коего, впрочем, было достаточно для того, чтобы его усмотреть. При этом, оно никак не тревожило, не выглядело надоедливym или пугающим, представляя себя мне как нечто родное, что именно призвано заботиться и оберегать, ничего более в своих действиях не выказывая. И мне становилось так, будто я его давно знаю, даже - люблю, и когда оно появлялось – я начинал улыбаться ему, пытаюсь дотянуться ручками, и это трогательное «что-то» тоже как будто улыбалось, так, что я чувствовал его ровное дыхание, понимая, как оно бережно меня околдовывает, обнимая.

Чудное действие этого обворожительного воздушного существа не мешало, а помогало мне жить, отчего я всегда был покоен, зная: заботливое воздушное пространство питает моё маленькое сердце своей безбрежной любовью.

БАБУШКИН САД

Ах, какой чудный был бабушкин сад! Весь он отливал какой-то волшебной зеленью, что даже светила на солнце, и, утопая в ней взглядом, сердце тихо и счастливо билось в груди ласковой птицей. Её страшно не хотелось вспугнуть, отчего я пробирался сквозь густую зелень осторожно, ступая как можно тише, и птица эта, тоже не решаясь вспугнуть чудесную тишину, в какие-то мгновения радостно замирала, боясь даже ворохнуть.

Какою сказочной воспринималась эта пора, возможность быть в ней и чувствовать себя счастливым. Ясно было одно: Господь не побрезговал ради бабушки волшебным садом, и одарил её им, а за одно – и меня!

В какие-то редкие дни, поутру, сад бабушки как будто вздрагивал, и, расправив зелёные крылья, готов был лететь вверх, в небо, растворившись в

нѐм ароматным облачком. Но почему-то, всё-таки, не улетал, щедро, но ненавязчиво украшая землю.

В детстве я, конечно, не знал ни гор, ни полей, ни лесов, ни морей, и всё знание о жизни мне дарил именно бабушкин сад. Он был, можно сказать, моим неразлучным товарищем. Причѐм, особой красоты в нѐм, на самом деле, вроде бы не наблюдалось: ягодные кусты смородины, крыжовника и вишни, старая раскидистая сирень, с полдюжины крепких приземистых яблонь, да небольшие цветники под окнами с ноготками, георгинами и флоксами. Ничего, в общем-то, примечательного, исключая, впрочем, таинственную тень в самом дальнем углу сада, но и это нехитрое жизненное пространство доставляло мне истинное удовольствие.

Особую радость переживал я от того, что через этот сад представлял себе величие всего божественного мира, и эта воображаемая безграничность ложилась на мою детскую душу неизгладимым впечатлением. В нѐм угадывались и поля, и горы, и леса с морями, и было мне так, будто я уже не раз побывал там, отчего воображение ещё более ширилось, и я не мог нарадоваться нашим бедным садом, беспрестанно рассказывая бабушке о его неслыханных чудесах, что я там увидел.

А она слушала с любопытством, устремив на меня полный восхищения взгляд, и тоже, наверное, начинала верить в волшебство своего обыкновенного огорода, наделяя его самыми необыкновенными свойствами, а шѐл ей тогда седьмой десяток лет...

СЛАВНАЯ ПТИЧКА

Обычно я любил с нетерпеливым желанием бежать в угол бабушкиного сада, к спелым вишням, и рвать подпеченные солнцем мягкие ягоды. А то выдернешь за пахучий хвост крупную морковку, встряхнёшь её и куснёшь прямо вместе с песком ядрѐную сочную плоть. Всюду здесь была своя сладость, и переживание одних счастливых часов, кажется, не прекращалось.

Это было для меня самое глухое и потаѐнное из всех, таких же потаѐнных мест на свете, где я мог оставаться один, в тоже время не чувствуя себя одиноким. Какая благословенная радость снисходила тогда на меня в этом заросшем бурьяном углу, чего я только не открывал для себя здесь, украдкой наблюдая за жизнью тенистых трав и чудесных насекомых. Казалось, сидел бы в этой укромной травяной тиши целую вечность, чего-то разглядывая и о чѐм-то мечтая.

Однажды я забрался в самую гущу крапивы, что в обилии произрастала в самом заросшем углу, за баней, и из этих зарослей вдруг выпорхнула такая славная птичка, которой я ещё не видывал. По-видимому, не заметив меня, птичка уселась на самый край крыши, и я хорошо её разглядел.

Тю-тю-тюнь, тю-тю-тю, тюнь-тюнь! – тоненько и нежно прозвенела в воздухе её коротенькая песенка.

Головка, горлышко и брюшко у птички были белоснежные, вроде бы, совсем не подходящие воцарившемуся летнему жару, через глаза на затылок у неё проходила лазоревая полоска, а спина и серые крылья заметно отливали голубоватым оттенком. Ещё поперёк крыла птички выделялись светлые пятнышки, буроватый хвостик переливался синью, тогда как пара наружных перышек, как и грудка с головкой, были белыми.

И тут, из этих самых зарослей крапивы, свечой вверх, выпрыгнула наша кошка Буся, и саданула лапой по воздуху, пытаясь зацепить чудесную птичку. Но, к моей радости, промахнулась, и птичка, со свойственной всем крохотным птицам ловкостью, проворно юркнула в укутанные листвой ветви старой яблони, ухватившись за одну из них, повисла спиной вниз, и уже через мгновение исчезла, будто её и не было. Я даже не успел до конца восхититься.

Образ этой чудесной птички никак не вязался со жгучей крапивой, заполонившей собой весь угол сада. Ей, скорее, подходили ветви чёрной, белой или красной смородины, с гроздьями ярких блестящих ягод, а эта дивная птица отличалась нежностью оперения, какой-то неизвестной мне ещё ласковостью, и я с такой же нежностью вспоминал потом о ней, не зная даже, как эту птичку величают.

Какая славная птица живёт в нашем садике, думалось мне, что и в сказке, наверное, не отыщешь, и стал он мне представляться какой-то божьей светлицей, где милой птичке и хлеб, и просторный дом, и желанная воля. Чудо, а не птица, и как потом оказалось, прозвана она была меж людей таким же чудным прозвищем - «лазоревка», то есть - птица трогательного небесного цвета, призванная Богом, как и милое дитя, только очаровывать сердце своим нежным обликом. И ещё вольная, как счастье: где захотела, там и села!

Вот и сам сад у бабушки в какие-то редкие дни, особенно - поутру, как будто вздрагивал, и, расправив зелёные крылья, как эта самая славная птичка, готов был лететь вверх, в жаркое небо, растворившись в нём ароматным облачком. Но почему-то, всё-таки, не улетал, щедро, но ненавязчиво украшая и без того прекрасную летнюю землю.

ПОРОЙ ДОСТАТОЧНО ОДНОГО СЧАСТЬЯ

Что, по-вашему, есть счастье? Если хотя бы немножко подумать, то можно понять, что в нём нет ничего сложного. Счастье - это когда вас что-то пронзает, и вокруг становится светло. Вы сами светлеете, расправляются ваши плечи, у вас появляется завидная осанка, проясняется взгляд и лицо. Вы начинаете видеть то, чего раньше не замечали.

Люди, которые для вас ничего не значили, вдруг обретают в ваших глазах себя и открываются с самой выгодной стороны, вы уже не можете этого не замечать, так же как и они не могут не заметить случившейся с вами перемены, вашего счастливого состояния. Счастье, оказывается, очень простое дело, и оно легко и незаметно наполняет вас собой. Люди не понимают, что совсем не обязательно, если во всём будет присутствовать смысл: порой достаточно одного счастья.

Счастье есть для всех и всегда: ты либо принимаешь его, либо нет. Обычно, люди находят оправдание для себя, им, по какой-то неизведанной причине, что-то постоянно мешает переживать радость. Препятствие находится легко: ведь несчастным быть так удобно.

Но и желание стать счастливым не так уж недостижимо. Человеку не хочется проявлять решимость, а казалось бы - что может быть проще того, чтобы испытывать в душе чувство полного удовлетворения? Сделай шаг, соверши бросок к самому себе, решившись быть счастливым, только и всего. И всё же человек пасует, проявляя нерешительность, но всё зависит от него.

А как легко быть счастливым ребёнку! Вы думали: почему? Дети ничего не боятся: они могут остерегаться темноты или набросившейся из подворотни собаки, но никогда не проявят страха перед жизнью: она им необыкновенно интересна. Они не видят в ней никаких рисков, потому что уверены: жизнь не подведёт их, она их не обманет.

А дело всё в том, что дети сами не обманывают её. Они просто любят жизнь.

ПРАВДА ЖИЗНИ

С ранней юности стал я частенько задумываться - как мне жить? Видел, что и все взрослые люди про это ничего не знают, живут, как придётся, или - кто к чему привык, а мне так жить не хотелось, и я не отступал от своих

мыслей о жизненном смысле, не переставая, думал о нём, веря, что добьюсь не дающей покоя разгадки, и, действительно, однажды добился... А вы как думаете: где тут собака зарыта?

Всё дело - в правде, в желании жить только по ней, чего бы с тобой не случилось, и если не свернёшь с этой дороги - достигнешь в себе Бога, чего Он терпеливо ждёт, отпуская каждому только те испытания, что человек способен вынести.

Ну, а коли не выдержишь, лишишься в сердце терпения, то уж не добиться тебе той самой правды, способной принести истинное счастье. Пеняй теперь только на себя, никого не виня, ибо, правда со счастьем рука об руку ходят, судьба свою радость никак не может миновать, и жизнь должна продолжаться не по тяжкой необходимости, а по великому, жизнеутверждающему благу, с любовью.

ЧУДЕСНОЕ ЕДИНСТВО

Как, в сущности, бедна человеческая жизнь, если в ней не было настоящего детства! Тогда человек лишь обманывает себя надеждами на счастье, и целомудренные звёзды не дарят ему своего радостного блеска.

«Куда же всё подевалось, - в растерянности думает он. – Да и было ли что-то на самом деле? Неужели в моей жизни так ничего и не случится?! Будет, по-прежнему, вставать и садиться над землёй солнце, весной опять прилетят с юга птицы и начнут сооружать гнёзда, зацветут подснежники и медуница, но всё это будет происходить без моего участия, словно я совсем не нужен!»

В течение всей жизни верилось, что вот, на будущий год, обязательно свершится нечто значительное, и оно повернёт существование в единственно допустимое русло, которое окажется по-настоящему достойным и счастливым, так что радость не минует тебя. Но проходит и этот год, и следующий, а ничего не меняется: также вспыхивают на вечернем небе манящие к себе звёзды, прилетают и улетают птицы, время утекает куда-то бесследно, и тебе вдруг захочется вернуться в детство, чтобы начать всё сначала, уже ничего и никого в своей жизни не упуская.

И ты улыбнёшься этой простой возможности хотя бы мысленно перенести себя в далёкое былое, всё-таки почувствовав связь с дорогой Вселенной, где есть место и звёздам, и солнцу, и птицам с цветами, и тебе, не

перестающему никогда переживать это чудесное единство, ощущая полную свободу в выборе своего благословенного жизненного пути.

НЕПОГОДИЦА

С детства усвоил я, что безрассудно сердиться на непогоду, все неудобства, преподносимые природой, не зависят от человеческой воли, и что грешно проявлять недовольство и роптать на слякоть во дворе, дождь, снег или пронизывающий ветер, поскольку все эти напасти посылает нам Бог. И оттого люди должны принимать всё происходящее с ними спокойно, в полном радушии к природе, какие бы сюрпризы она не уготовила.

Доброе расположение к погодной неурядице, взятое за обычай с малых лет, впредь уже никогда не позволяло ей испытывать моё терпение. Какое бы неустройство не уготавливали мне мороз и холод, ливень и зной, ураганный ветер и шторм, я всегда сохранял в душе уравновешенность и покой, а судьба хранила меня на каждом шагу.

Да и способно ли пасмурное небо или лютая метелица нарушить настроение не испорченной неверием в собственные силы молодой и неустрашимой душе? Ведь в детстве за счастье - даже дождь и ненастье!

ОТЧАЯННЫЙ ПОЛЁТ

Не забыть пухлый чистый снег детства, мягко устилающий крыши дворовых сараев... Залезешь на такую крышу, утопая по колено в наметённой за ночь снеговой шапке, и ровно станет легче дышать: воздух тонкий, звонкий, и слова в нём разносятся так же звонко и весело.

Прежде, чем сигануть в сугроб, осторожно подберёшься поближе к краю, откуда свисают белыми застывшими языками снежные надувы, и если не рассчитаешь и оступишься, то тотчас ухнешь вместе с грудой пушистого снега вниз, в облаке искрящихся на солнце снежных хлопьев...

А нужно остановиться у самой кромки, подчистить валенком площадку для прыжка, и, собравшись с духом, лететь с замершим сердцем в необъятный сугроб, представляя его таким же необъятным морем, где не страшно и утонуть. И пока летишь в морозном воздухе какие-то чудесные и головокружительные мгновенья, то и подумать ни о чём не успеешь.

Только бы бухнуться в снежное воздушное море, не боясь, что невидимые морозные иголки вопьются в лоб и щёки, на глазах тотчас выступят стеклянные слёзы, и всё твоё существо, ещё переживая отчаянный полёт, будто вращётся в снег...

Как это восхитительно - лететь с крыши в жгучий сугроб, ничего не страшась, и чувствовать себя самым счастливым человеком!

БОЖИЙ ГЛАС

Помню, как мы гуляем с бабушкой, взявшись за руки, то ли это было воскресенье или какой-то праздник, и вдруг, как гром среди ясного неба, раздаётся колокольный звон! Он неудержимо ширится, кажется, разливается по всему городу, и так от этого и страшно, и радостно становится на душе, что остановимся с ней, замерев, и она тихонько промолвит:

- Божий глас, Боренька... Вести хорошие, не переставая, слушала бы.
- Даже на небе слышно? - осторожно спрашиваю я.
- Порой так свято звонница льётся, милый, что и до самых блаженных мест доносится!
- Не то, что колокольчик над нашим крыльцом, - робко замечаю я.
- Тот-то лишь позванивает, - утирая губы уголочком платка, шепчет бабушка.
- А если во все колокола ударить? - вдруг озаряет меня.
- То будет красный звон... Он, что небесные гусли.

Вот бы посмотреть хоть одним глазком на того звонца, что этими колоколами распоряжается, думаю я, и ещё пуще прижимаюсь от внутреннего восторга к бабушке.

Колокол же разносит свою чистую песню по всей округе, и уже чудится мне, что это не звонарь на вершинке церкви качает, словно зыбку, могучий колокол, а он сам, изнутри себя, переливается своей неудержимой свободой, доносясь до всякого сердца. И моё сердечко тоже, вместе со всеми, радуется, заливаясь маленьким колокольчиком, отчего и весь мир наполняется неопишуемым счастьем.

И тут вдруг бабушка, переkreщаясь, тихонечко молвит:

- Приходит счастье повсюду, будто весна, благовестит во славу Господню!

СУНДУЧОК

С тех давних лет моего детства до сих пор звучат в памяти бабушкины слова:

- Что бы я делала, Боренька, без своего дорогого сундучка!

И я, действительно, воспринимал его каким-то волшебным.

Бабушка же загадочно шурилась, и тихонько наговаривала:

- Все мои наряды, ладиколоны и мыльца в нём.

А я представлял, сколько же там, помимо этого бабушкиного богатства, ещё разных таинственных вещичек! Мне всегда хотелось заглянуть в сундучок, но бабушка не позволяла.

Только по праздникам бабушка раскрывала его, доставая душистые пузырьки и платочки, раскладывала их бережно на кровати, садилась рядом, сложив руки на коленях, и, молча, разглядывала. Иногда какой-нибудь из пузырьков брала в руки, и, осторожно поднеся к лицу, вдыхала, чуть улыбаясь, а затем пузырёк вновь исчезал в потаённой темноте сундучка. Бабушка при этом слегка вздыхала, что-то нащёптывая, и опять улыбалась.

- Что за чудо, - еле слышно произносила она.

Потом из сундучка извлекалась на свет гребёночка для украшения женской причёски, не простая - черепаховая, и бабушка, покойно закинув голову, степенно проводила ей по седым волосам. Будто на душе у неё покойно-покойно, и она вспоминает что-то очень хорошее, чего забыть никак нельзя, и думается об этом хорошем тоже хорошо, приятно. Ничто, кажется, не беспокоило её тогда, в такие минуты, и в её душе, наверное, наступало отдохновение, а все заботы и опасения отходили, уступая место добрым раздумьям.

Гребёночка же с перламутровыми зубьями вся переливалась в муаровых разводах, как на настоящем черепашьем панцире, и бабушка, неспеша расчесав волосы, как-то незаметно помещала её на затылке, после чего я всегда заходил ей за спину, разглядывал гребешок, и тихонечко прикасался к нему пальцами. Гребень этот казался мне диковинным, а на ощупь был всегда тёплым, даже – ласковым.

- Не гребень голову гладит, а время, - тихонечко замечала бабушка, и прижимала мою голову к своей груди.

Хранилось у неё в сундучке и зеркальце. Только бабушка в него не гляделась, а поглаживала резную деревянную оправку натруженной рукой, после чего заворачивала в платочек, и убирала на дно своего дорогого сундучка, будто молодея при этом.

- Бабушка, - с волнением восклицал я, - какая ты красивая!

Бабушка же, улыбнувшись, сообщала как неведомую новость:

- Вот и я замечаю: внук у меня - совсем жених! Сударик ты мой родимый.

Оба мы друг другу очень нравились, и даже зеркальце, кажется, радовалось вместе с нами. Ни от чего в такие дни ни шло столько радости, как от бабушкиного сундучка.

- Бабушка, - переполненный чувством, обращаюсь я к ней. – Твой сундучок нам с тобой - как праздник!

- Господь с нами, родной, - в сердцах молвила она. – Он, кажется, и в нашем с тобой сундучке обитает. Как открою его, будто именинница!

Но всё равно грустно покачивала головой. И, тем не менее, то были счастливые дни, когда мы с бабушкой как-то по-особенному дивились этому сундучку, называя его «нашим», всегда раскрывая его с предощущением внутреннего восторга, будто в душе расцветает цветок, и пахнет ненавязчиво и ласково, так сокровенно, пока мы сундучок не закроем. А потом я и месяц, и два, и три с затаенным духом жду: когда же бабушка его открывать вздумает, и из сундука опять начнут истекать хранимые ей божественные чудеса? На то, наверное, воля Божья.

Я и сейчас, будучи уже взрослым человеком, подошедшим к своему краю, нет-нет да помолюсь, желая хотя бы ещё разок побывать в этой сказке, называемой детством. И если Бог даст, то непременно задуманное свершится: благословенный бабушкин сундучок откроется, и, как и прежде, мы с ней вновь обнимемся, сидя возле него, и поблагодарим Господа за то, что принёс нам любовь, проистекающую из обыкновенного кованого сундучка.

Разве проникнешь земным разумом в пути Господни?! Но как радостно идти по ним, неся в душе любовную крепость и милосердие, ощущая рядом присутствие родной бабушки, что освещала меня всегда своим внутренним солнышком, проистекающим и из её волшебного сундучка.

СВЕТЛОЕ МЕСТЕЧКО

Нежная, приятно пахнущая теплота изливалась от бабушки, и мне всегда счастливо было находиться с ней рядом, спать на одной постели, в обнимку, плавно погружаясь в сладкое забытие. И так - во всём.

Одного я не любил: во время жестокой простуды дышать над варёной картошкой, и это лечение самым тщательным образом уготовливала мне бабушка, не обращая внимания на мои молитвы, что моченьки терпеть уже нет никакой. Наварит картошки в чугушке, накроет старой шалью, плотно подоткнув её под самый горшок, чтобы не миновал меня жгучий пар, и наставительно молвит:

- Вдыхай во всю силу, Борюшка, да не ртом, а носом забирай жар, я всё слышу!

Я соплю изо всех сил, стараясь забирать горячий воздух краями, но эти уловки не минуют бабушкиного внимания, и она поддаёт мне слегка ладонью в темя, приговаривая:

- Отче наш, ижи если на небеси, воля твоя, царствие твое, пожалей внука родимого моего, ради Христа!

От этих слов со свистом втягиваю я обжигающий картофельный дух, не в силах сдерживать изливающиеся слёзы вперемешку с соплями, неуклюже сглатываю эту солёную смесь, пытаюсь оставаться честным к бабушкиному врачеванию, уже не чувствую ни щёк, ни ушей, ни лба, сам превращаясь в одну большущую картофелину, а бабушка, не отступая, увещевает:

- Крепись, милый, не приноравливайся в себе к слабой повадке, а то придётся терпеть до лета!

И я не потакаю в себе слабине, не послабляю обману, хотя очень хочется раскрыться, но стыдно не вынести бабушкиного испытания во имя собственного здоровья. Ведь она старается ради меня, и я мужественно терплю, не крикнув.

А разомлевшие мысли плавно струятся из головы наружу, подальше от разгорячённого чугушка, бабушка же сидит где-то рядом, молчком, и я чувствую, как ей хочется приостановить мои страдания, но она тоже не попускает в себе слабинку, любя меня.

- Спешить нечего, потерпи, голубь, - тихо произносит она, и я угадываю по её грудному голосу, какая у неё в сердце живёт забота. Кажется, вот-вот прижмёт мою голову к сердцу, но перемогается в своей любви, не подавая виду.

- Бог терпел, и нам велел, - ласково добавляет она. — Терпя - в люди выходят. Картошечка-то - самый аппетит!

И я терплю, терплю от того, кого больше всех люблю, а в висках гулко выстукивают неутомные молоточки, и едкий пот заливает глаза. Это спешит вырваться из меня на свободу горячка хвора, мы с бабушкой её

выгоняем, того и гляди горшок с картошкой надсядется! Но всякому терпению мера...

- Господи, - еле слышно шепчет совсем рядом бабушка, - пожалей моего малого голубёнка. Дай ему радость и на этом и на том свете, пошли в светлое местечко...

МЫ ИДЁМ С БАБУШКОЙ В БАНЮ!

По субботам мы с бабушкой ходили в городские бани. Уже навек пропало то старинное здание, в котором они тогда располагались. Но я хорошо помню, как мы спускались по длинной деревянной лестнице, устроенной в несколько проёмов, под гору, к песочной улице, где всё пространство как будто расступалось в преддверии какой-то более завораживающей, ещё совсем неизвестной мне жизни, и идти по песку было хоть и неудобно, но радостно.

На такую улицу выйдешь - больше увидишь, не сравнить с теснотой наших приречных переулков, где некуда деться, тут же - везде поместишься. В лицо ударяет простором и незнакомыми запахами, а там, где мы живём, на горе, жизнь тянется укромной вереницей зеленеющих огородов с домиками-скворечнями, стаями ворон и галок, серыми заборами, скрывающими за собой тихо обустриваемую незаметную жизнь.

Здесь же, в городе, появляется необъятное раздолье: куда не взглянешь - всякий раз открывается нечто новое, что, в первую очередь, привлекает детское восприятие. Нет ни укромных избушек с дровяниками и кучами навоза, ни домашней птицы, что вольно разгуливает по заросшим свежей травкой покойным улочкам, а встаёт, как солнце, светлый город. Только что колокольным звоном в нём не встречают, хотя неподалёку от нашего с бабушкой дома высится важная колокольня, выше городских домов!

Из-за деревьев уже видны их разноцветные крыши, и в этой распахнувшейся передо мной широте я ощущаю только праздник. Вот и пахнет тут как-то солнечно, открыто, и это огромное пространство, кажется, закрывает собой весь мир. Город всегда приветствует тёплым ветерком, поток неизведанного городского воздуха вливается в меня неудержимым потоком, и я забываю, что мы идём с бабушкой в баню!

Втягивая носом струйки неизведанных запахов и перемен, я, кажется, пьянею от этого открытого для всех места, существующего, наверное, только для свободных поступков и мыслей. Смотрю на всё тоже светло, с

нескрываемой радостью, и большие окна высоких домов улыбаются мне навстречу играющими в воздухе весёлыми лучами, подмигивают, кажется, даже приободряют. Я гляжу на раскинувшуюся впереди широкую улицу, и тоже улыбаюсь. Улыбается и бабушка, поглядывая на меня.

А повсюду - шум колёс и звон надвигающихся трамваев, пешеходы спешат куда-то, не обращая ни на кого внимания, и всё это движение никак не может уместиться в моей душе. Но хорошо бывать здесь уже только из-за того, что на каждом углу торгуют мороженым, то и дело слышатся зазывные выкрики - «мо-ро-жен-но-о-е, мо-ро-жен-но-о-е!», и я с умилением смотрю на бабушку. Чудесный день, светлое настроение, а простору вдоволь на все четыре стороны!

От радости я и забыл, что у меня в кармане - глиняный петушок-свистулька, и, вынув его, с волнением прилаживаюсь, чтобы вышло чистое звучание, но поначалу ничего не выходит. Держа в одной руке петушка, а другой уцепившись за бабушкину юбку, я продолжаю насвистывать, дую, что было мочи, пока не получается стройная мелодия, почти как у птицы. Я никак не овладею свистом сквозь пальцы, как это делает соседский Сёмка, и потому ношу с собой этого глиняного свистуна.

Не всякая птица свищет, иная - чирикает, а сова и вовсе только пыхтит да щёлкает, но я обязательно научусь, а пока только насвистываю на глиняной дудочке свои напевы, и мне это очень нравится. Бабушка, поглядывая на меня, вкрадчиво говорит: «Не всё бичом да хлыстом, ино можно и свистом!»

А вокруг весело перепархивают вездесущие воробьи, щеглы и гаички. Эх, как было бы хорошо, только ненадолго, тоже стать птицей, склёвывать по деревьям вкусные почки, пить водицу из поблескивающих луж, радоваться солнцу.

Но если честно, то не хочется, даже на время, терять свободу, своё привольное детство. Ведь что-то праздничное всегда присутствует в нём, и во всём, что окружает, то, чего не почувствуешь, наверное, не будучи человеком, хотя ты и шестилетний мальчишка.

Но вот и бани. Там, я уже знаю, - горячая вода, пар и колючая мочалка, ей бабушка будет драть мне шею. И ещё - много голых людей, а всё-таки, некая нерешительность присутствует: как будет в этот раз?

Я - маленький, и, конечно, не смущаюсь своего тела и того, что вокруг - обнажённые женщины. Они для меня, как и бабушка, просто хорошие люди, пришедшие, как и мы с ней, смыть с себя всё ненужное, стать чистым.

Да, баня и гладит, и ладит, и правит, как без неё? Коли бы не баня - все бы мы пропали, - говорит бабушка. И она ведёт меня каждую субботу в

баню, намывая как к празднику, переодевая во всё чистое: баня все болячки смое, а шайка сполоснёт. Задаёт бабушка внуку баню во имя его здорового тела и духа!

Но что в бане интересно более всего, так это само её обустройство: всё здесь в уютном пару и тепле, ты будто в сказке. Правда, пока ещё, конечно, без калильной печи с булыжником и парильни, где взрослые задорно обхаживают себя дубовыми и берёзовыми вениками. Вокруг стен - каменные лавки с изогнутыми ножками-лапами, на них моются, в стенах - краны с горячею и холодною водою, на лавках - перевёрнутые шайки для мытья и оката. Мохнатые колючие мочала мы с бабушкой приносим с собой.

При всякой порядочной бане имеется предбанник, где все раздеваются, отдыхают и запивают её квасом. Бабушка тоже берёт ядрёную настойку на чайном грибе, что ударяет в нос и голову до слёз. Хорош квасок, коли шибает в носок!

Но мне больше всего нравится пускать мыльные пузыри, пока они не лезут в глаза и уши. Не зря общую комнату или зал, где не парятся, а только моются, прозвали в бане «мыльней». Есть в бане и «мыльщик» - служитель, который моет людей, если его попросишь.

Правда, бабушка сама намыливает мне голову, усердно взмывая воду беленьким мыльцем, так что дышать трудно: настоящая баня, хоть и без сильного жара, да шёлкового веничка, но, кажется, на малиновом пару! Для всех тут найдётся место, и всем баня несёт чистоту и свет.

Пена в тазу волшебным образом вздувается, будто сахарная вата, выпирает, и я окунаю в неё руки как в облако, что кладу тихонько на голову и плечи, радостно переживая её приятную воздушность, какая только в бане. И тут же бабушка окачивает меня тёплой чистой водой, тоже как будто волшебной.

- Дай тебе Бог здоровья, миленький, - приговаривает она, - живи долго и счастливо.

Я робко замечаю:

- Все грехи, бабушка, отмоем.

Бабушка улыбается и утешает весело:

- Великий ты мой разумник, какие ж у тебя грехи?

- Всё равно, - не унимаюсь я.

Может быть, от этого бабушка ещё сильнее взбивает пену, ласково натирает мне уши, пошучивая:

- Ну, банщик, много грехов смыл?

Чего тут скажешь: священна баня, всякому она пригодится, ибо не только тело, но и душу отмывает. Ведь только один Господь без греха.

С бабушкой мне всегда весело, хотя бы это была и баня. Обычно она что-нибудь рассказывает, или просто приговаривает, пока мы идём до бани, и когда бабушка стаскивает с меня пальтишко и рубашку со штанишками, отчего всё представляется смешным, то даже не хочется отвечать ей от нежности, и я только улыбаюсь, притворяясь, что не слышу, что она говорит.

Особенно весело нам становится, когда бабушка принимается стягивать длинные чулочки и расстёгивать липучки на моих ботиках, тогда она тоже начинает улыбаться, и я обнимаю её за голову.

- Не стыдно тебе, - как будто бы строго замечает она, - что бабушка ходит за таким большим внуком. Ты ведь у меня не девочка, а мальчишка!

Но мне совсем не стыдно, я знаю, что бабушка шутит, и ей нравится, как она говорит, «ходить» за мной. И я только улыбаюсь:

- А купи мне сапожки, и тогда я буду у тебя самостоятельным!

Она опять только улыбается, а потом тихонечко добавляет:

- Я тебе ещё и валеночки куплю, такие же беленькие, как зимушка, и будешь ты у меня настоящий мужичок!

И вот, после всей этой занятой процедуры, мы, наконец, в банном зале, и он повергает меня своим гамом, шумными потоками отовсюду льющейся воды, в сыром воздухе повисает грохот шаек, и всё это - в беспросветном жарком пару! Задорно намыливается мыло, будто норовит воскликнуть: как быть – если не станем мыть? И бабушка, что было сил, намыливает мне спинку, а я только покряхтываю: ничего, что в бане душно, ибо каких только дураков не свете нет, а и те после бани не чешутся. Банька всех моет, она мать родная!

С замиранием сердца слушаю я и наблюдаю, как то и дело хлопает на пружинке наружная дверь, там и тут слышатся весёлые возгласы и довольное фырканье голых тёток: кто кого перемылит! Охваченный всем этим безудержным возбуждением, я понимаю, что тут происходит что-то интересное. Помни день субботний - иди в баню!

А бабушка уже занимает свободную лавку, отыскивает брошенные кем-то тазики, и, ополоснув их, принимается набирать горячую воду. Вода плещется из крапов беспрестанно, один тазик только успевает сменить другой, и во всём этом водном извержении идёт кругом голова. Да это только с непривычки!

Лавка, хоть и каменная, но тёплая от повисшего в воздухе жара, а если обдать её водой из тазика, то и вовсе станет горячей. Когда бабушка склоняется надо мной, ловко намыливая голову, я слышу, как от неё приятно пахнет домашним печеньем. Мыло же, между тем, забирается в уши, стекает

на глаза, так что, почему-то, страшно хочется открыть их и посмотреть - что творится вокруг? Да разве решишься?!

Глаза начинает неудержимо щипать, и я скорее промываю их от мыла, стараясь, всё-таки, рассмотреть хоть что-нибудь, а бабушка:

- Ну, ещё раз намыливаю и смою, жмурься!

Но въедливое мыло делает своё дело, глаза режет, будто надышался луку, и голова идёт кругом. Что же это со мной, куда я теперь без глаз?!

А бабушка уже взбивает в тазу пену мочалкой, опускает мне на спину, и давай наглаживать, до щекотки, так что становится даже приятно. Вокруг летят прозрачные пузырьки - синие, жёлтые, зелёные, лопаются, и опять плывут мимо, весёлые, не надоедающие воздушные шары.

Они выются повсюду, как будто кто-то, невидимый, выпустил их на свободу, и шарики от счастья не знают - куда лететь. Бабушка сквозь эти прозрачные мыльные создания тоже становится волшебной, будто это и бабушка, но совсем иная: пузырьки делают её ещё более красивой. Как чудесно!

Сердце в восторге замирает от того, как бабушка проходит с мочалкой по всем моим суставчикам, так что я, как взрослый, с удовольствием охаю, и от растекающейся по всему телу сладостной расслабленности хочется задремать прямо тут же, на лавке, ошпаренной кипятком.

И бабушка, и баня ублажали, и было приятно чувствовать, как шепчется на теле пена, и всё оно пышет чистотой. А мочалка-то липовая, отобранная дедушкой из свежего душистого деревца, почти невесомая на руке. И вот уже бабушка окачивает меня тёплой искрящейся водичкой, что кажется не простой, а чудодейственной, и это не может забыться, ибо баня во здравие человеку дана, как благословение Господне.

- Всякая хвороба в подполье, а тебе, милок, здоровье! - весело восклицает бабушка, обрушивая на меня очередной тазик ласковой водички, и я жмурюсь от удовольствия, ни о чём другом, кроме чистоты, не думая, и на душе становится легко-легко, а во всём теле - одна свежесть.

- Извольте, милостивый сударь, мылиться, жару не бояться, и с лёгким паром оставаться! - знай, приговаривает бабушка, и я хорошо чувствую эту её заботу, что до сих пор не может забыться. И хоть ничего в зале не видно от густого пару, я замечаю, как покрасневшееся лицо бабушки улыбается, всё у неё выходит как-то особенно, не похоже на моющихся вокруг женщин, что сосредоточены только на своих телах, тогда как бабушка отдаёт всю себя мне.

Почему я так хорошо всё это помню? Почти постоянно находясь с бабушкой вместе, мы просто любили друг друга, а любовь никогда не забывается, сколько бы лет тебе не было.

Бабушка умеет мыть! Мочалка у неё хоть и жёсткая, а имеет особую ласковость, что пробирает до слёз. Когда меня моет отец, он больно царапает голову ногтями, а спину натирает так, что, кажется, останусь без кожи, да потом ещё как окатит кипятком, и всё время молчит. Неуютно мне с ним, и безо всякой охоты отправляюсь я с отцом в баню.

Бабушка же совсем иное дело: так радостно было отдаться колючей мочалке в добрых бабушкиных руках, что елозила ей по моей голове и плечам со старанием, присущим любящей бабушке. А потом, после тщательного намыливания и растирания, она окатывала меня горячей водицей, так что я немел от ощущения нескончаемого счастья.

Счастье это было повсюду, и главное - во мне, в этих чудесных детских годах, когда бабушка, несмотря на свой возраст, была молода и задорна, наверное, только ради меня. «И ничего, что зубов у неё своих нет», - думал я. Каждый вечер бабушка вынимала изо рта целую челюсть!/, осторожно опуская её в стакан с водой, что придавало ей в моих глазах ещё большую добрую тайну. Поглаживая меня по голове, бабушка, прежде чем нам идти в баню, всегда ласково спрашивала:

- Мыться-то будем, милый, а?

Я не мог представить себя без неё, без моей главной женщины, ведущей меня по жизни так незаметно, но трогательно и честно. Устроит мне бабушка баню, намылит шею, а я и рад.

- С гуся вода, с Бореньки вся худоба! - ласково приговаривала бабушка.
- Без баньки - всё равно как телу без души! Мойся, батюшка, намывайся всем нам и свету на славу, ибо чистый человек пред Богом невинен.

В парильню бабушка никогда не ходила, по её словам там стоял жуткий жар, чего её больное сердце вынести никак не могло, но как я узнал позже - он, этот жар, в бане самый главный гвоздь. Я ещё не ведал - остерегаюсь ли этого жара, но почему-то в глубине души надеялся, что сдюжу, то есть - выдержу его. Если бы бабушка решилась отправиться туда и взяла меня с собой, то я бы, наверное, не забоялся. Так мне казалось.

Ещё не хватало, если бы соседский Сёмка узнал мою слабинку, и непременно стал дразнить: «Борька - плакса, гуталин, проглотил горелый блин!», чего я, конечно, допустить не мог, вот ей богу, и уж ответил бы ему: «Шагай - не бойся, только сходи в баню - помойся!»

Очень счастливый отправлялся я всегда с бабушкой в баню, как будто это могло что-то совершенно точно изменить в моей жизни. Правда, она и

без того была прекрасна: ведь я шёл с бабушкой, по нашей любимой улице, купаться, пить после бани очень вкусный гриб или квас, и есть эскимо! Мороженым не сможешь угощаться каждый день, только когда мы с бабушкой отправляемся в городские бани, и вот оно, обёрнутое в серебристую фольгу эскимо, в моих руках. Долгожданная сладость, вкусней её, кажется, ничего нет.

Бабушка - живая душа, её никогда не нужно было просить о чём-либо, она сама угадывала глубоко желаемое мной, и всё это представлялось таким естественным, чего не ощущалось даже с родителями. Когда бабушка рядом, всё равно, что на солнышко поглядишь: счастливое и светлое время, в котором душа сладостно тоскует и ждёт чего-то.

А город был приветлив, весел и широк, он всей душой был распахнут к нам, и невозможно было его тоже не любить. Хорошо было чувствовать себя после бани чистым и лёгким, будто воспарившим над городом, не ощущая своего тела. И, действительно, мыться в бане - значило заново родиться, хоть ты ещё и был маленький.

Радостно любить себя и весь мир, просто идя рядом с бабушкой, взяв её за руку. Какой чудесной была жизнь, и такое чудесное настроение всегда возникало после омывающей тебя чистой бани, такой доступной и простой, без которой никак не обойтись. Каждый бы день ходил с бабушкой в баню, хотя там пар коромыслом, можно топор вешать, как говорил дедушка, но с паром вся худоба уходит, так, что в баню идти - пару не бояться, и тогда душа с телом, кажется, легко и почти неощутимо поднимаются в небеса.

И вот я, весёлый и чистый, одеваю отглаженную бабушкой рубашку, штанишки с ляпочками и новые ботиночки, и мы выходим, взявшись за руки, на воздух.

- Что, солнышко любимое, радостно тебе? - будто обливает светом бабушка.

И действительно, повсюду - свет и благодать, и как тут не радоваться?!

После бани я всегда был одет бабушкой по-праздничному. «Голубок мой», - улыбаясь, одними губами тихо произносит она. Милая, родная бабушка, - с благодарностью думаю про неё и я.

А вольное солнце, словно, тоже омытое в чудесных банных чертогах, поднимается весело над городом, освещая его великий простор. О нашем уютом с бабушкой домике, скрытом в зелени огородов и садов, даже на мгновение забывалось. Занимало только вот это вольное городское пространство, так что захватывало дух.

Сладко пахло и городом, и мороженым, и умытым солнцем, и всё благодаря родимой бане, так что всей окружающей жизни хотелось воскликнуть: с лёгким паром, с чудесным настроением!

ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

Человек, который способен отпереть своё сознание, может считать себя свободным, и это, конечно, часто случается в детстве. Правда, пока произвольно, что, впрочем, не теряет своей прелести.

Порой такое откровение происходит совершенно ошеломляюще для тебя, потому что открывает твою связь с Богом, хотя о Его существовании ты ещё даже не подозреваешь. Вернее, не помышляешь, ибо душа твоя преисполнена захватывающими дух впечатлениями от окружающей тебя жизни.

Как всё это происходит? А подобно грому, разразившемуся посреди ясного неба, и предшествует этому событию, как правило, что-либо из ряда вон выходящее, как, скажем, смерть прабабушки. Поначалу это событие поражает твоё воображение своей обыденностью и неспособностью принять его как абсолютно естественную данность, после чего тебе уже невозможно представить, каким несмышлёным и маленьким ты был совсем недавно, играясь с машинками в родном дворе.

В одно мгновение вся жизнь, воспринимаемая тобой как нечто лёгкое и простое, исключительно приятное, вдруг отворяет в себе неразрешимую сложность. Но с этой неразрешимостью в неё входит и нечто дорогое, отчего ты всматриваешься во всё происходящее уже более тщательно, без обычной ребяческой восторженности, а с глубоким интересом. Ты начинаешь угадывать в нём и своё присутствие, непременно с затеплившимся огоньком сознания, без которого уже не помышляешь собственного существования, только в самом начале жизненного пути потеряв родного человека.

Ах, как бы хотелось, всё в жизни понимая и зная, оставаться невинным и чистым в принятии этого чудесного и многообразного существования. Тем более, что в детстве я и не предполагал, что все люди умирают, и само понятие «смерть» для меня не существовало.

И дедушка, и все мои бабушки, я был уверен, будут жить вечно, как, впрочем, и я, и от этого осознания вся окружающая действительность представлялась ещё более чудесной, ничего устрашающего я в ней не видел.

То есть, никакого повода для ухода из этого прекрасного существования я не находил, а потому ничего и не боялся, и был весел.

Оказавшись с бабушкой на кладбище, на могилке моей прабабушки Ольги Филипповны, я и тогда, понимая, что прабабушку не вернуть, воспринял смерть, как переход в другое место, где прабабушке вовсе даже и не плохо. Просто так вышло, что она на какое-то время очутилась там. Иначе, зачем бабушке нужно было приносить для неё шаньги и яички? И вот именно эта забота моей бабушки о своей матери, а не неизведанная смерть, необыкновенно тронула меня.

Бабушка не забавлялась горем, и не выглядела несчастной, как обычно ведут себя люди, когда приходят на кладбище помянуть своих близких. Когда мы с ней уселись на лавочку у могилки её мамы, бабушка тихо произнесла:

- Рождение и смерть всегда идут рука об руку, так зачем понапрасну мучить себя. Прабабушка твоя, Ольга Филипповна, была жизнелюбивой, хоть и выпало на её долю немало бед. Не боялась оказаться пред Богом.

Она вздохнула.

- Господи, господи... Поздоровайся с прабабушкой-то, никогда уж не увидишь её, голубчик, но она, в этот самый миг, смотрит на тебя.

- Где же она? – обернувшись, спрашиваю я тихонько.

- Ты её не видишь, а она всё примечает с неба. Как Пресвятая Матерь Божия, заступница.

Я робко взглядываю вверх, но ничего не вижу. Только пушистые белые облака неспешно проплывают над нами, и лёгкие тени от них так же неторопливо крадутся над землёй, будто нашёптывая что-то по просьбе прабабушки, но её самой я не замечаю.

Бабушка только утвердительно качает мне головой.

- А ей плакать не хочется?

- Экой ты, Господи, - улыбается бабушка, ласково погладив меня по голове. – Ну, а если и так, то только от радости, что ты проведать её пришёл.

Примостившись рядом с бабушкой на лавочке, я смотрю на заросшую шёлковой травкой могилку прабабушки, и представляю, как она радуется нам с бабушкой. Мы принесли ей гостинцы – шанежки с яичками, и бабушка разворачивает на коленях маленький узелок.

- Мы сейчас сами поедим маленько, - шёпотом говорит она мне, - и матушке оставим.

Бабушка так вкрадчиво это произнесла, что мне даже показалось, будто прабабушка нас сейчас действительно слышит, и это ещё более сблизило

меня с ней. И вдруг меня поразила простая мысль, я смотрю с волнением на бабушку, и тихонько произношу:

- Когда ты, бабушка, умрёшь, тебя тоже в землю зароют?

- А как же! Зароют. Ничего тут, миленький мой, не поделаешь.

Она тесно прижала меня к себе, и поцеловала.

- Ты гляди, какой день-то сегодня выдался – на загляденье! – радостно восклицает бабушка. – Господь с нами!

И немного погодя:

- На смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь, от неё не посторонишься. Но и то верно, что человек рождается на смерть, а умирает на будущую жизнь. Вот и наша Ольга Филипповна умерла своей жизнью – спокойно, без страданий, чтобы Господь ей новое рождение дал.

- И прабабушка к нам вернётся?

- Кончина – только конец плотской жизни, разлучение души с телом, но душа не умирает, она – жива. А те, кто живут на погосте, никого не зовут в гости. Оттого над покойниками и не наголосишься. Прости меня, Господи, - бабушка перекрестилась, утерев уголком платочка слезинку.

- Где же, бабушка, живёт душа? Расскажи.

- Там, где пребывают души умерших, Боренька. Это – особенно праведное место, и находится оно в окружении ангелов. Но ежели не жил по-божески – на небо не влезешь.

- А прабабушка наша влезла?

- Кабы не её ангельская душа – не до царствия небесного!

- И мы с тобой там будем?

- Такое наше доброе житьё, милый, что умирать и не хочется! Прабабушка твоя до девяносто четырёх лет жила, и нам с тобой жить с радостью наказала.

Бабушка опять крепко прижала меня к себе.

- Не тужи, голубчик, коли душа жива: она всего дороже! А жив ты – жива и я, надежда ты моя. Господь с нами, всем нам на доброе здоровье!

- Бабушка, а ты царствие небесное видела?

- Видать не случилось, но знаю, что оно есть.

- Как же ты знаешь, если видеть не приходилось?

- Не верить бабушке нельзя. Слава пресвятой Богородице, что нас ежечасно наставляет. И царские ворота отворит, когда время приспее, и мир честной провозгласит на веки веков!

Бабушка серьёзно посмотрела на меня, а потом задумчиво прибавила:

- Богородица всегда умудрит божественную грамоту освоить, каждого осенит своей пресветлой радостью.

- И прабабушку нашу, Ольгу Филипповну?

- Матушку-то и подавно! Ведь она ради Христа жила, доброй души смиренная работница... Двенадцать детей родила, а нас только четверо у неё осталось. Богородица, конечно, видела её труды, и за то не забывала.

- Двенадцать?! – не веря бабушкиным словам, оторопело спрашиваю я.

- Как есть – дюжина! Не сразу сосчитаешь...

Бабушка засмеялась тихонечко своими светлыми глазами, и лёгкая грусть слетела с моей души.

- Помянем добрым словом, матушку мою, и прабабушку твою, Ольгу Филипповну. Ей там, в царствии небесном, должно быть, неплохо. Она всегда своим сердечным словом Господа одаривала, и пресвятая Мать Богородица её жалеет, и без внимания не оставит.

- Царствие небесное..., - шепчу я. – Где оно, бабушка?

- Царствие небесное, Боренька, в нас... В душе каждого человека. Оно и во мне, и в тебе, и даже в дворнике Филимоне.

- И в прабабушке?

- И в ней. Везде, где только есть душа, что тянется к Господу, с любовью.

- И небо, значит, в нас?!

- И небо, и воля поступать так, как мы посчитаем на нашем жизненном пути. Когда человек полюбит в себе Бога, а вместе с ним – красоту этого дивного мира, всю благословенную радость, исходящую с небес, то и обретёт в душе царствие благодати. Господь в его сердце воцарится, если он будет честным, трудолюбивым и любящим.

- Как ты у меня, милая бабушка!

- Трудно удержаться в такой любви, миленький, но надо стараться. Царствие небесное проявится в тебе, только если ты порадеешь душой. Нужно самому создать в себе божественные небеса, ибо все мы под Богом милостивым ходим, и не должны умолять его своим сиротством, а прельщать душевным богатством. Понимаешь ты – о чём я говорю?

- Понимаю, бабушка. Без Бога в душе света на земле не будет, и сады не расцветут.

- То-то. Да не царствует в нас грех, а только благочестие с милосердием. Кабы всем нам на том стоять, то и царства небесного не надо: душа жива своей благодатью. Благодать же, дарованная Господом, есть высшее знамение!

Бабушка принялась тихонько читать молитву про себя, чуть шевеля губами, и я понимал, что милая моя бабушка желает сейчас всему живому свету благоденствия. И тоже с любовью взглядывал на подрастающую

травку, юрких воробышек, весело перелетающих над могилками, бегущие по небу тучные облака, и, уверовав, что всё у нас будет хорошо, начал представлять себе царствие небесное...

Виделось мне светлое-пресветлое пространство, пронизанное чистыми лучами солнца. Как это бывает, когда за окном, на крышах, начинается ослепительно искриться снег, а в воздухе весело щебечут чудесные птицы, отчего отовсюду слышится пронзительный серебряный звон.

Музыка эта льётся нескончаемой тёплой волной, мягко поднимает тебя от земли, и ты сливаешься со всем этим радостным пространством, а оно чудесно разрастается, будто кто струны волшебные в твоей душе умело перебирает. Каждый звук в нём – особенный, чуткий и звонкий, нет ничего его краше. Все цвета и звуки просачиваются в грудь, вызывая только спокойную радость и желание жить в любви со всем живым вокруг. Так мне казалось.

Царствие небесное, думал я, это - тихое, благословенное место, где душа обретает уверенность в своих силах, а сердца касается удивительная радость. Прабабушка не нуждается там ни в чём, это только моей бабушке захотелось угостить свою маму, и та от этого приношения, конечно, обрадуется! Не смущала и мысль о том, что прабабушка что-то очень надолго задержалась в неведомом для меня мире, бабушка же её угощает, даже улыбается при этом, и значит - мама её не хворает, всё там прабабушку устраивает.

Ещё совсем маленький, я тогда, опять-таки, вдруг подумал: что же это, всё-таки, за мир такой, куда многие уходят, но подолгу не возвращаются? Может быть, и я когда-нибудь там окажусь, и потом всё равно воскресну, чтобы вновь радоваться, и быть переполненным этой самой, чудесной жизнью. И захотелось мне ещё больше проникнуться тем счастьем, что изливал на меня каждый день вместе с солнцем, цветами и пчёлами, нескончаемой голубизной неба, тёплым летним дождём, и с моей любимой бабушкой.

И ещё я в свои шесть лет понял, что если смерть и существует, то она моей прабабушке - сестра родная. Смерть, по моему убеждению, никак не сочеталась с мучительной болью и страданием. Там, в этом неведомом для всех мире, думалось мне, прабабушка счастлива, как и здесь, ибо, по словам бабушки, она никого в этой жизни не гневилась, честно работала, и смерть ей дана как благо, она для неё ласкова и добра, а значит - богоугодна.

СВЕТ ЛЮБВИ

Зимой над бабушкиным домиком неизменно появлялась Большая Медведица, и среди множества звёзд в этом необозримом ночном пространстве, была самой заметной. Всегда непроизвольно подымешь голову к небу, будто желая услышать от неё какое-то долгожданное откровение, адресованное именно тебе, а небо подмигивает яркими звёздочками, что, кажется, только и ждут оделить любознательного человека чудесными знаниями.

От присутствия в морозном небе Большой Медведицы на душе становится необыкновенно хорошо, и весело искрящиеся звёзды удивительно завораживают, хотя ничего и не обещают. Не покидает ощущение, будто Большая Медведица знает, для чего я смотрю на неё, живя своей неведомой звёздной жизнью.

Полярная звезда, самая главная в этом созвездии, сверкает из небесной глубины какой-то особой красотой, как драгоценный камень, что, кажется, становится всё ярче и ярче. Она подобна твёрдому свету, щедро излучаемому из сокровищниц Вселенной именно для людей, чтобы они любовались этим живительным светом и тянулись к нему, обновляя свою душу для осознанного пребывания в своём теле.

Приятно сознавать, какое большое место занимают в твоём маленьком сердце далёкие от тебя звёзды, и ты, не отрываясь, вглядываешься в их мерцающую красоту, а звёзды блещут ярко, будто приоткрывая всем неоценимые богатства. Из своих сказочных пределов они посылают на окутанную снежной пеленой землю богатые дары, и если кто-то, глядя на звёздное небо, что-нибудь загадает, говорила бабушка, всё сбывается, как по писаному.

- Сколько же, бабушка, звёздочек на небе?! - восхищённо восклицаю я, сидя у окна.

- Небо - терем Божий со звёздами вместо окон. Из этих окон смотрят на белый свет ангелы Господни, и нет им числа. У каждой живой души на земле - свой звёздный ангел-хранитель, и потому издавна повелось поверье, что звёзд на небе столько, сколько людей на земле.

- И все разные?

- Как и люди, нарождаются на небе, одна за одной... Все звёзды отличаются друг от друга по блеску, величине и окраске. Согласно характеру, они получают себе и имя.

- А те, что держатся кучкой?

- Самые дружные звёзды образуют между собою созвездия, поражая нас своей красотой. Звёзды управляют нами, а звёздами - сам Бог.

- Кто такие ангелы?

- Родится человек, и Бог посылает ангела стеречь его от бед. Откроет тогда ангел своё окошечко, сядет, да и смотрит с небесной высоты на подопечного ему сына земли. Всё, что совершает человек, ангел в книжечку особенную записывает, только успевает страницы перелистывать: людям же внизу чудится, будто звёзды переливаются. Умер человек - и захлопывается окно невидимыми ставнями, а звезда падает на землю, и кто увидит такую звезду, да успеет загадать своё пожелание, то всё непременно сбудется.

- Как же её угадаешь?

- Самая родная звезда всегда стоит у человека над головой, нужно только обратить к ней внимание, и звезда поприветствует человека.

- Обрадуется?!

- Вспыхнет яркой свечечкой.

- Значит, есть на небе и моя звезда?

- У каждого - своя, и всем она указывает путь в бесконечных земных странствиях.

- Нужно только её разглядеть?

- Кто добр сердцем и смотрит на звёзды, тот не пропустит хранительницу своей судьбы, и тогда звёзды доверчиво протягивают людям свой свет, зажигаясь зелёными, жёлтыми и оранжевыми огоньками. Бывает, звезда уже погасла, а свет от неё до сих пор остаётся в пространстве: мы видим его, и нам кажется, что звезда жива.

- А её уже нет?!

- Только свет от неё живёт, и каждый вечер звёздочка ласково приветствует нас своим тихим мерцанием, и оберегает сон.

- Бабушка, мне очень хочется увидеть эту звёздочку!

- Где-то там, в небесной вышине, сияет и твоя звезда, вечная спутница и подруга.

- Как и ты?

- Верно, родной. Она никогда не бросает тебя и охраняет на твоём пути, но надеяться стоит только на самого себя.

- Почему звёзды светят?

И бабушка, не задумываясь, проговорила:

- Радуются за нас, когда мы тоже светим другим.

- Как это?

- Звёзды знают про людей всё, и всегда примечают тех, кто живёт с открытым сердцем.

- Им хорошо видать свысока?
- Для звёзд не существует преград, они излучают только живой свет любви.
- И нас с тобой любят?
- Никого без внимания не оставят, родной. Звёздное небо повсюду, и доступно всякому, но каждая звёздочка светит по-своему.
- А мне как светит?
- Весело...
- Как белое пятнышко во лбу нашей Зорьки?
- Да, дорогой.
- И солнце за нас радуется и любит?
- Божьей волей свет небесный стоит: и для звёзд, и для солнышка, и для всех людей.
- Значит, и про меня звёздочка знает?
- И про тебя, и про меня, и даже про деда нашего: семь лет костей ему не глотать. Звезда подсказывает, что в каждом из нас живёт духовное сердце, и оно должно быть обращено ко всему миру. Небесной звёздочкой живёт оно в тебе, милый.
- Почему - небесной, бабушка?
- Потому что смотрящим в небо отказу не бывает, а ты у меня - даровой!
- ?
- Милостивый, значит, на добрую жизнь. Не думай, голубь, как бы взять, думай, как отдать. И солнце, и звёзды отдают нам свой свет любви. Дари и ты себя, помогай тебе Бог!

А Медведица, между тем, сияет в бездонных небесах, и все её звёздочки представляются чудесными фонариками, подвешенными на невидимых нитях. В морозную ночь, кажется, зажигаются все звёзды Вселенной.

Небо высоко и торжественно, и сколько бы ни заглядывался на него, - везде звёзды. Яркие, крупные, есть просто ослепительные, иные - поменьше, что то и дело вспыхивают и на время куда-то исчезают. Все они будто подыгрывают друг другу, устраивая в восторженной вышине волшебную кутерьму, и всё это головокружительное движение не прекращается до самого рассвета. Звёзды и меня приглашают в свой сказочный хоровод, и разве можно оставаться к ним равнодушным и не смотреть на полное звёзд небо?!

Звёзды горят в нём многоцветными камнями, а ночь радостно внимает их очаровательному блеску. Один за другим вспыхивают

бесчисленные изумруды, сапфиры и рубины иных миров, и хочется отправиться к ним, не теряя времени, какими бы недостижимыми они ни казались, потому что звёзды все представляются живыми.

И ничего, что я пока ещё маленький: мне нравится обращать свой взор к звёздам, как бы бесконечно далеко они не находились, и когда я вырасту, то обязательно отправлюсь к ним в гости, ничто меня не удержит, и непременно их достигну. Ведь звёзды существуют для того, чтобы мы обратили к ним свою душу, и когда это произойдёт, они, наверное, замрут от счастья в своей волшебной вышине, а затем - возрадуются. В восторге от соприкосновения со звёздным миром душа человека рано или поздно преодолеет любую беду, и тоже обретёт, наконец, недостающее ей внутреннее свечение.

НЕ БЫК, БУГАЙ!

Помню, был я ещё совсем маленький, и мы всей семьёй проводили лето у бабушки в деревне. Как-то поутру я вышел из калитки на лужайку, к колодцу, и, прислонившись к нему, стал наблюдать, как из отворённых ворот соседних домов хозяева выводят на выпас коров.

По самой серёдке улицы, в заплатанных штанах, гордо вышагивал пастушок, и весело пощёлкивая кнутом, то и дело покрикивал:

- Поберегись... По-о-шла, Пеструха! А-ну!

Коровы, опустив головы и лениво ударяя себя по выпуклым бокам грязными хвостами, неспешно брели вдоль забора, поднимая облачка душистой пыли и гулко побрякивая медными колокольчиками. Изредка раздавалось их отрывистое, но пронзительное мычание - «му-у-у-у, му-у!».

Из-за леска напротив, также неторопливо, выкатилось над деревней разомлевшее июльское солнце. Пастушок опять принялся подгонять неповоротливую Пеструшку:

- Пошла-а! А то-о!

Без пастушка - коровы не стадо.

А Пеструшка замотала вихрастой головой, проехавшись короткими рогами по высохшим доскам забора, и вновь недовольно замычала - «му-у-у-у!».

Долог у коровы язык, да не велят говорить!

«Бодастая» - с опаской думаю я. Бабушка уверяет, что бодливой корове Бог рога не даёт, но бывает, коровка дуется, если не обходилась в стаде, и может даже, ни с того ни с сего, боднуть в бок. Корова в деревенском дворе

не гостя, на повети сено видит, и бабушка всегда угощала нашу Зорьку сенцом и хлебом с солью.

И тут я вдруг увидел здорового быка с широким кудрявым лбом, один рог у него был обломан. Мотая тяжёлой, вихрастой головой, бык неспешно ступал по двору, ненадолго замирая на самом неожиданном месте.

Стекловидные слюни свисали с его сизых губ мутноватыми тягучими нитями, и он неожиданно поворачивался в какую-нибудь сторону, будто почуяв угрозу, а потом вставал на дыбы, уставившись перед собой своими кровавыми глазами, так что сердце заходило от страха перед неуправляемой силой могучего животного. Бык – не корова, ему лохань подавай, и преграда для него – что корове седло: он её не видит. Ин так и быть!

Поражало это его надменное могущество, то, что оно в любой момент могло обрушиться и на тебя. Не бык, бугай: если сшибёт с ног - и не заметишь! Остановился прямо напротив, и смотрит недружелюбно налившимися кровью глазами, а я не знаю - как быть: то ли поклониться ему, то ли - бежать.

Бык же вдруг заревел и медленно тронулся в мою сторону, да потом как ринется! Оглянулся я - никого из взрослых не видать, значит, на чью-либо помощь надеяться нечего. И тогда я, что было сил, закричал.

А бык уже в нескольких шагах от меня: слышно его горячее дыхание, и запах. Злобно трясая могучей головой, он брызжет липкой слюной, чёрный глаз косит исподлобья, вот-вот накроет меня грозная туча, даже солнце, кажется, скрыл под собою. И я - побежал!

Бегу, земля ровно горит под ногами, но бык оказывается резвее моего, куры же - врассыпную от нас по всему двору! Да только разве от такого бугая убежишь: беги - не беги, лучше – падай. Ко всему прочему под мою ногу подворачивается бугорок, и вот я уже лечу носом в песок - добрая слава лежит, а худая бежит!

Пока же я бежал без оглядки, бабушка в окно усмотрела приключившуюся со мной катавасию, схватила грабли - и во всю свою старушечью мочь к внуку на выручку: бей быка, что не даёт молока! Так огрела ими по спине взбесившееся животное, что бык отбежал и, оторопев от неожиданности, встал как вкопанный. Масло коровье – кушай на здоровье!

Вскоре подрос папа, и вместе с бабушкой они отвортили от меня разъярённое животное, чем прекратили моё позорное бегство. Но как меня напугал этот бугай, а испуганному козлёнку, как говорится, одна дорога: беги, пока цел, не страшны никакие рубежи!

Бабушка сказывала, что бык этот окаянный никому проходу не даёт, и ни одному пастушку над ним не удалось взять власть. Соседского мальчишку, недавно, чуть не измолот своими жуткими рогами, нет на него никакой управы! – негодовала бабушка. Ясно, что сумасшедший, разве его образумишь? Не посмотрел бы даже на тёсанные ворота!

Так ему и надо, думаю, что один рог-то у него сломлен, а то бы он и меня во всю душеньку отутюжил! Не посмотрел бы, что твоё дело правое, и что поделаешь, если у быка за обычай – бодать, да драть, и как с ним сладить – сам чёрт, наверное, не разберёт. Но, как известно, обычай бычий, а ум – телячий.

С тех пор я всегда стороной обходил грозно нахмуренного быка, на котором бы только воду возить, не приближаясь даже к коровам, и лишь телята не вызывали никакого опасения. Мне нравились их озорные, с длинными ресницами глаза, кудрявые взлобки, что хотелось погладить, и симпатичные ножки с аккуратными копытцами, когда телята широко расставляли их в разные стороны, будто боялись упасть. Они были очень милые, и если что-либо выкидывали, то это вызывало одну улыбку.

ЕССЕНТУКИ

Милость судьбы - поездка с матерью на минеральные воды. Там не было моря, его проникновенного чарующего духа, но присутствовала томная южная теплота, по-особенному воцаряющаяся в воздухе вечерами, когда всё это насыщенное фруктовым дыханием пространство пронизывали несокрушимые звуки цикад.

На спрятавшихся во дворах коренастых сливах лопались перезревшие плоды, сваливались через забор на асфальтированные дорожки, оставляя пахучие жирные пятна. А от опадающей шелковицы тротуары вообще окрашивались в тёмно-бордовый липковатый цвет, вызывая желание глядеться в верхушки раскидистых макушек деревьев, вбирая в себя простирающийся повсюду аромат, не имея возможности достать ягоды, напоминающие нашу крупную малину.

Тёмные ночи становились душными, наваливаясь всей грудью на бесчисленные сады, уютные домики, городской парк, и мать подолгу не могла заснуть. Несмотря на позднее время - тянуло гулять, прохаживаясь по замершим, манящим своей неизведанностью улочкам южного городка, где всё казалось укромным, каким-то только присущим югу обособленным и

покойным. Повсюду тут пахло привольной мечтою, что обязательно должна была исполниться.

Днём в парке собирались отдыхающие, непременно с кружками в руках. Неспешно потягивая минеральную воду, каждый - из своего источника, они чинно рассаживались по лавочкам, почтительно переговариваясь меж собой, и вся эта успокоенная дивная обстановка вызывала в душе такую же восхищённую успокоенность от размеренной жизни уютного курортного местечка, предполагающего только отдых и некое временное забытие от жизненных забот.

Кружки у всех были разного цвета и формы, с причудливыми рисунками, изображающими, как правило, заснеженные вершины кавказских гор, солнце и парящего в небе орла. Все эти кружки, источники вод, различающиеся по номерам, многочисленные аллеи и беседки придавали и парку, и городку какую-то органичную содержательность и обаяние, так что никуда больше не хотелось идти, оставаясь здесь, под благодатной сенью южных деревьев, в их такой благоволящей ко всем отдыхающим трепетной тени.

Мне очень нравилось, как минеральная вода - свежая, чистая и шипучая, совсем не как в бутылках, когда бабушка покупала мне её в магазине, ударяет в нос и на глазах выступают радостные слёзы. Ведь ты - на чудесном минеральном источнике, в Ессентуках, и название этого городка говорит за себя - здесь поправляют себе здоровье люди, и волшебная вода делает их счастливыми.

Счастлив и ты, счастлив от того, что тебе всего шесть лет, и, несмотря на болезненные переживания в своём молодом организме, даже - порой мучительные боли в животе, ты полон энергии, видишь во всём только чудесные проявления, и уже в свои невысокие годы обнаруживаешь в себе радость, имя которой – гармония.

Целебной музыкой журчат из неведомых земных глубин благотворные, на разный лад, источники... Они незаметно наполняют какой-то излечивающей томностью, в них чувствуется скрытая, но простая сила, доступная здесь для всех, и её, кажется, можно выпить сколько угодно. Вместе с открытостью этого благодатного южного пространства, она вливается в тебя здоровьем и радостью, такая нужная и маленькому, и большому человеку.

Каждый источник истекает из-под земли волшебной струёй, над ним сооружена аккуратная веранда или домик, и представляется всё это как сама жизнь, что течёт, не прекращаясь, но и не повторяясь никогда, утверждая только благо. Бьёт минеральный ключик как чудодейственный родник,

вынося на себе, всем на радость, скрытые богатства земной толщи, и никогда не истрачивается. А льётся эта чудесная вода так, что от человека любая беда уплывает: не иначе, она - Божья!

Пользуясь целительными источниками, никто из отдыхающих, наверное, и не помышляет о недрах, где зарождается это природное богатство, что здесь, на поверхности, воспринимается чем-то обыденным. Сама размеренность неспешной курортной обстановки настраивает на такую размеренную обыденность, и вот она-то и усыпляет, понуждая видеть во всём, что тебя окружает, только умиротворяющий покой.

Околдовывающая сопричастность происходящему и вводит, вероятно, в приятную сонливость, когда ничего не нужно делать, всё необходимое для тебя уже совершила природа, и нужно лишь с благодарностью воспользоваться предоставленной возможностью забыть на время обо всех своих болячках во имя собственного здоровья. Этого не мог не почувствовать даже ребёнок, и я, как и взрослые, плыл по волнам дарованного Существованием удовольствия, и мне, как ни странно, не было скучно несмотря на то, что ничего особенного в этом тихом курортном городке не происходило.

Здесь не было ласкового моря, но попадая сюда, ты действительно словно оказывался в тёплом ненавязчивом сне, и его не хотелось покидать. День длился за днём, а сон не прекращался, овеивая своим неуловимым счастьем. Да его и не нужно было объяснять, просто наслаждаясь приятным и ни к чему не обязывающим истечением времени, пребывая в чудесном забытии. Но всё-таки интересно: что будет завтра?

А завтра, после принятия вод, хорошо было отправиться на главную площадь городка, у самого парка, где, взяв напрокат чудесный самокат с толстыми резиновыми колёсами, мягко амортизирующими на неровностях почвы, можно было кататься на нём целый час! Если же мама заводила с кем-то из отдыхающих женщин знакомство, мило беседуя с ними, сидя на лавочке, то и два...

Приятно было, посильнее оттолкнувшись, катить, насколько хватит разгону, сначала по площади, а потом - по уютным аллеям, среди скамеечек с сидящими на них посетителями парка, ощущая себя ловким ездоком, то и дело, замирая в непринуждённых позах и ловя на себе любопытные взгляды. Так мне, по крайней мере, казалось...

«Глядите, как я ловко разъезжаю по дорожкам, - думал я про себя. - Я бы помчался и не так, если бы мне дали больше пространства. А то - только до качу до ворот, и обратно. Всё равно: понесусь во весь дух!»

САМАЯ ЧУДЕСНАЯ В ЖИЗНИ ИГРА

Самая чудесная в жизни игра - это, несомненно, детство! Ведь игра, тем более - совместная, приносит чувство единства, то, чего всегда не доставало человечеству, а в ребёнке это переживание единства со всем, что его окружает, уже присутствует, ему это единство лишь надлежит сохранить, и, играя, ребёнок поддерживает в себе состояние великой радости от сопричастности этому удивительному миру. Так бы и взрослому человеку, пройдя тысячи дорог и препятствий, не потерять при этом переживание в себе духовного блаженства, как в детстве, только погружаясь в собственное внутреннее существо.

Весь мир, что окружает ребёнка - дуновения ветерка, пение птиц, шёпот колокольчиков и их аромат выражает природу души маленького человека, ему стоит лишь обратить на него внимание, тотчас вовлекаясь в круговорот головокружительных открытий, гармонично переживая и с птицами, и с солнцем, и с цветами любовь и радость. Наши совместные с природой энергии вращаются в божественном единении, в едином ритме, и это есть проявление глубины взаимоотношений всех живых существ, порождённых Богом.

Каждый из нас приходит в этот мир почувствовать в своём появлении здесь и сейчас подтверждение этой божественной связи, призванной к созиданию и достижению мудрости. А начинается эта чудесная, самая захватывающая игра именно в детстве.

СЧАСТЛИВЫЙ МЛАДЕНЕЦ

Вам, конечно, приходилось наблюдать, как беспечно улыбается в своей кроватке младенец, ему от роду шесть-семь месяцев, он ещё ничего не ведает о жизни, об её непростоём устройстве, но, тем не менее, счастливо улыбается. Благодаря чему в себе он это делает? Почему так счастливо и радостно расположен ко всему, что его окружает? Что вынуждает ничего не ведающего о существовании маленького человека воспринимать этот мир в гармонии с ним, благостно?!

Всё прекрасно и волшебно на свете для него потому, что в ребёнке тлеет божественный огонёк, связывающий его с бесконечной Вселенной. Ему в ней всё удивительным образом нравится, и так он должен относиться к

божественному Существованию до конца своих дней, до самого последнего мига, воспринимая окружающую его действительность как в детстве, с улыбкой, несмотря ни на какие перипетии жизни, чего бы в ней у него не случилось. В этом - его наиважнейший долг и смысл, незаменимое ничем божественное присутствие, когда ты сохраняешь своё чистое детство не тронутым, незамутнённым, именно - божественным.

Вы спросите: как этого достигнуть? Как научиться ожидать от жизни только милых неожиданностей и сюрпризов? А вы просто попробуйте быть счастливым, вернее, станьте им, только и всего! И тогда, вот что удивительно, уверяю вас: жизнь по какому-то чудесному мановению волшебной палочки непременно в изобилии рассыплет перед вами все блага и радости.

А то ещё лучше - влюбитесь... Да, именно полюбите какого-либо хорошего человека, посвятив ему все наилучшие устремления своей души. Почувствовав привязанность к избранному вами человеку, вы вскоре обязательно переживёте и благодарность к нему за возникшие в вас ощущения, в корне изменившие ваше восприятие жизни: оно, несомненно, претерпит самые неожиданные перемены.

Каждое утро вы будете встречать с радостью, это станет вашей привычной чертой, а все прохожие на улице начнут казаться вам чудесными людьми, - как вы этого не замечали раньше? Признайтесь, вы ведь даже не представляли, что подобное возможно?! То есть - постоянное переживание неопишемого счастья, когда решительно всё в вашей жизни обстоит на удивление хорошо.

Чувство влюблённости принесёт вам непередаваемое ощущение смысла, так что вы позабудете о том, что совсем недавно доставляло какую-либо неудовлетворённость. Словом, вы превратитесь в иного, несомненно, счастливого человека. Как же вы могли ранее обходиться без любви, без заботы о любимом человеке, и разве не счастливчик вы, что именно так обернулась ваша жизнь? И всё благодаря любви, любви к другому человеку, о существовании которого, совсем недавно, вы даже не подозревали.

Что и говорить: любовь - великое чувство, вы на него решились, и вот, теперь, счастливы, и радость переполняет каждый ваш день. И вас, конечно, нет-нет да посещает недоумение: отчего вы не влюблялись раньше, не понесли в сердце ответственность за любимого, отдавая ему себя полностью, как в детстве, с неизменным чувством преданности и любви?!

СКАЗОЧНЫЙ ГОРОХ

В русскую сказку про то, что у бабки с дедом горох дорос до неба, я в детстве верил. Бабушка рассказывала её мне с такой задушевной простотой, будто горох на самом деле и у нас под печкой пророс из обронённой ей когда-то горошины.

- Наш с тобою горох, Борюха, будет не так уж плох, - замечала с улыбкой бабушка. - Уродится на славу!

Я с восторгом глядел на бабушку, и явственно представлял себе, как завиваются его стебельки и листочки по нашему шкафу и стенам, пронизывая своими зелёными щупальцами потолок, вылезают на чердак, вскоре преодолевая и крышу, а там уж и до неба недалеко.

Где-то в глубине себя, несмотря на возраст, отчётливо понималось, что на самом деле дорасти до неба горох, конечно, не сможет, но сказочная сила в нём, видимо, была необыкновенная, способная на что угодно, и в нашей с бабушкой комнате я этот необыкновенный горох очень хорошо видел. Горох заполнял собой всё домашнее пространство, и я был поражён его жизненной мощью, не ведающей преград, сам бы хотел вот так же неудержимо струиться туда, куда захочу, чтобы набрать для любимой бабушки вкусных и сочных горошин.

Мне было приятно верить в сказки, верить в то, что я обязательно доберусь по этому гороху выше самых высоких небес, и буду всё лезть, лезть, пока не попаду к Богу. А потом - ещё дальше, в бесконечную космическую необозримость, что до сих пор воображается мне прекрасной.

ИКОНКА

Заповедовала мне бабушка в детстве иконку, Богоматерь Казанскую, что стояла у неё в божнице, в красном углу, спокон веков. Вся чёрная от времени, кажется, даже закопченная свечным тревожным пламенем, облизанная нескончаемым бабушкиным вниманием.

Кто только не предлагал ей уступить эту иконку, однажды даже один попик прельстился на Матушку Богородицу, да во время одумался. Известное дело: позаришься на чужое - своё погубишь. Всем бабушка отказывала.

«Наперёд иконку целуй, а там - отца и мать. На церкву только её уступлю, - говорила бабушка, - ведь это - Милосердие Господне, ежели им сторгуешь?! Вот разве что Бореньке завещаю, внучку своему, ангельской душе».

А Богородица, хоть и неясная ликом от времени, толком не разглядеть, была заботливо ухожена теми, кто ей долгие годы владел. Оклад на ней был почищен, лампадки по бокам на шёлковой тесьме, и подставки под них, хоть и старого литья, а как новенькие, с херувимчиками. Сама иконка - на золотом подбое, в серебряных крестиках, и от всего этого заботливого и ненадоедливого бабушкиного надзора Матушка Богородица будто даже светится, взирает покойно и блаженно, так что на сердце становится также покойно и благостно, хорошо.

Вроде бы, иконка и не богатая, а дороже не отыскать. Исстари несёт в себе божественное настроение, таких уж сейчас не отливают, да и не пишут: ни за что нигде не встретишь.

Тихо сияет тёплым золотом, смотрит на всех ласково, как может только Она, Пресвятая Богородица, несущая радость и божественную любовь, завещанная мне родимой бабушкой. И кажется порой, что это моя милая бабушка с радостью опять взирает на меня, и на душе становится также хорошо и празднично, как в детстве.

БЛАГОСТНОЕ МОЛЕНИЕ

Тихий, еле видимый ласковый свет излучают розоватые яблоньки, в саду потаённо и как будто немножко свято, и я принимаюсь рассматривать сквозь маленькое стёклышко лазоревое утреннее небо. В доме ещё все спят, только бабушка повела козочек на выгон, а я один сижу под зацветающей яблонькой, в шелковистой траве, и думаю о чём-то хорошем, сам не знаю - о чём.

Вокруг просыпаются бабочки и пчёлы, кузнечики, ещё робко, заводят свою ненадоедливую трескотню, - какое благолепие во всём и чистота. Цветы, привставая на цыпочки, тянут головки вверх, кажется, издавая свою, какую-то еле угадываемую мелодию, и я слушаю её, и понимаю.

В саду как будто происходит благостное моление, и вместе с птицами, цветами и бабочками невольно произвожу его и я. И меня сразу заливают всеобъемлющей радостью, и хочется в это утро чего-то ещё более чудесного, что уже тихонечко поёт во мне, но я его пока ещё не могу угадать.

ЦАРИЦА НЕБЕСНАЯ

На дворе - чёрная бархатная ночь, зазывно мерцают в вышине звёзды, и бабушка, незаметно устроившись в кресле-качалке, вяжет мне носочки. А я сижу у окошка, облокотившись на подоконник, и высматриваю сквозь эту волшебную темноту свой свет, ту весёлую звёздочку, что поведёт меня по жизни, становясь то золотой, то красной, а может быть - синенькой или зелёной, но обязательно близкой и родной.

Иногда, даже, кажется, что протянешь руку - и достанешь её, твою хранительницу, царицу небесную, и захочется обнять эту звёздочку, как бабушку, ласково прижавшись к ней, и сделается на сердце так, будто это счастье никогда не кончится.

Хорошо, ласково умеет молчать звёздное небо, покойны и сладостны сны под бархатным пологом этой бесконечно прекрасной страны. «Спи, дружок мой, крепко. Господь тебя милует», - еле слышно шепчет надо мной бабушка, и я погружаюсь в густой, как перина, сон, и улыбаюсь. Что-то уготовит мне ясное утро?!

ВЕЧНАЯ ВЕСНА

У берёзоньки по весне появляются нежные листочки, словно крохотные сердечки, и дедушка говорит, что глухари по лесам перестают в эту пору токовать. А мне во всём начинает чудиться только нечто таинственное, сладко пахнет выходящими из земли травами, зацветающими яблонями, в их розовато-снежных бутонах усердно копошатся мохнатые пчёлы, и запах этот представляется священным.

По простому, весело источает аромат первая травка, бабушка приносит в корзине из лесу свежие листочки молодого хвоща, и все в доме с нетерпением ожидают её стряпню - пирожки с пестиками... От них тоже повсюду разносится сладкий дух, и мне кажется, что весна будет длиться вечно.

ОБРАЗ БОЖИЙ

Ребёнок ни на минуту не сомневается, он просто уверен, что жизнь влюблена в него, и разве возможно не поверить в это? Ему кажется, что он может делать всё, что захочет, и всюду его ждёт успех. Разве застанешь ребёнка за бездельем, или придёт ему в голову ничего не делать, когда некуда себя девать?

Разумеется, такое невозможно, потому как ему всегда есть забота: ребёнок добр до самых славных занятий, он не любит и не принимает нищету духа, когда кто-то не ищет для себя интересную забаву, не стремится заглянуть в притягивающие тайны. А сколько их вокруг? Как же тут не распорядиться жизнью с настроением, так, чтобы на душе всегда было очень весело?!

Нет, ребёнку до всего имеется нестигаемый интерес, хочется ему обустроить в этом и без того чудесном мире всё ещё более восторженно, по-своему, чтобы стало даже лучше! Любить он готов весь свет, не подозревая, что этот самый свет любит его не меньше, ласково примечая все малышовые забавы и неприметно оберегая. Ребёнок же только светит, излучая желанную до всего живого доброту, и улыбается: сладостно ему нахождение на этой сказочной земле, играет он во что-то своё, и ничего ему, кажется, больше не надо...

А чудная улыбка малыша так хороша, будто лучи солнышка играют в хрустальной чистоте ручья, весело переливаются, как и его небесные глаза, так что заглядишься невольно на светлое детское личико, и возрадуешься, словно пред тобой предстал образ Божий.

ПОСЛАНИЕ ГОСПОДА

Помните, как радостно и ярко светит в детстве летнее солнце, благодостный свет его приятно слепит глаза, и ты прикладываешь кулачок к глазам, будто это подзорная труба. От удовольствия щуришься, пытаешься рассмотреть все укромные уголки сада, лес за околицей и речку, и эта раскрывающаяся пред тобой воля заполняет твоё маленькое сердце, и оно становится ещё более живым и восприимчивым.

Всем на счастье посылает Господь и волю, и солнце, и зеленеющий сад, и поющих птиц с лесными дарами, - послал и мне!

ДУША

Разве задумаешься в детстве - что такое душа? Но, тем не менее, люди в эту чудесную пору отличаются тобой, ребёнком, именно по характеру, а он, видимо, и есть отражение человеческого существа. Есть души неприметные, тихие, смекаешь ты, наподобие робкого утреннего ветерка, чуть тронувшего ещё не пробудившуюся листву; встречаются души невзрачные, плоские, как будто бы они и не существуют; а то представляются благообразные, до того почтительные, что не сразу и разберёшь - кто за ней прячется; ну, и восторженные попадают, большие, как воздушный шар или облако, и всё норовят охватить собой весь мир и лететь куда-либо, чтобы не было скучно; но случаются и такие, что не уловишь умом, - уж больно мудрёные...

У моей бабушки душа была как звёздочка, что ласково сверкает в бархатном небе, трепетно дрожа, и будто бы тихонечко напевает задушевную мелодию, ласково переливаясь серебряным колокольчиком, незаметно возносясь ещё выше, в неведомую вселенскую глубину. Туда всегда хотелось вознестись и мне, насладившись там вместе с бабушкой одной, всеохватной для всех радостью.

ПОТРЕБНОСТЬ БЫТЬ БЕЗЗАБОТНЫМ МАЛЫШОМ

Разве взрослый человек посмотрит на всё так, как ребёнок? Нет, он этого не сумеет. Сможет ли взрослый, умудрённый жизнью человек, быть в чудесной дружбе с самим собою? Тоже, как правило, нет. А ласково улыбаться, чтобы можно было любоваться этой чистой улыбкой? Вряд ли. Всё в зрелом человеке давно переросло волшебную детскую наивность и чистоту, словом, пропало, так что уж и не найти.

Этого человека, кажется, ничто не забавляет, он стал неинтересен самому себе, а значит - и миру. Да и вообще, - способны ли вы вести себя порой как мальчишка? Что?! Даже не помышляли об этом? Печальная история, не находите?!

А вот я частенько обнаруживаю в себе потребность побыть беззаботным малышом, и с удовольствием это осуществляю. Меня, конечно, чаще всего не понимают, и что особенно досадно — близкие люди, но вскоре

у меня опять появляется желание превратиться в неведомого мне самому мальчугана. Вы знаете, я испытываю незабываемые переживания, и словно преображаюсь.

И ещё я заметил, что мне хочется побыть малышом, когда какое-либо дело не ладится, или просто тебя перестало посещать везение, и, представляя себя мальчишкой, ты как будто попадаешь в детство, и все проблемы незаметно улечиваются. Тебе легко и радостно становится жить, ты не обременён эгоистическим восприятием действительности, присущего взрослым, и ощущение присутствия Бога в своём сердце, давно, оказывается, утерянное, вновь возвращается.

Чего же ты наделал, человек, со своим мировосприятием, что совершенно позабыл о нахождении в себе божественного? Ведь с ним так интересно и счастливо жить, а быть счастливым в этом мире означает с радостью отдавать всю любовь своего маленького сердца, как это незамысловато и просто делает ребёнок.

РАДОСТНАЯ ОТДАЧА СЕБЯ МИРУ

Жалость к себе и боязнь одиночества, с которыми так любят носиться взрослые, привычны для них, но они абсолютно не присущи детям, сопереживающим всему живому. Оказываясь в одиночестве, дети не тяготятся им, а наслаждаются, чутко дотягиваясь в этом состоянии того понимания, что обладают чудесными глубинными возможностями стать самими собой, не нарушая своей многогранности, и это возможно, лишь оставаясь одному.

Взрослым необходимо понять, что быть одиноким в своём одиночестве, значит, принять в себе Бога, то есть - любовь, как не боится принимать и переживать её ребёнок. Для него дороже жизни - именно радостная отдача себя миру, и он искренне являет всем своим отношением к существованию то, что невозможно жить на земле без любви, и стоит отдать за неё всего себя. В этом заключена суть истинной человечности, когда не думаешь о себе, и воспринимаешь мир только благостным, как это было в детстве, когда будучи чистым ребёнком, ты любил его совершенно бескорыстно, и был уверен, что и он, этот волшебный мир, точно также любит тебя.

Если ты един с миром, то это твоё восприятие реальности не останется для него незамеченным, ничто в нём не будет сопротивляться твоим

желаниям, и он обратит всю свою красоту и мощь на благо тебе. Чутко откликаясь сердцем на ежесекундное пребывание рядом Божественного Существования, как это происходит у ребёнка, ты повышаешь его любовь к себе, сопротивляясь же душой происходящему - оказываешься в его власти, обрекая себя лишь на несчастья.

Когда находишься в согласии с настоящим, ты неотделим от жизни, что только ждёт верного к ней отношения, желая помогать тебе во всём, складываясь благоприятно. Не воображая себе заоблачные счастливые дали, а живя здесь и сейчас, с тем, что уже есть, ты пребываешь в согласии с этим волшебным миром, как в детстве, когда не держишь в уме - что ждёт тебя впереди, а живёшь настоящим мигом, который всегда чудесен и неповторим. Настоящее - всё, что у тебя есть, отнесись к нему с любовью, как ребёнок, с радостью отдавая всего себя миру.

ЧУДО

В детстве ты принимаешь всё существующее, не стремясь непременно выделить в нём нечто особенное, в нём всё тебя удивительным образом привлекает, и уже только от этого в душе рождается ощущение чуда. Всё оказывается прекрасным в чудесном мире, и это чудо мгновенно передаётся тебе, тотчас отражая и твою чудесную суть, и восприятие мира от этого обостряется, легко открывая его завесы, и ты начинаешь видеть предметы такими, какие они есть, на что способны среди людей, наверное, лишь мудрецы и дети.

И действительно, только ребёнок, да мудрец могут знать - кем они на самом деле являются, пребывая в этом мире, и их истинная суть проявляется сама собой, становясь ясной для всех. В этом - счастье детства, и привилегия мудрости. Но как их соединить?

Сделать себя счастливым, а значит - сохраняющим невинность при достижении осознания себя и высших духовных истин, человек сможет только сам, в результате постоянной работы над собой, и уже тогда, переполненный любовью к жизни, он будет способен дарить всем радость. Радость, возможно, разожжёт в чьих-то сердцах огонёк сознания, а разгоревшееся сознание обратит душу к любви, чтобы от этой любви кому-нибудь тоже стало радостно.

Ведь перед тем, как получить счастье, необходимо доказать свою готовность к нему, и отдавая, ты рано или поздно обретаешь благо,

переживая настоящее чудо. Ну, как в детстве, когда стремление отдавать пребывало в тебе совершенно естественно, этому не нужно было долгое время учиться, и между тобой и Существованием не существовало никаких преград.

ЧЕРНЯВКА

Боялся ли я чего-либо в детстве? Пожалуй, что нет. Может быть, только остерегался, или что-либо было противно моему бодрому нраву, но чтобы испытывать страх с боязнью, - такого со мной не бывало.

Случались, конечно, отдельные истории, когда дух мой начисто был подвержен пугающей неизвестности от происходящего, но такие случаи возникали, как правило, неожиданно, оказывались кратковременными, и какого-то настоящего ужаса и потерянности от него не вызывали. С ними вполне можно было сладить, по истечении определённого срока случаи эти не представлялись неразрешимыми, и воспринимались уже без какого-либо страха, даже - весело.

Боязни, напроць сковывающей всё моё существо, я никогда не испытывал, и такого рода препятствия казались совершенно не стоящими внимания. Что это были за истории?!

Я не боялся ни темноты, ни воды, ни постоянно подвыпившего дворника Филимона, ни соседских задиристых мальчишек, ни змеек на болоте, ни деревенского погоста, мимо которого мы с бабушкой часто проходили. И даже наш козёл Борька с его огромными загнутыми рогами не вызывал у меня дикого испуга, хотя я его всё время сторонился.

Но вот по поводу кого я действительно привередничал, порой доводя бабушку до невольного раздражения, самозабвенно впадая при этом в крайность, так это из-за старухи-чернявки, проживающей с нами по соседству.

Желая укротить во мне подобную капризную странность, бабушке впоследствии приходилось даже с сожалением сообщать о ней моей матери, чтобы она обратила внимание на эту сторону моего характера, способную, по её мнению, стать в будущем помехой для моего существования. Но какой жуткой черноты достигал этот взгляд старухи, что представлялась мне не иначе, как бабой-ягой!

Чернота эта была не похожей на обычное чёрное, и даже не пугала, а завораживала. Из-за этой темноты ничего вокруг невозможно было видеть, и

я полностью оказывался повержен беспредельной глубиной глаз старухи, лицо которой, кажется, ничего не выражало. Околдовывали только её глаза!

Они снились мне. Причём, постоянно, но я не боялся их во сне. Чернота, как ни странно, не пугала, а скорее вызывала какое-то недоумение: старуха пристально всматривается в меня, а я, между тем, остаюсь живой и радостный.

И вот ещё что: чернота старухи была необыкновенной. Поравнявшись с нами и поприветствовав бабушку, старуха неожиданно склонялась надо мной, и, ничего не говоря, долго всматривалась в мои глаза, отчего всё во мне будто переворачивалось и немело, и я старался спрятаться за бабушкину юбку, обхватив её сзади руками. Старуха ещё какое-то время наблюдала за мной, ничего не произнося, и в такие минуты самое интересное и значительное в моей жизни меркло, поглощённое этой необъяснимой чернотой.

Поражало ещё и то, что бабушка была всегда любезна с этой старой женщиной, словно не замечая её пристального внимания к своему внуку. Чёрные же глаза старухи будто горели неизведанным жутким огнём, олицетворяя для меня ночь.

Но черниться моё сердце не желало, и я всеми силами стремился не поддаваться воле старухи-чернявки, бабушка же только умудряла: «Не всё то чернит, что чёрно». Да и то верно: на всякую беду страху не напасёшься, и если чернота тебя страшит, то Бог милует!

РАЙ ЗЕМНОЙ

Любовь... Чувства, что мне в детстве не добавляют любви - никогда не было. Тем более, что сам я проявлял большое переживание преданности своей бабушке, хотя любовь переполняла моё сердце не только к ней, но и ко всему живому, что меня окружало.

А была моя бабушка всегда вольною крестьянкой, и хоть нигде за всю жизнь не работала, но от труда не бегала: огородничество, скот и торговля на рынке - была её судьба. Только и видать в саду её сгорбленную спину... Бывало, спросишь у неё:

- Бабушка, трудиться надо, чтобы в рай попасть?

- Нет, голубь, слаще рая, чем на земле. Только здесь настоящая любовь начинается. Так нам Господь заповедовал!

И верно: любовь - это когда страшно интересно всё, что делает твой любимый человек. В детстве им была моя бабушка, и ты чувствуешь движения её души, переживаешь вместе с ней одно чудесное чувство, и желаешь только, чтобы всё у твоего любимого человека было хорошо. Ты сам до конца готов отдать себя для этого, и, конечно, тебе не приходит в голову просить за твоё душевное устремление какое-либо вознаграждение.

Главная радость для тебя - душевная успокоенность любимой бабушки, ради неё ты не боишься пожертвовать всем, только бы она была здорова, и ни о чём другом не помышляешь. «Матушка родная, Богородица, - тихонечко шепчешь ты про себя. - Возлюби мою любимую бабушку, как и я Тебя!»

Любовь... Она даёт возможность быть самим собой, дополняет тебя и помогает стать цельным. Присутствие любимого человека делает тебя более сильным, а любовь дарит обладание главным секретом Бытия, когда ты, чувствуя в себе Бога, осознанно распаиваешь Ему навстречу свои объятия. Ты счастлив и свободен, сердце твоё поёт: и всё это ты переживаешь благодаря присутствию в своей жизни родимой бабушки.

- Бабушка, расскажи про рай, - и я прижимаюсь к ней, уткнувшись в тёплые колени.

- Чего тебе, праведная душенька, хорошего сказать? Чистое ты моё творение и радость! Всё наше житие - рай земной, но не всем в раю быть, только, кого Бог помилует.

Ныне, вот, доброе утро выдалось, и от этого уже на душе счастье. Прохладной водичкой умоешься - и беги в сад. Когда личико чистое, пригожее, и душа сразу к Богу обращается, а я тебя скоро к завтраку позову, буду райскими пирогами угощать.

И ты бежишь, неся в сердце радость, и про себя нашёптываешь:

- Царица Небесная, храни мою бабушку!

А в саду - большое солнце, как царь, сладко пахнет ягодой и летним раздольем, так что даже теряешься: куда себя направить? Хочется кинуться и туда, и сюда, но в голове радостно вертится: скоро позовёт бабушка, надо быть неподалёку.

И тут, возле ворот в ограду хорошо: под бревенчатыми стенами, в тени, таятся бархатистые лопушки, нежные незабудки и жёлтенькие глазки чистотела. С доброй ленцой, привольно разливается по всей земле лето, и даже дышать становится трудно от радости, отчего сразу подумаешь: никогда не исчезнет из твоей жизни счастье! Будет уходить ненадолго, и опять возвращаться, не описать это ни за что словами, можно только переживать в самом сердце детства.

Бабушка же, накрывая на стол, тоже тихонечко наговаривает:

- Как хорошо, родной, Господь жизнь устроил. У Него завсегда и во всём праздник, и всякая душа празднику рада, отчего на сердце - одно благо. Истинно - земной рай!

И, правда, как в перину пуховую погружаешься в эту радость, конца ей не видно. Всегда бы быть так вместе с бабушкой, купаясь в её ласке, никогда не поддаваться грусти, а лучше - вовсе её не знать. Так бы и шло...

В комнатке нашей светло, солнышко забралось во все её уголки, зацепилось в небе над домом, и весело мне смотреть на бабушку, как она стоит у печи в своём цветастом малиновом халате, в кружевном переднике, и лицо её тоже светится, кажется, отражая солнце.

- Свят-свят, Господи наш чудный, - шепчу я сбивчиво, наверное, невпопад божественным молитвам. - Сделай так, чтобы бабушка не болела. Спаси её и помилуй!

И бабушка, вот чудо, с тех пор никогда особо не болела, и вихры мне не надирала, хоть и божилась, что когда-нибудь это сделает.

- Ну, Господь с тобой, Борюшка, сверчок мой милый, - задумчиво произносит она, когда я чего-либо напроказничаю. - Непорядок это...

Ласковое слово слаще мягкого пирога, отчего и свет в душе от бабушкиного присутствия становится как в летнем саду, поутру, что льётся и от яблонь, и от солнца с лазоревого неба. Всё вокруг ясно и привольно, потому как бабушка рядом, и опять я думаю: «Бог наш Великий творит чудеса, и да прибудет по всей земле любовь - благодать Господня, рай земной!»

СЧАСТЬЕ ПУТИ

В детстве удивительно радостно и просто переживать счастье пути, как бы короток он ни был, хотя бы ты всего лишь отправляешься к бабушке в гости, на другой конец города. Но разве сравнишь его с путешествием на юг, с родителями, взбираясь на автобусе по серпантину горной дороги на самый верх, откуда открывается вид на раскинувшееся внизу лазурное море?!

О таком путешествии можно только мечтать, но как приятно переживать, что ты сжимаешь обруч спинки расположенного перед тобой сидения, представляя его рулём, он так чудесно послушен тебе, ловко вращается тобой в воображении, и ты чувствуешь себя бывалым водителем: вечно бы катить на этом маленьком экскурсионном автобусе, усевшись у самого окна!

Дух замирает от преодолеваемых головокружительных высот и бездонных провалов, когда, кажется, не миновать ужасной пропасти, прямо под боком, там, внизу. Но мотор машины упрямо урчит, ты нажимаешь на невидимые кнопки, представляя, что сам управляешь неповоротливым автобусом, и он, конечно, удачно выворачивает по самому краю опасной горной дороги, и все пассажиры благодарят тебя за необыкновенное умение.

Тебя переполняет неопишуемая гордость от того, что ты – настоящий «водитель»! От этого ощущения блаженство и счастье пути ещё с большей радостью захватывает твоё воображение, а дорога круто забирается в горы всё дальше и дальше, может быть - к самой вершине, и тут уж не зевай «водитель»: «Ур-ур-ур, ур-ур-ур, м-м-м-м...»

Мама же только улыбается, глядя на меня, но расслабляться не время, впереди - неблизкий путь, и, несмотря на то, что начинает чуточку подташнивать и в ушах появляется шум, ты, сжав зубы, стараешься не подавать виду, и тогда папа, похлопывая по плечу, мирно приговаривает: «Ничего, ничего! Скоро пройдёт, всё будет хорошо».

И вот уже мы мчимся куда-то вниз... Как славно ощущать на себе ветерок, врывающийся в распахнутое окно, и ты радуешься, что тебя не укачало, ты сидишь у окна, лицом к движению, мысленно управляя этой разогретой от солнца машиной!

Мама с папой гордятся мной, тайно горжусь собой и я: хоть я и маленький, а не поддался подступающему к горлу неприятному комку, меня и вовсе, оказывается, не тошнит в отличие от многих взрослых в нашем автобусе, да и мама, чувствуется, устала. Отец ласково говорит ей что-то на ухо, наверное, старается отвлечь или рассмешить, и мама улыбается ему через силу, а мне не нужна ничья помощь: я ничего не боюсь!

Какое это счастье - отдаться непередаваемо прекрасному переживанию, когда ты – в пути, прокладываешь его сам, и ничего тебя, кажется, не может утратить. О таком человеке, наверное, говорят: «Из этого смельчака выйдет прок: счастья ему в пути!» «Ур-ур-ур, ур-ур-ур, ур-ур-ур, м-м-м-м...»

НЕПОНЯТНОЕ СЧАСТЬЕ

Случался ли в вашем детстве хотя бы один шалаш, в котором страстно хотелось пожить, непременно убежав перед этим из дому? Причём, конечно, покинуть его навсегда, даже не вспоминая о нём, а наслаждаясь захватывающим дух одиночеством, посреди девственного леса, где всё

таинственно и занятно? Когда воображению вашему нет предела, и вам вдруг открывается такое сознание, что вы - настоящий путешественник.

Не просто какой-то человек, что совершает пустяковую прогулку, но именно чувствует жизнь во всех её проявлениях, и готов на самые невероятные подвиги. Порой, может быть, даже какие-то страшные события, что необыкновенно пленяют своей суровой неизбывностью, и, всё же, вы принимаете их? Не случилось?!

Переживали ли вы когда-нибудь такое завораживающее дух устремление, поглощающее все ваши мысли? Так, чтобы в глубине души сразу понималось: вы испытываете кровное родство с тем неизведанным, что вам предстоит разгадать, и это есть всё то, среди чего вы, должно быть, уже долгое время когда-то находились?

При этом вас переполняет страстное желание пережить подобное состояние вновь, убедившись в том, что оно никуда не уходило, а лишь притаилось в какой-то скрытой ото всех обители, и ждёт вашего равнодушного прикосновения. Нужно всего лишь решиться отправиться в путешествие!

А в шалаше сладко пахнет сухими травами и пихтой. Солнечные лучи, что слабо пробиваются сквозь поредевшие ветви, тоже, кажется, издают какой-то пряный аромат, так что его очень приятно вдыхать, уносясь в мечтах куда-то вперёд, где сияют жарким ароматом потаённые земляничные поляны, а за ними трепещут листвой могучие дубы и сосны...

И вдруг твоему внутреннему зору открывается одинокий лесной пруд, берега которого посещают только дикие птицы и звери, и ты представляешь, как, присев на корточки, жадно пьёшь горстями холодную лесную воду, с удовольствием отдуваясь и вытирая рукавом губы. В светлой бездонности этой воды отображается спокойное летнее небо, верхушки деревьев лениво склоняются над ней, словно вглядываясь в неведомую глубину, и за этими думами ты невольно закрываешь глаза и задрёмываешь.

Только в таком шалаше, сооружённом деревенскими мужиками в пору сенокоса, тебя убаюкивает лёгкий сон, уносящий куда-то, за желтеющий полевой простор, откуда веет удивительным теплом и светом, и счастье уходящих летних дней вдруг сладостно охватывает сердце. Верхушки солнечных деревьев запляшут в вышине, закружат над твоей головой, и ты неожиданно вознесёшься в небо маленьким пушистым облачком, что мягко поплывёт над землёй, покрытой радостными бликами, и вскоре исчезнет.

А с ним, наверное, унесутся куда-то и неясные думы о твоём неуловимом счастье, что так приятно было переживать в укромном лесном шалаше, на исходе лета, которое тоже вскоре не приметной тенью заструится

в воздухе, в груди затаится еле уловимая печаль, и сердце затрепещет от необъяснимой радости. Где-то там, за далёкими лесами и полями, лежит твоё непонятное счастье, что, верится, тебе не миновать!

СТАРЫЙ БАБУШКИН ДОМ

Старый бабушкин дом... Вот бы побывать в нём сейчас, хотя бы одним глазком ещё раз рассмотреть всё его внутреннее обустройство, залезть на полати над печкой, полежать там, наслаждаясь духом бабушкиных шанег, украдкой подглядывая сверху, как она их стряпает и ловко отправляет на старых противнях в печной жар, а отведав доброй стряпни, посидеть некоторое время молча за столом, наблюдая, как за окном снуют в ветвях вишни юркие овсянки и щеглы.

Но завидев на полке буфета желтоватую бутылочку рыбьего жира, быстрее отправляешься гулять. Один вид этой стылой, недружелюбно замершей за стеклом жидкости вызывал в душе трепет, и как назло бабушка всегда оставляла рыбий жир на самом видном месте, как напоминание, что в любой момент ей вздумается попотчевать меня им ради моего же блага. Лучше было поскорее миновать кухню, очутившись в прохладных, даже летом, сенях, затем - коротенькая скрипучая лесенка, и вот - ты на дворе!

Правда, выйдя из дому, сразу и не сообразишь - чем предстоит заняться в это утро? Может быть, вернувшись украдкой, чтобы бабушка не услышала, забраться по узенькой лестнице на чердак, где тепло и уютно, и тоже сладко пахнет истопленной печкой, а окутанные укромной тенью предметы представляются живыми, только на какое-то время притихшими, будто заслышали тебя - и притаились?

С замиранием духа прокрадываешься между ними, а старый комод, ворох газет и сундук исподтишка наблюдают за тобой, не упуская ни единой мелочи в твоём настроении, словно потом хотят всё рассказать о тебе бабушке. И ты невольно остерегаешься их потаённого присутствия, то и дело взглядываешь на притаившийся комод, таинственный сундук, покосившийся трёхногий венский стул, что один из всех обитателей чердака, вроде бы, не настроен против твоего нахождения здесь...Роящаяся вокруг тебя старинная пыль по-хозяйски покрывает собой всё чердачное пространство.

- Уф-ф, - не в силах сдержать гулкого сердцебиения, тихонечко выдыхаешь ты, с любопытством осматривая своё укромное убежище. Солнечный свет, маленькими квадратиками пробивающийся через

уединённое окошко, тайком улёгся на запылённом полу, будто ему и дела нет до игры и веселья. Но тем и хорош чердак, что скрытен, загадочен и непредсказуем.

Как он поведёт себя в следующий раз - неизвестно, чего преподнесёт? И оттого манит он к себе необыкновенно, так что хочется всегда изучать его спрятанное ото всех содержимое, открывая для себя что-то несказанно притягательное, такое интригующее.

Да и как не таить чердаку свои тайны, на то он и создан, и бабушка, конечно, понимает моё устремление всё знать, когда я забираюсь тайком от неё сюда, хотя, бывало, и поругает. Это чудо что за чердак в старом бабушкином доме, и как чудесно было скрываться в нём и мечтать о чём-нибудь хорошем, что обязательно, ты знал это точно, сбудется!

Детство чудесно тем, что в нём тебе являются совершенно новые, неведомые ранее предметы. Они располагаются повсюду – и в саду, и на чердаке, и в чулане, и на улице. Изумляют, казалось бы, самые обыденные вещи, что представляются, конечно, необыкновенными.

Вот, широкая старинная лавка, что с завидной основательностью утвердилась в углу, под образами. Её коротенькие крепкие ножки ловко разъехались во все стороны, и замерли так, кажется, навечно, выявляя в лавке непростой, даже своенравный характер. Всегда было немножко боязно подходить к ней вплотную, стараясь держаться на расстоянии, но без неё в доме, наверное, было бы скучно.

Или - железная увесистая полоска, разрубленная сверху натрое, что я обнаружил в деревянной нише, за печкой. Бабушка объяснила: «Это – светец, он предназначался для ущемления в нём лучины, освещающей дом, когда ещё не было электричества».

Светец втыкали в деревянную палку, устанавливая там, где требовалось добавить свету. Теперь светец был не нужен, в доме всегда было светло, а нет-нет, да взглядывал я на старинную железную вилку, что освещала неведомую мне жизнь, и хотелось всматриваться в это стародавнее время, представляя в нём бабушку, когда она была ещё молодая. Как чуден, наверное, был тот таинственный свет, которого бабушке не хватало!

Существование печи, вообще, дарило множество чудесных вещей, и в доме невозможно было обойтись без кочерги, пузатых чугунков и рогатого ухвата. Литые чугунные горшки годились для варки и всяких других нужд, бабушка называла их «чугунчиками», и они чудо как были хороши. В их крутых боках таилась какая-то обаятельная и уютная сила, отчего наша «картошка в мундире» в таких горшочках выходила особенно вкусной.

Ухват же служил прихватывать чугуны своими металлическими рожками, обнимая ими их округлые бока и ловко выводя из жара печи. «Ухват и с пылу хватает!» - восклицала порой бабушка, орудуя на кухне, и потом довольно добавляла: «С ухватом баба - хоть на медведя!»

Не обойтись было и без кривой кочерги, регулируя ею жар в печи, растаскивая угли в её горячей утробе. В притаившейся в углу кочерге мне виделся однобокий железный костыль, что позабыл у нас в избе какой-то сказочный ведун. Эта его клюка вызывала в моей душе массу переживаний, неминусемо присущих раннему детству...

«А ну, как вернётся страшный старик, когда бабушки не будет дома?» - думалось часто, и я с опаской переходил в другую часть комнаты, подальше от печи, мысленно не упуская кочергу из виду. Нужно было привыкнуть, чтобы не страшиться кочерги, что тоже не боялась огня, и была в печи хозяйкой.

«Всякой вещи время» - говорила бабушка, и детство было наилучшей порой для существования самых непредсказуемых предметов! По словам бабушки, всякая неодушевлённая особь на деле оборачивалась существом с чувствами, которые можно было переживать вместе с ней, на свой особый лад, каждой уделяя особое внимание.

Не одеть уздичу на какую-либо вещь не представлялось для бабушки невозможным. Этой заботой жил её деревенский дом. Но и то была правда, что эти появляющиеся в моей жизни один за другим предметы просто изумляли своей непостижимой загадкой, что, несомненно, очаровывала, и как было согласовать свободу моей мальчишеской воли с неразгаданной тайной окружающих вещей - я ещё не знал.

Одно надёжно усвоилось: основная причина жизненного движения - тайна, и её сладко было разгадывать и хранить в окружающих тебя простых вещах. Тем более, что всякая тайна рано или поздно выявится!

В детстве, общаясь с разными домашними предметами и разного рода потаёнными пространствами, находящимися в бабушкином доме, коими, помимо печки, ухвата, кочерги и чугунов, оказывались ворота, дровяник, сени, чулан и чердак, мне казалось, что все они, преподнося себя человеку такими, какие они есть, в тоже время не выказывают о себе всей правды, которую знают, но почему-то скрывают... Было в них что-то такое, в чём они не желали себя до конца раскрывать, и нужно было очень постараться, чтобы тайну эту разузнать.

Я даже поклялся себе, что непременно разгадаю её: ведь далеко не сразу зацепится мысль человека за всякое существо, обитающее в доме, что кому-либо да чем-либо служит. И вот, до сих пор, разузнаю, не потеряв интереса

разглядывать и разбирать скрытую ото всех суть, так как точно знаю: в том, что нас окружает, в любой вещи, заложено нечто особенное, и оно таинственно и прекрасно. Тем более – в детстве!

Не могу никак забыть огромные ворота, открывающие вход во двор бабушкиного дома, поражающие именно своей массивностью, что не поддавалась объяснению. Зачем нужны были такие большущие ворота, куда легко могла бы заехать лошадь с повозкою, тогда как на деле, прямо за воротами, начиналась узенькая тропка, увитая зарослями сирени, черёмухи и вишни?

Тропка укромно тянулась прохладной тенистой аллеей к самому дому, и идти по ней было так приятно, что втайне, с удовольствием, думалось о том, как бы она и вовсе никогда не кончалась. Ты бы брёл по ней в ожидании встречи с родной бабушкой, и ещё чего-то такого, чего в твоей жизни раньше не бывало, но с нетерпением ожидалось.

Выцветшие от дождей и солнца, ворота завораживали и своим гладким видом. Время и непогода отполировали их до такой степени, до какой могут довести любой материал только все времена года, каждое - по своему, и от этого они приобрели какой-то неопределённый - светловато-коричневый, с чёрными подпалинами окрас.

Издали ворота не бросались в глаза, но вблизи приобретали какую-то свежесть и новизну, даже - уют, после чего хотелось скорее отпереть высокую, как ворота, калитку с кованым кольцом. Для этого сначала требовалось нажать на него, повернуть, и, налёгши на могучую дверь плечом, отворить её со скрипом, отчего-то приводящим душу в трогательный восторг.

Резкий взвизгивающий звук отворяющейся двери напоминал скрип немазанных колёс или полозьев по снегу, но, тем не менее, был необыкновенно приятен слуху. Порой я даже повисал на двери, ухватившись за старую скобу, что служила ручкой, дожидаясь, пока дверь полностью не раскроется и скрип прекратится.

Не зря бабушка говорила, что скрипучее дерево – живуче. Вот и ворота наши мне всегда представлялись живыми. Их ворочают, постоянно растворяя и запирая, а они будто говорят: милости просим – мимо нас щей хлебать! Мол, только, значит, хозяевам и добрым гостям рады, тогда они настезь, остальным же - запор, от ворот поворот!

Бабушкины ворота были с обвершкою, то есть - крытые, с козырьком на обе стороны, да ещё с прикалитком, и бабушка обо всём этом хозяйском обустройстве говорила так: «Ворота, что борода у моего деда, ум же - с прикалиток!» Вот на этом самом прикалитке и было приспособлено кованое

кольцо, с помощью которого можно было попасть за ворота, в сад, где тотчас перед тобой открывалось какое-то иное пространство, не похожее на то, что оставалось на улице.

Не забыть уж, вовек, того удовольствия, в миг охватывающего всё твоё существо, с каким оказывался ты у порога дома любимой бабушки. И не пройти уже никогда по той родимой тропинке, укромно утопающей в густых зелёных зарослях, где всегда с такой радостью хотелось задержаться ненадолго, в нетерпении ожидая встречи и с бабушкой. Не увидеться с домом, притаившимся в самом уголке сада, и с печкой, хотя бы она даже была не натоплена, и, конечно, с воротами, будто отворяющими тебе вход в таинственный, ещё неразгаданный мир.

А ещё вспоминаются сени... Там всегда было темно и прохладно, дверь в чулан - на массивной деревянной щеколде, на бревенчатой стене - керосиновая лампа, в углу - старый ларь, обитый клеёнкой, двери в дом закрываются так плотно, что изнутри неслышно ни звука. В этой темноте и прохладе тоже переживалось нечто таинственное, и прежде, чем отворить дверь, всегда хотелось постоять какое-то время, прислушиваясь к этой укромной тишине сеней, к тому, что происходит в тёмном чулане, и загадочном деревянном ларе. Вроде бы, и пусто, а всё равно кто-то есть, затаился тихонько и ждёт: что ты предпримешь?

Сени, их бабушка называла ещё клетью или холодной горенкой, ведущей в дом, будто приветствуют входящих в него, а двери по сеням ходят и так и сяк, да только в избу - никак, и невольно действительно хочется задержаться в сенцах, прочувствовав их загадочную темноту. Темнота сеней при этом не озадачивает своей загадочностью, а наоборот - возбуждает в душе затаенный трепет, желание вглядываться в неё, с целью что-нибудь, да рассмотреть.

Правда, задерживаться надолго в сенцах желания не испытываешь, и насладившись их проникновенной тишиной, уже думаешь о тёплой уютной кухне, печи и полатах. Каким-то тихим пристанищем были эти сени, существующие именно за тем, чтобы замереть в них на короткое время, осмотреться, и уж после того ступить в дом.

После прохладных и, вроде бы, неприятных сеней ещё скорее стремишься оказаться в доме, на уютной бабушкиной кухне, у печки. Но и там мысли о занимающих внимание сенях не покидают, будто затаиваясь в тебе самом, и ты исподволь весь день думаешь о них, и даже когда лежишь вечером с бабушкой в её постели, слушая сказку, то нет-нет, да вспоминаешь загадочную темноту и прохладу сеней, живущих по соседству.

Где-то совсем рядом находится таинственное пространство в доме, вроде бы, ничем особенным непримечательное, но как оно притягательно... Это неприметное пространство не зря осеняет своим присутствием прохладную часть жилого дома, без этой прихожей не обойтись, так как с морозу сразу в тёплое помещение не ступишь, нужен мост, что соединяет улицу и избу. Некий покой, где можно немножко передохнуть, прежде чем окажешься в тепле.

Оно, это покойное место, неопределённо простирается в своём плохо различимом таинстве, и, кажется, что простор сеней не имеет границ. О нём почему-то хочется думать, хотя там особо не повернёшься, и оттого, насытившись обособленным пространством, ум устремляется к простору избы. Там есть, где развернуться!

В доме - тепло, на столике - лампа с зелёным абажуром, в одном месте чуточку надтреснутым. От неё исходит ласковый уютный свет, сладко пахнет бабушкиной стряпнёй и подогретым молоком. Напротив кровати - комод с выцветшими изогнутыми ручками, а на стене - портрет рыбака, склонившегося над удочками в ожидании поклёвки.

Под кроватью кто-то тихонечко шуршит, но от этого ещё более заманчиво течёт из бабушкиных уст сказка. А там, в завораживающих твоё внимание сенях, наверное, происходит что-то удивительное, чего никак не хочется пропустить, и ты убеждаешь себя, что обязательно в следующий раз, когда бабушка уснёт, не побоишься-таки и заглянешь в таинственные сенцы, разгадав их секрет, всегда скрывающийся в темноте...

Детство воспринимается ярким обычно оттого, что запоминается из него самое солнечное, и именно по этой причине вся младенческая пора представляется только радостной, без присутствия в ней чего-либо тёмного. Но даже и это тёмное запоминается, ибо объявляет себя необычным, чем-то невиданным, будто даже не существующим, и ты сохраняешь в своём сердце тёплое отношение ко всему, что окружает тебя в детстве, потому что по-иному у тебя не получается.

Тебе, конечно, дороги все твои близкие, родной дом, в заботливом уюте которого ты постоянно находишься, дороже его, кажется, ничего не существует, чудесный бабушкин сад, и всё же необыкновенно притягивает и жизненная темнота: в ней ты тоже и видишь, и чувствуешь, и боишься, и преодолеваешь страх. Ты как будто несёшь его и в себе, принимаешь, как свет, доверяя жизни.

Но что это была за темнота? В чём заключала она свой секрет? Не важно, касалось ли это соседской старухи с чёрными глазами, чулана, чердака или сеней, постоянно пребывающих в потёмках: я не знал.

Впрочем, как не знаю и сейчас, так же остро чувствуя иногда её завоораживающее присутствие, втайне мысленно переживая, и также трепетно неся в своей душе. В темноте, ты как будто угадывал это всегда, стоял свой свет... Свет и тепло старого бабушкиного дома, дорожке которого ничего не было.

НЕ ДАЙ БОЛИ ВОЛЮ!

Каждый день в детстве приносил нечто новое, что и восхищало и заставляло думать, а иногда - тревожило, даже пугало. Так, неподалёку от бабушкиного дома, через улицу, располагалась больница, высокий дом странного строения из красного кирпича, в нём - лечили детей. Когда меня в эту больницу увозили, бабушка, выйдя на порог и прикрыв губы уголком платочка, тихо проговорила: «Пресвятая царица небесная, помоги моему внуку одолеть злую немощь. Разнемогся так, что, ни о чём, и думать не смей! Никто не может, так ты, матушка, окажи своё вспоможение!»

А как-то я услышал от нянечки печальные вести о том, что тут часто отдают Богу душу совсем маленькие. И вот, совсем недавно, не минула и неделя, как задохнулся от какой-то внутренней болезни один такой бедный мальчуган...

- Уж очень слабенький был, - участливо заметила она. И потом добавила: - Отчего-то всё более лишаются жизни мальчишки. Ещё толком не родился, а помер!

Мне стало страшно, умирать, прямо скажем, не хотелось: я ещё и не жил толком! Неужели тут и по правде умирают дети, совсем маленькие люди, что ещё не извели в полной мере радости жизни?

В это не хотелось верить, да я и не думал о смерти, но проходя однажды по коридору мимо палаты с растворённой дверью, я вдруг увидел сидящего на тумбочке кудрявого мальчика в ночной рубашке, без трусиков, так что видно было - какие у него огромные яички...

Мальчик сидел, завалившись к стенке, глазки его превратились в серые щелочки, а лицо - опухшее и какое-то безжизненное, и я тогда подумал, что он, наверное, уже не жилец. Уж больно неестественно и отрешённо выглядела его худая фигурка. Всё время не покидало ощущение, что никому до него нет дела.

Когда всего не хватает – и немножко много, - так часто говорит моя бабушка. Хорошо, если бы кто-то этого бедного мальчика проведаль. Когда же и ко мне кто-нибудь придёт?!

Я начинаю думать о бабушке... Пока я думаю о ней, всё худое и неустроенное, как в этой больнице, уходит от меня, и на душе становится веселее, словно не было совсем недавно ничего горького, и не обнаружили у меня гнойный холецистит, а было только приятное, доброе. Порой даже слёзы выступают на глазах, так дорога моему сердцу родимая бабушка. Никто меня не волнует больше, чем она.

В больничной палате мне не с кем поговорить, и я всё больше сижу у окна, один, стараясь думать о том, кому ещё хуже, представляя себе того самого мальчика, умершего от неизвестной мне болезни. Наверное, ему было не сладко уходить из жизни в свои пять или шесть лет, у него тоже была мама, которая любила его.

Выйдя на лестничную клетку, я стал ожидать, когда придёт моя мама или бабушка, поглядывая в окно на дворника, равнодушно подметающего опавшие листья. Молчать в такие минуты было приятно.

Рыжие листья медленно кружились в прозрачном воздухе, вся земля возле больницы была усыпана ими, а вверх устремляли свои голые чёрные ветви безжизненные липы, похожие на покосившиеся памятники.

- Я давно здесь хвораю, - словно хвастаясь, объявил мне неизвестно откуда появившийся мальчик в стоптанных башмачках и помятой пижамке.

- Давно-о? - с опаской протянул я.

- Очень долго! - вздохнув, прибавил он. – Меня Васюткой зовут. Ты уже кишку глотал?

- Нет... А страшно?

- Сестра насильно заставляет, так что горло потом долго дерёт. Будет и тебе дело!

- Что ещё за кишка?

- Толстая, из резины, с холодным металлическим наконечником!

Его маленькие серьёзные глаза вспыхнули на мгновение каким-то внутренним болезненным испугом, как будто он остерегался всего белого света.

- Задохнуться можно, - тихо добавил он.

- Я не дамся, - тут же заявил я.

- Не послушают, - оглянувшись, прошептал мальчик. - Без этого живот не поправить.

- Васька-васёнок ты, худой поросёнок, - вдруг заявил я.

- Ты смотри, не задирайся, - глазки у мальчика на мгновение ожили, заблестели, а потом опять потухли. - Я живой человек.

- Ага... Жив-жив, а чуть дышишь.

Васютка только потупился.

Робкое почему-то проявляется в людях, прежде всего, оно неприятно, даже в малышах, и от всего этого мне захотелось убежать. Плохо, когда человек, даже пусть он - маленький, не ведает и не желает знать, куда его ведут, что ему подсовывают, и многие люди этим только и пользуются, особенно - взрослые. Стало жалко мальчишку, но и то верно, что насильно и себя пожалеешь.

Мне стало неловко, и я пошёл в свою палату. Вот оно как! И мне, наверное, придётся тут также долго хворать, глотая какую-то кишку, без этого, видать, не обойтись.

В палате я улёгся на скрипучую койку, повернувшись к стене, и стал вспоминать, как мы с бабушкой совсем недавно гуляли в парке, собирая красочный букет из опавших листьев. Хорошо, когда она рядом, и представляя, что бабушка обнимает меня своей тёплой рукой, нежно прижимая к себе, я заснул.

Рано утром меня разбудил приглушённый колокольный звон, возвещающий Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и незабвенной девы Марии. Об этом мне потом бабушка рассказала, и Рождество это всегда празднуется как день всемирной радости, чем я, как раз, похвастаться не мог. Больному, как говорится, и киселя в рот не вольёшь!

Жизнь в больнице текла однообразно, без каких-либо впечатлений, и каждый день не приносил ничего нового. Моё воображение поражали лишь тополя-великаны за окном: три рослых богатыря, выше здания больницы, кажется, упирались своими верхушками в серое низкое небо. Но и это ничуть не занимало, хотя у их основания стволы невозможно было обхватить трём взрослым. Ребятишек и вовсе бы пришлось выстраивать в вереницу, чтобы им, взявшись за руки, можно было обойти могучее дерево.

Так хотелось поскорее оказаться на улице, и дотронуться до его щербатого ствола, может быть даже - прижаться к нему щекой, обняв руками, чтобы замереть от ощущения слитности с чем-то большим и надёжным, способным спасти и защитить. Помолчать сейчас наедине с величественным деревом было бы, наверное, тоже приятно.

Что-то такое же величественное, как и эти тополя, выступало и в моих спутанных снах, где я хоть и был маленьким, но всё равно воспринимал себя

большим, растущим человеком, которому, складывалось такое впечатление, всё нипочём. Так, наверное, мне хотелось думать.

Был я, конечно, всего лишь пяти лет от роду, но в этой тягостной больничной обстановке, оторвавшей меня от самых близких людей, находясь в вынужденном уединении, я вдруг почувствовал себя другим. Может быть, новым, тем, кто действительно ничего не боится, как будто что-то незнакомое для меня самого я увидел в собственном существе, и тотчас его принял. Принял себя таким, каким я, наверное, и являлся на самом деле, отчего вдруг почувствовал, что скоро непременно выздоровею.

Но требовалось время, чтобы преодолеть эту пустоту больничной палаты, высоких коридоров с облупленными стенами, обшарканные лестничные клетки. Само это вынужденное уединение, в столь малом возрасте, ровно закаляло. Может быть, для этого оно и было мне дано?

В этой больнице я смутно почувствовал, что приобщился к чему-то, чего пока не мог для себя распознать, но о чём уже не забуду никогда. Мне открылась какая-то неведомая истина, без которой, я вдруг понял, не прожить так, как тебе хочется, то есть - по правде. Правда, полагал я уже в свои пять лет, оказывалась неотъемлемой частью жизни.

Худенький мальчик стал приходить ко мне в палату.

- Тебя как зовут? – спросил он.
- Хочется скорее улизнуть из этой больницы, вот что!
- Никто тебя не отпустит.
- Придёт бабушка, и заберёт меня.

Мальчик испуганно смотрел на меня глубоко запавшими глазами. Волосы топорщились у него на голове как иголки у ёжика.

- А кишку эту глотать больно?
- Ещё как, страх. Здесь все её боятся вначале. И ты забоишься.
- Вот тебе, видел?! – я показал ему кулак.
- Теперь увидишь, - тихонечко произнёс он. - Погоди немножко!

И он ушёл. А я присел на краешек жёсткой кровати, и думал только о том, что обязательно убегу ото всей этой захудалой больничной жизни с её бездушными медсёстрами, страшными коридорами и несчастным мальчиком, попытавшимся подавить моё спокойствие своим страхом.

Но на следующий день какая-то шумливая нянька разбудила меня окриком:

- Просыпайся, герой. На процедуру пора!

А я опять подумал о том, что меня здесь точно хотят уморить, и я чуть было не заплакал. Высокая крупная женщина, вся в белом, на носу - большущие очки, повела меня за руку по гулкому холодному коридору. Я не

чувствовал ни ног, ни рук, всё моё тело онемело, когда мы подошли к дверям кабинета, половинка её была открыта, и я увидел на столе, под лампой, какие-то металлические инструменты, склянки, так что захотелось спрятаться.

- Проходи, ложись сюда, - строго заявила женщина, а в голове моей вертелась только одна мысль: «Нет. Не удастся мне улизнуть отсюда!»

- По какому закону? - вдруг выдавил я из себя.

- А бояться нечего, - уже более мягко проговорила она. - Не трусь! Понял?

Что-то дружеское на сей раз уловил я в её голосе, женщина подвела меня к койке и слегка подтолкнула рукой.

Я на минуту закрыл глаза, улёгся тихонечко, и вдруг почувствовал, как в меня входит нечто несуразное, чужое, пахнущее стылой резиной, так что погрузился в неведомое забытие. Не помню - как долго оно продолжалось. Что-то коричневое и горькое вытекало из меня в железный тазик, и я опять позабыл обо всём, а когда открыл глаза, то увидел напротив мальчика, сидящего на стуле.

- Ну что, не забоялся? - робко спросил он.

- Ты - кто?

- Я Васютка, из шестой палаты. Говорил я тебе.

- А я думал, что сон вижу...

В палате играло солнце, заполняя светом все, даже самые потаённые её уголки, и я улыбнулся, вспоминая, как бабушка, провожая меня в больницу, назидательно наставляла:

- Сила Господня в немощи совершается... Слава тебе, богородица!

Несмотря на то, что поместили меня в инфекционное отделение, бабушке всё-таки удалось договориться с кем-то из медперсонала, чтобы ей разрешили повидаться со мной.

- Пропаду я здесь, бабушка, - сердечно взывал я к ней.

- Не пропадёшь, милёнок, хоть мне тебя и жалко. Всех жалко, кого лишают свободы, - и слёзы выступили у неё на глазах.

- Бабушка...

Она прижала меня к себе, утирая платком глаза.

- Спасибо Авдотье, допустила до тебя. А то бы - ни-ни! Но не трусь...

Бабушка всхлипнула.

- Ну, развели мы с тобой кисель, - тут же спохватилась она. - Вот, коли проявишь волю, то всё выдюжишь! - она поцеловала меня в щёку тёплыми губами, и я вдруг почувствовал себя рядом с ней взрослым, будто уже вовсе не мальчик, и проживаю на свете много лет, зная, что приключится завтра

или ещё через много дней. Но в душе всё равно всё закипало от осознания того, что бабушка скоро уйдёт, а я останусь один.

- Скажи мне, бабушка, что-нибудь... Скажи!

- Ежели, родимый мой, судьбиной так назначено, ты потерпи. Христос тебе порукой!

От её дружеского размеренного говора на душе становится тепло и легко.

- Эх, милый... Мы, люди, часто думаем всё больше о себе, а Господь - обо всех нас, - с печалью произносит бабушка. - Вот и мы с тобой будем думать друг о друге, и даже - о незнакомых нам людях, что тоже о ком-то думают и молятся за всех!

Меня волнуют её слова, всеми силами я стараюсь понять их, по-всякому перекладывая их в своём уме, меняя местами, но окончательного смысла всего, сказанного бабушкой, до меня не доходит. О чём же она всё время рассказывает мне? Должно быть, о чём-то важном.

- Хорошо ведь нам живётся с тобой? - обнимая меня за плечи, тихонечко приговаривает бабушка. - Видишь ты это?

- Вижу, бабушка, - с удовольствием вторю я ей. - Люблю тебя.

- И я тебя, голубь, люблю. Никто не затмит нашей с тобой дружбы. И ничего, что кто-то обзовёт тебя любимым бабушкиным внучком! Ох, везде можно жить, Борюха, и в этакой лечебнице тоже.

- Я тебе во всём помогать буду, бабушка!

- Мы с тобой заживём! Будем гулять, покупать всякие сладости, пить с ними чай.

- Из самовара?

- Из него, пузатого, с малиновым вареньем, а по вечерам - с чудесными сказками...

Всё, о чём говорит бабушка, внушает доверие, и я с удовольствием представляю жизнь, которая ожидает нас с ней. А про себя думаю, что ничего страшного со мной в больнице не приключится.

- Самое важное дело, родной, чувствовать себя нужным для людей, чтобы им хорошо было с тобой, даже когда, вроде бы, и не из-за чего, просто так. Вот как я чувствую, что нужна тебе.

- А ты - мне! - с радостью замечаю я.

- Мы с тобой - как бережок и реченька, - улыбается бабушка. - Любо поглядеть!

После этих слов бабушки мне хочется обнять её, и в собственных думах я убеждаю себя, что обязательно найду в жизни что-нибудь очень хорошее, и буду жить так, чтобы открывать для себя ещё более добрую

жизнь, никогда не теряя к ней интереса. С бабушкой хотелось говорить обо всём, что беспокоит или чего не понимаешь, и не было для меня более ласкового, умного и откровенного человека, чем она.

Напоследок, прижимая меня к груди, она ласково проговорила:

- Всё, сердечко моё, надобно самому о жизни разузнать, иначе - ничему не научишься. Ступай с Богом!

Сидя на подоконнике, и прижавшись ладонями и лбом к стеклу, я смотрю, как бабушка, сгорбившись, тихонечко пересекает больничный двор. И вдруг она обернулась, увидав меня в окне - взмахнула руками, и, как будто удивляясь чему-то, воскликнула:

- Не дай, родной, боли волю, не подкладывайся под неё: всякую болячку нечего к себе прикладывать! Хворушка ты мой, поправляйся скорее, а то мои молитвы старческие, видать, до Господа не доходят. Тебе самому, милый, с Богом надобно говорить!

«МАЛЕНЬКИЙ ОБОРВЫШ»

Не каждый день случается такое счастье: мы с бабушкой опять вместе, и читаем нашу любимую книгу - «Маленький оборвыш»! Сумрачны были и образы в книге, и подвальные своды, где обитали беспризорные дети, и даже от книжных строк веяло промозглым холодом. Но, тем не менее, книга захватывала и не отпускала.

Хотелось, чтобы история маленького оборвыша никогда не кончалась, читать эту книгу я готов был бесконечно, вернее - слушать, как читает её бабушка, и мне очень живо представлялась неприкаянная жизнь несчастных детей, так что я воспринимал их как своих друзей. Мечталось даже оказаться среди них, чтобы они приняли меня в свою компанию, и я бы переживал вместе с ними все перипетии их нелёгкого существования, не желая вернуться обратно, к благополучной жизни с бабушкой. До такой степени захватила меня книга английского писателя, о котором я ничего не знал.

Какая-то неведомая сила почти неощутимо околдовала меня, и эта необъяснимая зачарованность была порой несравнимо лучше того, что я переживал в протекающей мимо обыденной обстановке. Хотя, о какой обыденности в детские годы может идти речь? Скорее, в этом было повинно обаяние слога английского писателя, сумевшего тронуть самые тонкие струнки моей незрелой, но уже очень восприимчивой души. Словом, эта

невыразимая сила полностью овладела мною, и я даже не заметил, как с удовольствием отдался на волю своих детских мечтаний.

За окном осенний вечер, ветер с дождиком норовят пересилить друг друга в своей ненастной возне, но эта неустроенность природы не передаётся нам с бабушкой, потому что мы вместе, лежим в обнимку на большой бабушкиной кровати с набалдашниками, и бабушка читает мне книжку «Маленький оборвыш». Порывистые завывания непогоды за окном кажутся безликими, они не колеблют устоявшейся тёплой тишины дома, где размеренно, с расстановкой, потрескивает в углу печка. На стене, напротив, мерно вспыхивают умиротворённые от жара отблески, и я с затаенным духом погружаюсь в историю про маленького мальчика, такого же, как и я, оказавшегося по воле судьбы в одиночестве.

Джимми, так звали маленького оборвыша, походил чем-то на меня... Я этого в детстве, конечно, не осознавал, но чувствовал, и, по-видимому, угадывая в себе его черты, и тянулся к этому тронувшему меня повествованию, пробуждающему в душе нечто неведомое, то, без чего я, оказывается, не мог обойтись.

Мне, как и Джимми, не хватало, по всей видимости, ласки от родителей, в полной мере её восполняла бабушка, и, тем не менее, в глубине души, я тосковал по чему-то очень трепетному, что по моему ощущению непременно должно было присутствовать в жизни. Но оно, всё же, отсутствовало, и я всё своё детство трогательно тянулся к бабушке, а она заменяла мне мать. Своей душевной теплотой, такими же тёплыми руками и певучим голосом она будто растапливала в моей душе возникающий время от времени холод, и милость её была несравнима ни с чем, что тогда окружало меня в жизни. Маленький оборвыш Джимми и моя любимая бабушка представляли для меня самых близких людей.

Как завораживающе бабушка умела рассказывать сказки, точно с такой же вдумчивостью, проникновенно, она читала мне про маленького оборвыша, и я тотчас погружался в то время, где Джимми с товарищами пытались выжить в неприютных английских трущобах. Бывало, завернувшись с головой в одеяло подле бабушки, и живо представляя себе отрешённое существование малышей в холодных каменных подземельях, я тихонько начинал плакать. Вернее, слёзы непроизвольно текли у меня по щекам, и я ещё ближе прижимался к бабушке, думая: «Это она для меня всё делает, и я никогда не убегу от неё, как Джимми от своих родителей, потому что очень люблю её, и бабушка меня любит, и нет на свете ничего лучше бабушкиных тёплых рук и её грудного певучего голоса».

В такие минуты воображение моё не знало границ, и я легко представлял себя на страницах книги, вместе с беспризорными детьми, воспринимая их своими товарищами. Я, конечно, не спал в охапке соломы, где сновали громадные крысы, или под холодной кирпичной стеной, освещаемой маленьким огарком свечи, на сыром полу, не раздеваясь по несколько недель, в обнимку с другими беспризорными мальчишками, с горечью думая о том, что у меня нет своего дома, а ждёт неизвестность и голод, побои и слёзы... И всё же я был с ними, переживая их беды, заботы и отсутствие родных, но, между тем, не чувствовал себя несчастным.

В этих трущобах было, вроде бы, беспросветно, а я не мог не ощущать в глубине себя необъяснимое тепло. Там было холодно и промозгло, но одиночество почти не посещало меня. Ну, если только ненадолго, и я всё равно нёс в душе клочок синего неба, с неистребимым интересом познавая окружающую жизнь.

Мне нравилось, что эти беспризорные мальчишки честны, хотя иногда и воруют, да чего не сделаешь, коли не ешь целыми днями, и ночью у тебя под головой вместо подушки опять окажется сырая солома. Хотелось так же, как и они, разыскивать себе хоть какую-то работу, чтобы прокормиться, нимало не огорчаясь своим несчастьем. Словом, не теряя духа, перепродавать наворованные яблоки или луковицы, чтобы купить себе хлеба, может быть даже унцию сливового варенья, не стремясь при этом быть благочестивым мальчиком.

Меня привлекала воля этих отчаянных мальчишек, их беспризорное братство, и ещё я думал о том, что добывать себе хлеб, даже нечестным путём, весело. Только вот убежать от бабушки я не думал, но не потому, что чего-то боялся. Просто я старался быть солидарен со своими новоиспечёнными приятелями, и мне нравилась их незатейливая вольная жизнь.

Сейчас я думаю: почему мне понравилась тогда, в детстве, эта непростая для восприятия ребёнка книга? Что обнаружил я в ней для себя, чем привлекла она меня, рассказывающая, казалось бы, о не совсем увлекательных для мальчишки событиях, временами и вовсе нечто противоположное желанию познавать мир и радоваться ему, как это происходит в детстве? Отчего так поразило меня это горькое повествование о незавидной судьбе маленького мальчика, такого же, как и я, и ведь эта книга очень понравилась и бабушке!

Вероятнее всего, случающуюся на страницах книги несправедливость в отношении детей, я невольно переносил на свои взаимоотношения с отцом... С самого детства я носил в душе какое-то необъяснимое ощущение

разъединённости с ним, как будто это был совсем другой человек, не мой отец. Или мой отец был тем человеком, которого я не понимал, он был далёк от меня, и это чувство разъединённости всегда преследовало меня, не давало покоя, так что, оказываясь рядом с отцом, я всегда невольно тушевался.

Не зная, отчего подобное происходит, я тотчас замыкался, даже не предполагая - как мне себя вести, а если решался что-либо произнести, то отец, обычно, отвечал молчанием, и становилось ещё тяжелей. Каким же нужно было быть ребёнком, сыном, чтобы удовлетворить моего отца?! Я не знал.

Даже когда отец покупал мне что-нибудь в магазине, или дарил, что бывало очень редко, то и тогда он сохранял непроницаемое молчание, никак не выдавая свои чувства. Но вот что однажды я заметил: отец никогда не вёл себя со мной подобным образом, если кто-нибудь оказывался рядом, неважно - родной ли это был человек, или просто знакомый.

Отца, будто бы, кто-то подменял, он становился общительнее, разговорчивее, и меня всегда поражала эта перемена, я не мог её объяснить, и от этого становилось ещё хуже. Конечно, будучи маленьким мальчиком, я скоро забывал об этой внутренней обособленности отца, о том, что он всегда, кажется, не со мной, но только стоило отцу появиться рядом, и неприятное чувство того, что я неуютен ему - вновь возникало. Что же это было такое?!

Отец никогда не прижимал меня к себе, не гладил по голове, никак ни ободрял, когда мне этого не хватало, а просто пребывал в моей жизни, что называется - «выявляя отцовские чувства». Будто его принудили к тому, не спросив, и он вынужден был согласиться с этой «ношей», с радостью, если бы это было возможно, отказавшись от неё.

Так мне, по крайней мере, казалось, и, замыкаясь в себе, я переживал тяжёлое ощущение горечи, перенося причину её появления на себя, собственное неверное поведение, отчего опять же становилось порой невыносимо. Но что я мог поделать?! И вот всё своё отдохновение и усладу в общении я находил у бабушки...

Может быть, именно поэтому мне и пришлась по душе книжка «Маленький оборвыш», где её герой переживал подобное чувство невнимания со стороны взрослых, он был ими брошен, и когда я услышал эту историю от бабушки, тотчас принял её всей душой. Мне самому стало нравиться это положение отторгнутого всеми маленького человека, я представлял себя другом оборвыша, переносясь мысленно в английские трущобы, и до такой степени свыкся с этим своим воображаемым беспризорным состоянием, что свободно жил им в действительности, где бы ни находился.

Даже когда мы с бабушкой вечером прогуливались возле её дома, я воспринимал всю нашу улицу с её аккуратными домиками, оранжевыми окошечками и старыми фонарями, как какую-то английскую «стрит». Что мне могло в этом помешать?

Так, порой пробавляясь со своими приятелями одними капустными огрызками, пытались мы выжить, не гнушаясь и тёмным промыслом, и когда нам удавалось раздобыть пару пенсов на чашку горячего кофе, то жизнь казалась мне прекрасной. Я очень живо представлял себе наше существование, когда приходилось браться за всё, что попадёт под руку, даже зарабатывать «лаяньем», звонким голосом предлагая к продаже цветы или землянику, за что разносчики товаров платили по несколько пенсов.

Вообще, я сразу заметил, что мне очень нравилось в этой книге произношение названия английских денег - пенсы и шиллинги, и я с удовольствием повторял за бабушкой - «пенс», «шиллинг» или «фунт», будто держа их в руках. Эти слова совершенно завораживали меня, несмотря на то, что наша жизнь с маленьким оборвышем была довольно однообразна. Развлекали в этом полуголодном существовании, в худой одежде и со сном на голых досках приключения, находчивость и смекалка, присущие беспризорным мальчишкам, когда ты мал, и, кажется, ещё ни на что не способен, но, тем не менее, тебе удаётся выходить сухим из воды.

Когда Джим заболел горячкой, я болел вместе с ним. Оказавшись обманным путём в работном доме, его должны были отправить на тяжёлые морские работы, и он бежал, чему я был необыкновенно рад. А однажды он угодил в полицейский участок, и я переживал за своего героя не меньше его самого...

Всё, что происходило с Джимом, до глубины души трогало меня, и нисколько не смущало то, что у него не было ни угла, ни куска хлеба, ни одежды, ни родных людей, что любили бы его. Наоборот, моё сердце невероятно занимали испытания, выпавшие на долю этого мальчика, и я часто вспоминал, как ему пришлось продать старьёвщику свои башмаки вместе с чулками и платье, чтобы купить себе еду, но старьёвщик обманул его, оставив без денег. Этот маленький оборвыш, почему-то, очень нравился мне: так, что даже хотелось походить на него!

Запомнилось, как Джим в отчаянии украл ананас, желая кому-нибудь продать его, но сделать это не удалось, и ему пришлось съесть ананас самому, отчего у него сильно разболелся живот. Кажется, живот тогда разболелся и у меня, и бабушка даже начала беспокоиться, поглядывая на то, как я изображаю на лице гримасу, правда, вскоре «боль» прошла. Трудно

рассказать, сколько всего приключилось с Джимом, но я не оставлял его в своих раздумьях, и готов был заплакать от того, что не могу ему помочь.

И ещё мне становилось горько при мысли, что всю свою энергию Джим тратит на добывание пищи, как-то он даже решился петть на улице, собирая за это медные монетки, и он не имеет возможности учиться, чтобы развивать способности. Ведь он был удивительно сообразительный и находчивый мальчик, а главное - честный!

В конце концов, Джим поступил в обучение к трубочисту, и это тоже невероятным образом привлекло меня к нему, скорее даже - обеспокоило: ведь ученики у трубочиста жили очень недолго, ходили грязные и оборванные, порой пропадая в узкой трубе. Хозяин их не кормил, чтобы они были худенькими, и не застревали в ней. Для меня это дело - чистка труб, представлялось чем-то невиданным, и я, конечно, очень переживал за Джима. Маленький оборвыш должен был стать маленьким трубочистом!

Новые испытания, теперь уже подёрнутые сажей, свалились на голову Джиму, ему приходилось чистить по ночам церковные трубы, что было запрещено, потому как это должен был делать священник, а он поручал это дело дьячку, дьячок - сторожу, и уж сторож нанимал втайне трубочиста. Церковную сажу нельзя было никуда использовать, это преследовалось по закону, и хозяин принуждал Джима зарывать её у себя в огороде. Мы с бабушкой очень сочувствовали Джиму в его секрете, но это занятие, как оказалось, нисколько не пугало его. Напротив, опасность предприятия придавала определённую прелесть и новизну в незавидном существовании Джима, и мы с бабушкой тоже неизвестно чему радовались.

Но радость наша была коротка: оказалось, что в мешках хозяин вывозил по ночам с церковного кладбища останки мертвецов/!/, Джим узнал об этом, взрезав ножичком один из мешков, после чего хозяин со своим помощником устроили за Джимом погоню. Если бы не двое лесничих с собаками, попавшихся ему навстречу, Джиму было не миновать беды. Лесничие скрутили злодеев, и мальчик был освобождён: но как сильно он был взволнован! Да и мы с бабушкой напугались ни на шутку.

Потом бабушка пояснила мне, что в древние времена в Англии существовала профессия «гробовскрывателей», которые тайком пробирались тёмными ночами на кладбище, выкапывали из могил недавно погребённых покойников и продавали их за большие деньги различным медицинским учреждениям. Этим делом и занимался хозяин Джима, и как я после всего восхищался выдержкой своего приятеля, его бесстрашным жизнелюбием, с каким он потом удрал и от судьи, и от полицейских, решивших отправить его обратно к жестокому отцу и постоянно выпивающей мачехе. И всё-таки, я

очень жалел Джима, мне хотелось как-то помочь ему, просто быть его другом.

Бабушка видела, как нравится мне эта книга, её главный герой, и любила почитать её перед сном. Тем более, что события в ней развивались самым неожиданным образом, и из простого оборвыша Джим вскорости превратился в ... карманного вора, к чему мы с бабушкой отнеслись понимающе, хоть и не приветствовали его выбор. Но, по-видимому, ничего иного Джиму не оставалось, он был брошен жизнью на волю судьбы, и мы никак не могли его поддержать. Никто, даже конёк-горбунок не трогал меня так, как этот маленький оборвыш, и я думал о нём каждый день.

Вскоре Джим встретил своего старого приятеля, с кем они обитали раньше в сырых лондонских трущобах, и вдруг выяснилось, что товарищ его сделался честным, стал говорить и поступать как честный мальчик, бросил заниматься всякими глупостями и поступил на фабрику, познакомившись там с добрыми людьми. Товарищ заверил Джима, что хоть сейчас и живёт не богато, обитая в рабочей казарме, но зато ему не надо ни от кого прятаться, получая за свой труд заслуженную плату, и он готов помочь Джиму. И Джима обуял стыд, что он ворует, Джим готов был провалиться сквозь землю, и он тут же пообещал себе, что не вернётся к воровскому ремеслу, отчего мы с бабушкой опять обрадовались за него.

Так, постепенно, жизнь маленького оборвыша стала мне очень близкой и родной, я и сам не заметил, как это произошло, до такой степени его мысли слились с моими, и, кажется, все поступки Джима я стал воспринимать как свои. Словом, я полюбил и книжку, и Джима, и часто представлял - как бы повёл себя, окажись на его месте.

Благодаря книжке английского писателя, я в свои пять-шесть лет вдруг осознал, как нужно ценить простую жизнь, и как важно, что ты не одинок, за тебя есть, кому заступиться, и ты сам можешь оказать поддержку тому, кто в этом нуждается. А помог мне в этом разобраться маленький английский мальчишка, жизнь ему чаще всего не улыбалась, но он никогда не унывал и не отчаивался, оставаясь преданным жизни добрым мальчуганом.

- Мал твой маленький оборвыш, - сказала как-то бабушка, - а мудрые пути кажет. За это его Бог бережёт!

ТАЙНА СОВЕРШАЮЩЕГОСЯ ЧУДА

Издали лет будто слышу я бабушкин голос: «Ты отчего закручинился, милый голубь, когда вокруг так много радостного?» И сразу становится легко на душе, как в светлый весенний праздник Пасхи, и я начинаю прыгать от радости. И, действительно, чего печалиться, если рядом бабушка, наступает весна, и повсюду - великая чудесная тайна совершающегося чуда, её страшно хочется раскрыть, что само по себе так захватывающе интересно, и я принимаюсь изучать окружающую жизнь.

Тайна эта необыкновенно притягательна, даже - священна, что-то во всём этом таинстве скрывается? Наверное, Сам неведомый Бог, бабушка часто произносит Его слова, что принадлежат одному Ему. В том мире, говорит она, живём не мы, а наши души, и всякий, рано или поздно, предстанет перед небесами, и очень важно, как ты поступаешь и чем живёшь здесь, на земле, помни об этом. И я помню, я вообще очень послушный, и верю всему, о чём рассказывает бабушка.

А с Богом я пока ни разу, если честно, ни встречался, и непременно думаю увидеться. Но не за тем, чтобы попросить прощения, я ещё ничего худого не совершал, а лишь познакомиться и разузнать у Него обо всём, чего даже бабушка не ведает.

Ведь столько всего вокруг интересного, что просто захватывает дух, и разве тут разобраться самому? Правда, я всё же попытаюсь, потому, как один чудесный день сменяет другой, и потом ещё - много-много раз, а я ничего обо всём этом богатстве и не знаю...

«ПОБЕДА»

Однажды, я тогда ещё был совсем маленький, лет четырёх-пяти, мне необыкновенно повезло: папу пригласил на рыбалку его приятель, Сергей Иванович. Сергей Иванович слыл большим затейником, он постоянно что-нибудь придумывал, по-доброму над всеми подшучивая, и особенно ему нравилось оставаться наедине с детьми: невозможно было предугадать - чего ожидать от него в следующий миг? Сергей Иванович ловко умел прятать в ладони монетку, доставая её у меня из-за шивороты, а потом она у него опять пропадала, и обнаруживал он пропажу в кармане моей рубашки. Но главное, и самое замечательное, чем он обладал: автомобиль!

Когда к нашему дому почти бесшумно подкатила бежевая «Победа» с округлыми формами, полированными ручками на мягко захлопывающихся дверцах и упругими чёрными шинами, кажется, будто просевшими от

радости - только машина остановилась, то я был повержен от всего увиденного. Осторожно прикоснувшись к крылу автомобиля, даже отдернул руку: таким оно показалось горячим от таящейся внутри него силы, и ещё - от припекающего с утра солнышка. В это трудно было поверить!

Обыкновенно я наблюдал машины только на прогулках с бабушкой, издали, замирая от всего увиденного, и подолгу вглядываясь им вслед. Но сейчас автомобиль находился рядом, до него можно было дотронуться, отворить дверцу и усесться на тёплые кожаные сиденья.

И стёкла в дверцах, и песочного цвета внутренняя обивка, и резиновые коврики, - всё внутри автомобиля пахло каким-то особенным уютом, такого запаха я ещё никогда не слышал, и было сладостно притаиться в тиши этого уюта, не похожего ни на какое другое пространство. На улице сверкало солнце, а здесь, между сидений, таились такие же нагретые, как обивка машины, золотые пылинки, и я, глубоко вздохнув, счастливо откинулся на мягкую спинку заднего сидения, откуда вдруг увидел ... руль!

До сих пор, играя дома в водителя автобуса, перевозящего пассажиров, я выстраивал в ряд несколько табуреток, а сам усаживался верхом на венский стул, представляя, будто его изогнутая спинка - и есть то место, где я могу управлять своей жизнью, и ехать туда, куда захочу. И так оно и было, и я безо всяких рычагов уносил себя к своей мечте, то с одной скоростью, то с другой, взлетая и падая, где-то зависая на неопределённое время, но, тем не менее, устремляясь только вперёд. Машинка моя всегда слушалась руля, и особенно мне нравились воображаемые крутые повороты, что я с лихостью преодолеваю.

И вот, я увидел настоящий руль, белого цвета, с плавными выпуклостями и углублениями, чтобы легче было обхватывать его ладонями, крепко сжимая пальцы. Захотелось оказаться рядом с ним, сжав своими маленькими руками, и ехать по-настоящему, но разве такое возможно? Скорей бы уже отправиться в дорогу, чтобы колесить вдоль пшеничных полей, по лесам, к сверкающей на солнце речке. Ведь это целое событие: нас сегодня повезёт «Победа»!

А потом мы, действительно, ехали среди высоких деревьев, по мягкой травяной дорожке, и я представлял, будто на нашей «Победе» каучуковые колёса: до такой степени они были воздушными, мягко отзываясь на любой бугорок и ямку. И так мы ехали, чуть покачиваясь из стороны в сторону, до самой речки, пока автомобиль устало не фыркнул, выпустив из-под колёс душистые облачка пыли, с облегчением вздохнул, и замер.

На такой чудесной машине и дальняя дорога в радость: садись да катись, даже выходить из неё не хотелось, и дядя Серёжа разрешил мне

немножко посидеть на своём водительском месте, отчего я опять почувствовал себя необыкновенно счастливым.

Через нагретое лобовое стекло в салон автомобиля вливался, вместе с радостью, ласковый солнечный свет. Внизу, под горкой, лазоревым зеркальцем таинственно поблескивала речка, конечно, полная усатых пескарей. И меня вдруг охватило какое-то непривычное доселе благостное смирение перед открывающейся жизнью, прелесть переживания её раздольного аромата, этого незабываемого жизненного вкуса, когда хочется впитывать его до капли.

А случилось всё это благодаря папиному другу и его чудесному автомобилю, на котором бы ехал и ехал по нескончаемой дороге познания. Только позже я понял, что знания, приобретённые собственными усилиями и выбором, самые ценные, хоть и не всегда располагают к уюту. Но плодотворнее их ничего не отыщешь.

Всего в жизни можно добиться, было бы желание самому управлять собственной жизнью и быть увлечённым человеком, имея достойную цель и волю. И всё же как приятно было катить на новенькой машине, кажется, только и приспособленной для уютного переноса тебя от одного захватывающего увлечения к другому, когда можно, по своему желанию, увеличить скорость движения, и остановиться там, где захочешь. А если ещё автомобиль имеет такое чудесное название – «Победа», и вовсе необыкновенно обрадуешься случившемуся с тобой счастьем, думая только о убегающей из-под колёс дороге, устремляясь навстречу чему-то неизведанному, но такому манящему.

Слово «машина» - какое-то тяжёлое, услышав его, скорее подумаешь о грузовике, нагруженном зерном или арбузами, от этого низко приседающего к земле, а вот автомобиль «Победа» сразу вызывает в душе улыбку: им непременно хочется обладать. Гладкая обтекаемая форма только придаёт «Победе» ещё большее очарование, отчего и воспринимаешь её легко, воздушно. Вот и название - «победа», порождает в душе только восторженные чувства: ты почему-то веришь, что она тебя не подведёт и подарит много удивительных впечатлений. Победа, конечно, будет за тобой!

ЭТОТ ОГРОМНЫЙ ТАИНСТВЕННЫЙ МИР

Всё в детстве кажется нам каким-то первозданным, раз и навсегда устоявшимся: и окружающие тебя дома, улицы, парки, даже - люди. Всё это

как будто существовало испокон веков, и вот теперь и ты имеешь возможность воспринимать это укоренившееся, кажется, с незапамятных времён жизнеустройство.

Постепенно познавая его, оно представляется твоему воображению загадочным, но удивительно разумным, каким оно, наверное, и должно быть, и ты не спешишь озадачивать взрослых бесчисленными вопросами, желая достичь понимания того, что тебя окружает, самому. Этот мир так богат, что каждый день он с неимоверной быстротой ширится, разрастается, и вскоре оказывается, что у него нет границ, вразумительного ответа о бесконечности его ты для себя не находишь, но от этого интерес к нему не иссякает.

В начале жизни хочется до всего дойти своим путём. Взрослые при этом не то, что не помогают, а даже мешают, их понимание мира часто выходит несогласным с твоим пониманием, да и знают они об этом свете, как ты сразу убеждаешься, далеко не всё, и тебе приходится действовать на свой страх и риск.

Утоляя собственную жажду в ответах, ты не страшишься на этом пути преград, и с нетерпением ждёшь: когда же ты уже повзрослеешь, чтобы охватить весь этот огромный таинственный мир, сделав его по-настоящему своим? Ты готов наполнить себя несметным разнообразием чудесных впечатлений и загадок, устремляясь к тому, что пока заслоняет от тебя первоначальная пора твоей жизни - неповторимое детство, хотя и побуждающее к напряжённой работе над изучением мира, но и просто радостной от предвкушения незабываемых открытий.

Ведь ребёнок жаждет знать о себе и мире как можно больше, его не удовлетворяет безропотное принятие жизни такой, какая она есть, а влекут её тайны, они приковывают к себе всё его внутреннее существо, которое именно в детстве побуждает нас относиться более внимательно к другим, чем к себе. Разлад в жизни человека возникает, когда он отделяет себя от этого устремления, не веря в свою внутреннюю силу, тогда как ему изначально дана свобода выбора, позволяющая использовать свободную волю для выявления причин своего пребывания на земле.

Задумайтесь: как легко ребёнок принимает на себя ответственность за все свои решения и действия, кажущиеся взрослым незначительными, не пытаясь при этом обвинять других людей за свои неудачи и разочарования?! Он обладает всем для того, чтобы принимать именно активное участие в жизни, а не быть ни к чему не стремящимся наблюдателем.

Ребёнок, может быть, ещё и не понимает, но непременно чувствует - зачем он здесь находится, и нахождение это значительно. Он не зря с самых ранних лет обнаруживает в себе чудесные божественные черты, даже не

помышляя создавать какие-либо ограничения на пути самопознания, а наоборот - делает всё для собственного развития, желая быть тем, кто он есть, и если обнаруживает в себе какую-то, только свою истину, то необыкновенно радуется ей.

Находясь один на один с собой, ребёнок не испытывает одиночества, а постоянно разговаривает со своей душой, с тем божественным, что находит в глубине себя, и при этом, конечно, очень любит жизнь. Душа заигрывает с ребёнком, словно поощряя его непременно двигаться дальше, ненавязчиво подсказывая ему, как это интересно, и ребёнок, конечно, принимает эту увлекательную игру, узнавая сердцем своего самого большого друга - самого себя, которого никак нельзя подвести, тем более – предать. И он с удовольствием проявляет собственную свободную волю, невозможную без развития, призванного познавать и открывать, не испытывая никакого разочарования. Расширять своё сознание - вот что самое главное, и угадывая в себе это стремление, маленький человек устремляется к постижению огромного таинственного мира, радостно играя с ним и любя.

ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

В детстве хорошо помню то время, когда я любил играть в солдатики. Очень хотелось иметь оловянных солдатиков, облачённых в разноцветную форму, с оружием в руках. Они, действительно, выглядели бравыми и стойкими, как в сказке.

Когда бабушка прочитала мне сказку про стойкого оловянного солдатика, я невольно позавидовал маленькому мальчику, которому подарили на день рождения двадцать пять таких чудесных оловянных солдатиков. Но более всего мне сразу понравился последний солдатик, что стоял на одной своей ноге также твёрдо, как и другие на двух. Он, действительно, оказался самым замечательным.

Сказка была коротенькая, но мы с бабушкой долго её обсуждали: и про то, как солдатик влюбился в прелестную танцовщицу из картонного дворца, и как ночью все игрушки принялись играть в гости, войну и бал, и как солдатик, не трогаясь с места, любовался танцовщицей, не сводя с неё глаз... Попросту – влюбился в неё.

А когда на часах пробило двенадцать, табакерка щёлкнула, и оттуда появился злой тролль, по милости которого солдатик утром выпал из раскрытого окна на мостовую, его нашли уличные мальчишки, посадили в

бумажную лодочку, и пустили в канаву, откуда вода вынесла его в большой канал, а потом его проглотила рыба. Но рыбу поймали, свезли на рынок, и она попала на кухню, где кухарка распоролла ей брюхо ножом и принесла солдатику в тот самый дом, так что он опять оказался в комнате с чудесным дворцом и прелестной маленькой танцовщицей!

Правда, какой-то глупый мальчик, наверное, по воле злого тролля, схватил солдатику – и швырнул его прямо в печку. Такая же незавидная участь ждала и бумажную танцовщицу, после чего она мгновенно сгорела, а солдатик расплавился, превратившись в маленькое оловянное сердечко.

Очень жаль было и солдатику, и его возлюбленную подружку, и я потом долго воображал себе, что этот оловянный солдатик не погиб, а поселился в нашей с бабушкой комнате, и охраняет нас с ней. Стоит внизу, у ворот, даже под дождём, такой стойкий безропотный страж, потому как иным быть не может. Эта стойкость более всего поражала в солдатику, и мне хотелось быть похожим на него, поражая всех своим несломленным упорством, которое не так-то легко сбить.

В оловянных солдатиках меня всегда привлекал внешний вид, вернее – стать. Вроде бы, маленькая фигурка, с таким же маленьким ружьём, а выглядит по-боевому, так что и самому хочется быть подтянутым, крепким и выносливым.

Стойкость – черта именно оловянного солдатику, так я сразу подумал, когда впервые его увидел. В нём было и упорство, и бесстрашие, кажется, ничто не могло его нарушить. Солдатик воспринимался, как что-то очень надёжное, хотя был неживым, но всё-таки вызывал уважение. Им непременно хотелось обладать, а ещё больше – походить на такого чудесного удалого человечка, совсем маленького, но представляющегося большим.

Правда, таких оловянных солдатиков сложно было достать, и я использовал шахматные фигуры: слоны и ладьи олицетворяли собой офицеров, кони – их боевых лошадей, а пешки – обыкновенных солдатиков. Ферзи в моей игре являлись главнокомандующими, и, соответственно, короли – верховными правителями. Сам же я в этом занимательном занятии, всё чаще, а происходило это как-то непроизвольно, представлял нечто ещё более высшее: того, кто всем правит.

И вот что интересно: постепенно мне необычайно нравилось именно верховодить всей игрой, ощущая себя при этом чуть ли не богом. Правда, я не называл себя им, даже не помышлял серьёзно о существовании какой-то великой силы, но, тем не менее, с глубоким удовлетворением двигал фигурками, как мне хотелось, кого-то – круша, а других – возводя на победный олимп.

Приятно было это осознавать, применяя собственное всемогущество на деле, и в подобном стремлении, скорее всего, проявлялось переживание некоей значимости своей персоны, твоего внутреннего, глубоко скрытого от тебя «я», что незаметно уводило от совсем ещё глупого детства. Наверное, тебе хотелось самому участвовать в жизни, даже – руководить ей, и это, конечно, проявлялось в игре.

Почему это было так важно? Вероятно, по причине неожиданного взросления, когда в один миг вчерашние игры уже не доставляют былого удовольствия.

Тебе вдруг, хоть ты и был ещё мальчишка, хотелось ощущать себя уже более зрелым. Может быть, ответственным за чужие жизни, вернее даже - за свою судьбу, и часто, устав от этой игры, я не мог не чувствовать, что ищу нечто ещё не обрётённое, его очень хотелось в себе отгадать, а помогал мне в этом стойкий оловянный солдатик.

МОЙ МАРЕСЬЕВ

В детстве так выходит, что если ребята кого-то из взрослых и любят, то не слишком удачливых людей, чаще всего - и вовсе несчастливых. Именно по этой причине, наверное, появился в моей жизни бывший военный лётчик, проживающий в нашем доме этажом выше.

Сказать, что этот человек был немногословен, значит, просто оговориться, он никогда и ни с кем вообще не разговаривал, по крайней мере, я этого не видел. Вёл он замкнутый образ жизни, занимая одну маленькую комнату в трёхкомнатной квартире, и, по-видимому, нигде не работал. Об этом можно было судить по тому, что он никогда и никуда не спешил.

Всегда размеренно спускался или поднимался по лестничной клетке, обычно - днём, когда жители подъезда находились на службе, и выходил на улицу, пожалуй, только за одним: лётчик, также неспешно, отправлялся в магазин, за продуктами, и вскоре возвращался. Незаметно было, чтобы кто-либо или что-либо ещё более его занимало.

Почему лётчик? Так говорили о нём родители и соседи, называя не иначе, и будто бы он воевал, и был в плену. Да и после войны жизнь, видимо, не благоволила ему, словом, она у него не задалась. Никто не знал, была ли у лётчика жена и дети, жил он одиноко. Не было даже известно - как его зовут.

А ещё он ходил всегда в кожаном шлеме пилота, несмотря на погоду, не снимая его даже летом. На ногах - неизменные унты, одет в короткое пальто

военного образца, подпоясанный широким ремнём, в руках - авоська с хлебом и консервами, иногда - молоко, и если и покидал свою комнату, выходя во двор, то оставался верным себе: то есть, сохранял величавую неторопливость и спокойствие, можно даже сказать - выдержку. Это, кажется, давалось ему без всякого напряжения.

Весь он был - достоинство и невозмутимость, излучая при этом непоколебимую веру во что-то, чего ещё не изведали другие люди. А он - постиг, и был спокойно горд этим, но, ни капельки, не заносчив. Наоборот, эта вера проявлялась в нём очень просто, как раз, наверное, и не позволяя быть заносчивым: ему ничего не стоило быть самим собой.

Это ощущалось во всём его виде, в каких-то монолитных тяжёлых чертах лица, впрочем, он был даже красив. Широкий лоб, массивный подбородок, и большие чёрные глаза выражали ни тяжесть его характера, а волю, достойно пережитые им испытания, что, конечно, огрубили его душу, но не ожесточили её.

Лётчик ни с кем никогда не здоровался, кому-то лишь чуть кивая головой, но к большинству жителей дома вообще никак не проявлял своего отношения, а вот при встречах со мной всегда чуть улыбался. Я не мог объяснить для себя - почему он это делает, хотя мне было очень приятно сознавать, что такой непоколебимый, гордый человек проявляет ко мне, мальчишке, интерес, какую-то симпатию, и я отчего-то тоже становился в душе гордым от осознания этого простого, казалось бы, обстоятельства.

Мне нравилось встречать этого человека на улице или в подъезде, робко улыбаясь ему в ответ, я очень смущался при этих встречах, порой даже становилось страшновато, и хотелось узнать о нём немножко больше, разгадав его тайну. А ещё лучше, думал я, если бы лётчик сам рассказал мне о своей необычной судьбе, пригласив к себе в гости, в свою одинокую комнату. Не скрою, я мечтал в ней оказаться, чтобы увидеть - как живёт этот загадочный человек.

Прошедший и войну, и концлагерь, и ещё что-то очень страшное, о чём родители не хотели говорить, человек этот завораживал меня своим не похожим ни на кого существованием, и его тайна не давала мне покоя. В воображении своём я даже представлял, что мы с ним подружились, и он доверяет мне все свои секреты. Но что мог противопоставить его расположению я?! Горько было сознавать, что я ещё маленький, и ничего не ведаю о жизни: поскорей бы стать взрослым!

Как-то подспудно часто думалось: даже имея комнату, одиноким человеком ты в ней долго не проживёшь, и, засыпая вечером, я всегда жалел этого лётчика. Правда, отец уверял, что многие люди и такой маленькой

комнаты не имеют, и этому лётчику ещё очень даже повезло, судьба, можно сказать, улыбнулась ему, запальчиво будто уговаривал кого-то отец. Но я всё равно не в силах был избавиться от мысли, что соседу нашему живётся не радостно, и он несёт в своей душе глубоко скрытую печаль и горькие воспоминания.

И я решил совершить для него какое-нибудь доброе дело, и однажды, поджидая лётчика после школы у подъезда, вручил ему на раскрытой ладони кокарду офицера морской авиации, подаренную мне моим дядей, служившим на Дальнем Востоке. Небритое лицо соседа осветилось неловкой улыбкой, похоже, что он не ожидал ничего подобного, тем более - от мальчишки, осторожно взял кокарду негнущимися, но крепкими пальцами, нахмурился, и тихо проговорил: «Вот и меня нашла награда...» А мне вдруг отчего-то стало совестно, и я, чувствуя, как краска заливает лоб и щёки, побежал домой.

При том, что у меня в распоряжении была моя молодость и любимая игра футбол, поездки с отцом в лес и на рыбалку, родные бабушки и общение с ними, школа и большая библиотека деда и отца, но я, всё же, не переставал думать о лётчике, почему-то воспринимая его героем книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке»... В то время мы с бабушкой как раз читали эту книгу, она мне очень нравилась, особенно - Алексей Маресьев, лётчик, оставшийся без ног, но продолжающий летать на боевом самолёте, и когда я встречал нашего соседа, то представлял себе, что это - он.

Я невольно рисовал себе его в образе мужественного лётчика, известного на всю страну, что получил за свой подвиг золотую звезду героя, и мне казалось, что наш сосед тоже имеет замечательные заслуги, о которых просто никто не знает. Сосед выгодно отличался чем-то неуловимым ото всех взрослых, с кем мне приходилось сталкиваться в своей жизни, хотя был безымянным человеком безвестной судьбы. Если бы мы с ним подружились, и я имел возможность бывать у него в гостях, так бы действительно получилось, то думается, из всего этого вышло бы мне большое счастье.

Лётчика давно нет в живых, да и мне уже немало лет, а нет-нет, да вспоминается мне наш двор, и подъезд, и неспешно спускающийся по лестнице грузный человек в кожаном шлеме, которого никто не мог понять, совершенно не зная, но я почему-то не могу его забыть.

ЧЕЧЕВИЦА

Увидал я однажды в бабушкином саду неведомую мне ранее птицу - чечевицу, и очень она мне понравилась. Только о ней я и думал, и до того к этой птице в мыслях привязался, что даже захотелось стать ей. Спросите, отчего такое случилось, и я отвечу: это была загадочная птица, не похожая на тех, что обитали в нашем саду и летом, и осенью, и даже зимой.

А ещё я увидел в ней то, чего в других птицах не было - она говорила человеческим голосом! Меня сразу поразила её необыкновенная песенка, вернее даже - позывка, что она подавала неизвестно кому, какому-то «Вите»: «Витю - видел?», Витю - видел?», « Витю - видел?». И с тех пор стал я внимательно наблюдать за этой птицей, когда она появлялась в нашем огороде.

Даже название птицы околдовывало: «че-че-ви-ц-а»! Как будто какое-то волшебное существо из неизвестной всем сказки прилетело в наш сад и озарило его своим нежным малиновым светом, а когда из клювика птицы разносились чудесные мелодии, то просто замирало в груди сердце. Больше всего завораживало это её беспокойное обращение, словно неведомый человечек заботливо спрашивает у такого же невидимого и загадочного друга о каком-то «Вите», будто ему без него ни за что не обойтись: »Витю видел?» Что за удивительная птица...

В звуках её песни я слышал именно неподдельное удивление, будто бы птица эта искренне недоумевает отчего-то, и неутомимо пытается разгадать неразрешимую для себя загадку, впрочем, не обременительную для неё, а скорее - радостную. Она просто живёт этим незатейливым устремлением, никому особо не докучая, и при этом - чудным образом его распевает, так что можно было её песенкой заслушаться. Трепетно, с присущей только чечевице проникновенной нежностью, выводила она свои трогательные нотки, так что хотелось внимать им бесконечно.

Любезна была чечевица моему детскому сердцу не только необычным голосом и яркой раскраской, а именно нежностью какой-то необыкновенной, и своей птичьей тайной, что хотелось разгадать: откуда взялась в нашем саду такая ласковая красавица, какую загадку с собой принесла? По душе мне пришлась эта птица, и возмечтал я о её неведомой жизни. Уж больно не похожа была чечевица на иных птиц: вроде, как не их племени, а всё же - птица.

Запоёт, бывало, удивительная птица поутру, и сердце радостно встрепенётся: посетило нас с бабушкой настоящее божественное явление,

чистая благодать! Присядешь тихонько на корточки, под яблонькой, и слушаешь, как она тоненько заводит свою птичью просьбу, словно пронзая воздух трогательными нитями волшебной мелодии: «Уить, уить, уить, Витю видел?!» И ты, как в сказочном сне, забываешь обо всём, веря, что птица, действительно, кого-то ищет, а найти никак не может, и хочется помочь ей в этом.

Чувствуешь, что около тебя, в родном бабушкином саду, притаилась какая-то восхитительная и, в тоже время, простая жизнь, и она знает о твоём существовании, неясно двигается от дерева к дереву, как сон, и ласково становится на душе от её еле уловимого присутствия, а земля под ногами будто оживает, такая близкая, родная. Слышишь, как она дышит, хочется и её тайну разгадать, зреющую в самой глубине, и ты проникаешься её родимым теплом, видишь, как благотворно она распахивает свои объятия навстречу всему живому, и всё это ты переживаешь благодаря маленькой птице чечевица. Так, окрылившая мою душу, птица эта стала мне тоже родной. Разве не чудо?!

Слушая чечевицу, я будто забываю обо всех своих играх, и чудится мне, что будто бы это уже не она, а моё сердце изливает солнечную радость. Радость, что струится над землёй, как и её песня, и кажется, что скоро всё под солнцем растает, и потечёт цветочным густым потоком к небесам, украшая не только землю, но и воздух, и небо. Что за волшебство, и это ли не праздник?!

И вдруг почуял я тогда, в свои семь-восемь лет, как важно то, что ты сам видишь: не то, как смотрят на тебя люди, а как ты отличаешь во всём свет, и этим светом вокруг светишь, угадывая в окружающей жизни только добро. Вериться тогда начинает, что всё в жизни можешь сам устроить, и до всего прийти, если трепетно ко всему относиться, честно.

И тогда все твои мечтания - тоже как дети: вольны и прекрасны душой, ничего не опасаются, смело заглядывая за горизонт своей только начавшейся жизни, все они подобны божественному светлому лику. Хочется и тем из них побыть, и этим, а в того и вовсе можно влюбиться, голову за ним потеряв, и ведь так и надобно - именно с любовью отдавшись делу своей жизни, позабыв в сердце все страхи, незаметно поднимая себя на высоту чудесного божества. От всего этого более ясной становится душа, как земля после первой весенней грозы, и хочется самому источать вокруг такую же чистоту, быть безоблачным и вольным, как прекрасная птица чечевица.

А чечевица ровно из воздуха слова своей чистой песенки ловит, и всё поёт, не прерываясь, поёт, поёт. Так же чисто и на душе становится, покойно, хоть ты ещё и маленький, а всё же утверждается в тебе, благодаря птице,

нечто очень цельное, без чего прожить невозможно. Что же это, если не правда, угодная не только Богу, но и людям?!

И правда эта такова: каждый человек должен подняться над собой, внимательно осмотрев свою жизнь, чтобы двигаться дальше, к Господнему престолу, воплощая все мечты о добре и справедливости, как это делает маленькая птица, взмывая со своей чистой песенкой в блаженные небеса, и воцаряется повсюду всеми желаемое благо. Да будет так!

Кем только не мечтал я быть в детстве...Видел себя и путешественником, и футбольным судьёй, и объездчиком лошадей, и цирковым гонщиком на мотоцикле, и во всяком представляемом образе воображал себя, как будто, на своём месте, самым собой. Только никак не мог определить - к чему более всего лежит моя душа, именно к этому ли делу я приспособлен?

Не хотел я быть лишь звездой в холодном небе. Звёзды мне казались слишком далёкими и недостижимыми, там, наверное, было бы скучно без цветов и бабочек, солнца и деревенского пруда с карасями, бабушки и нашего сада с незабываемой птицей чечевица, что разговаривает человеческим голосом.

Мир воспринимался мною как чудесное существование, где можно было жить и себе и другим на радость. Понимать в ту пору я, конечно, многого не мог, детские разумения только в зрелые годы для человека доступны, когда к нему мудрость приходит, и он начинает Бога в себе любить. Так сохраняйте детство в своей душе, ибо в нём - божественная истина, как в пении птицы, пусть это будет чечевица!

Даже сейчас слышу я бабушкины наставительные слова, будто она в то время, как я вернулся из сада, почувствовала меня:

- Будь сильным и никого не бойся, смотри прямо вдаль, мечтай и осуществляй свои мечты. Но при этом бескорыстно поклоняйся Богу, хотя и нечего тебе просить у Него: только благодари за подаренную возможность жить, познавая себя и окружающий мир, радуйся всему и люби.

Не Богово это дело помогать во всём людям, сами они о своей жизни разуместь должны, на то им существование и дадено, и жизнь - это радостная отдача всего себя только Богу, не забывай эту священную истину, чтобы лишнее горе в сердце не нести. Близок ты Богу - и уже в этом великое счастье, тихий радостный праздник души, возносящейся за облака, где обитают небесные птицы. Лети с ними к Богу, и да пребудет в твоей душе божественный свет.

ЦЕННОСТЬ ЖИЗНИ

Ценность жизни заключена в ней самой, это – аксиома. Важно только - как ты ей распорядишься, и если все твои поиски были сопряжены с познанием себя и окружающей жизни, то жизнь оказывается действительно ценной. Когда же вы не задумываетесь о раскрытии своего внутреннего мира, его взаимосвязи с Существованием, - она не стоит и гроша.

Конечно, вас совершенно резонно попросят подтвердить ценность жизни, если вы твёрдо намерились идти по пути проникновения в собственную внутреннюю природу, доказав её ценность для всего мира, и тогда вам ничего не останется, как стать счастливым. Стать им, чтобы подтвердить целостность и красоту жизни, её зачаровывающую глубину, в противном случае - вы неудачник, не воспользовавшийся скрытыми в себе возможностями, заложенными Богом.

Вы уже догадываетесь, почему жизнь по-настоящему ценна? Да, она несёт в себе чудесные прикосновения Господа, а потому уже не может быть неинтересной, недостойной вашего внимания, и если вы проявили к ней заслуженный интерес, жизнь эта озарит ваше присутствие в ней незабываемыми впечатлениями, она наполнит вас божественной энергией, которую вы должны будете умножить. Это - в ваших силах, и в этом ещё одно свидетельство того, что жизнь необыкновенно ценна и интересна, если вы однажды не спасовали перед ней. Тогда возможности её поражают воображение, они - безграничны, также как и ваше счастье, и радость, и нескончаемая любовь.

Любовь, в первую очередь, к Богу, и, конечно, к самому себе, потому что в основе своей вы божественно волшебны, и как же важно разглядеть это волшебство, несомненно, приумножив его. Так разглядите в себе эту божественную жизнь, даровав ей достойное продолжение и развитие, и она щедро рассыплет перед вами свои бесконечные алмазы. И тогда вы не зададитесь бесполезным вопросом - в чём её ценность, ибо жизнь ценна своим божественным существованием, с возможностью самому становиться богом: разве это не достойно, и не интересно?!

Так не утрачивайте самого себя, собственную, присущую только вам ценность, чтобы и Вселенная, в вашем лице, не переживала сознание безвозвратной утери, привнесите в жизнь свою неповторимую красоту, и жизнь станет, поверьте, ещё прекраснее. А начинается эта интересная, захватывающая дух жизнь именно с детства, и ребёнок не может этого не чувствовать, и потому не потеряйте в себе драгоценную возможность быть

настоящим, не разочаровывая нашего Создателя. Ведь жизнь имеет цену не только для вас, хотя вы и определяете её меру, но и для всего Существования!

МИЛОЕ ЗВЕРЬЁ

Один на один с Господом Богом человек чаще всего остаётся только в детстве, когда Бог ещё заботится о крохе, не давая его никому в обиду, и именно поэтому, должно быть, ребёнку тоже приходит на ум завести себе друга, чтобы за ним можно было ухаживать. Этим другом обычно становится какое-нибудь милое зверьё - щенок, котёнок или хомячок, может быть, даже черепашка, на худой конец - чиж или щегол, несмотря на то, что постоянно находятся в клетке, но вот я завёл себе однажды настоящего ежа!

Долго я до этого вымаливал у бабушки купить мне какую-либо ловкую, красивую птичку, чтобы кормить её и поить, слушая песенки, какие обычно птички распевают весь день. Так у нас в доме появилась пара волнистых попугайчиков, вскоре выпорхнувших в распахнутое окно, а в клетке, что я позабыл запереть, от них осталось лишь одно голубенькое пёрышко.

Перо как перо, подумалось мне, всякая птица им красуется, но как-то грустно стало без этих живых существ, с гладенькими хохлатыми головками. О них приятно было заботиться, я даже успел к ним привязаться, и я вдруг решил, что было бы здорово занять теперь аквариум с рыбками.

Чтобы на дне в нём красовались разноцветные камешки с ракушками, росли изумрудные водоросли, и можно было бы наблюдать за подводной жизнью каких-нибудь диковинных рыб. Я представлял себе, как какие-то неясные миры передвигаются передо мной, кружатся пёстрым колесом, одурманивая воцарившейся под водой тишиной, и сказочные рыбки, выплывая из своих потаённых каменных укрытий, отражают мои неясные мечты.

И действительно, как только на моём письменном столе появился аквариум, время будто замирало рядом, и я погружался в чарующий мир подводного царства, где рыбкам, кажется, было одно раздолье: такое, наверное, что они и песенку бы спели, когда бы голос был! Быть может, наиболее поразительной особенностью этого аквариума было то, что всё в нём производило впечатление необычайной лёгкости, и когда я приходил со школы, усаживаясь напротив него, то забывал обо всём.

Даже каменные украшения на дне, какими бы тяжёлыми они ни были в действительности, имели воздушный вид. Ощущение лёгкости передавалось и мне, и я начинал чувствовать себя ещё более живым, так что хотелось и самому очутиться там, среди чудесных рыб, не представляя себя без мира воды.

Додумался я как-то даже обзавестись белой мышью, бабушка принесла мне её из зоологического магазина в картонной коробке из-под обуви. Правда, мышь вскоре куда-то пропала, присоединившись, наверное, к своим серым собратьям. Мы всей семьёй искали её, но безуспешно: мышка нашплатки свою щелочку и ускользнула. Худа та мышь, что только одну лазейку знает!

Была у меня и черепаха Машка, что жила в ворохе газет, в тёмной кладовке, но очень любила гулять, ела красный клевер и одуванчики, пила молоко. На зиму она забиралась в старый бабушкин валенок, так что мы и забывали о её существовании, но по весне черепашка выползала на свет божий, радуясь вместе с нами солнечному теплу и свежей травке.

Когда мне исполнилось девять лет, дедушке подвернулся на покосе юркий ужик, и он решил показать его нам с бабушкой, засунув ужа за пазуху. Ужи любят тепло, и ужику, наверное, было уютно в дедушкиной поддёвке, а я от радости не знал, что с ним делать, и, полюбовавшись на симпатичную змейку, мы с бабушкой в тот же день отпустили её на болото, неподалёку от деревни.

А ещё у деда, всегда связанного с лесом, поселился в доме поползень Митя, он стал для всех нас совершенно ручным, как мышка тихонечко шастая по столу в поисках обронённых хлебных крошек, или вниз головой ловко пробираясь по стволу дерева, отчего я, наверное, и прозвал его «поползук».

Но больше всего Митя любил сливочное масло, склёвывая его прямо с рук или даже губ, забирался в рукава и карманы одежды, подолгу разыскивая что-то в волосах на голове. У всякой птички - свои замашки!

Привязанность птички к нам стала такой привычной, что незаметно переросла в любовь, и этот поползень прожил в лесном доме деда целый год. Я любил поиграть с забавной птичкой, спрятав от неё семечки по самым укромным местам, но смышлённый поползень всё равно отыскивал их. Невелика птица поползень, не всегда приметна, а сколько радости приносил он в наш дом!

Отправившись однажды по грибы, дедушка мой набрёл на поляну, усыпанную крепкими боровиками. Сначала он наполнял корзину, не выпуская её из рук, и только когда она стала достаточно тяжела, опустил на

землю. Из всех существующих забав более всего он предпочитал грибную охоту, и своей страсти всегда отдавался с удовольствием, не спеша. Вот и тогда, тщательно осмотрев всю опушку и нарезав целую рубаху белых, он вернулся к корзине, и, к немалому удивлению, обнаружил в ней... зайца.

Заяц был большой, серый, в светло-коричневых подпалинах, и его красный нос размеренно двигался во все стороны и изредка вздрагивал. Грибы заполняли корзину уже на добрую половину, но это не помешало зайцу забраться в неё и замереть, как будто бы он обнаружил ямку для укрытия или просто присел под ёлочкой отдохнуть.

Плотно прижав к спине уши, он продолжал сидеть так, даже когда человек остановился с ним рядом, и, кажется, совсем не собирался убегать. Пришлось перевернуть корзину и пугнуть зайца, громко хлопнув в ладоши, но зверёк и после этого остался на месте и только покосил коричневым глазом, как бы недоумевая: чем он помешал? И дедушка прихватил косого с собой.

Заяц жил у нас за печкой, в большой картонной коробке, и если кто приходил к нам в гости, то очень ему удивлялся. Заяц, обычно, какое-то время не хотел выходить, лишь изредка из-за печки доносилась его возня, но вскоре он покидал своё укрытие, и, поводя розоватым носом, ковылял к середине избы.

Все сидели и, молча, наблюдали, чего заяц предпримет, а он вдруг вставал на задние лапы, опершись передними о чьё-либо колено, и взглядывал человеку в лицо. Сказать, что это был забавный пушистый зверёк, каким мы знаем его из русских народных сказок, было бы неверным. Честно признаться, человеку, напротив которого замирал заяц, становилось порой просто не по себе.

Тупой, застывший взгляд зайца неожиданно обозначал в нём какую-то необъяснимую темноту, и вынуждал смотреть на него с опаской, после чего во мне уже не оставалось того безотчётного благодушия, с которым я совсем недавно воспринимал зверька. Душа зайца вдруг становилась мне непонятна, загадочна, да и сам зверь уже не вызывал того чувства восторга, что охватывал раньше. В моём представлении заяц представлял каким-то иным существом, дотоле неизведанным, и в один миг терял в моём воображении с малых лет укоренившиеся черты милого зайки, которого незаслуженно обижают все, кому не лень, и он приобрёл в своём образе нечто неизъяснимое, что скорее пугало, нежели веселило.

К тому же, отвратный запах тоже не шёл зверьку на пользу, поскольку в народной молве он снискал себе славу хорошо всем известного заюшки-горностаюшки в уютной пушистой шубке, вычищенной снежком и морозом.

Но на деле заяц оставлял после себя непереносимый дух, отчего в скором времени потерял всякую привлекательность, и как бы хорошо мы к нему не относились, от него пришлось отказаться.

Зайцу хорошо в лесу, где он обретает своё лицо и всем понятен, но вот рядом с людьми он начинает казаться им нечистоплотным, каким-то непривлекательным колченогим существом. И нам пришлось избавиться от зайца, отпустив его обратно, в родной лес.

А ёжика мы поймали с бабушкой по весне, когда собирали пестики, молодые побеги полевого хвоща. Мясистые и сочные «шишечки» побегов мы срезали в корзинку, и потом раскладывали в тени под навесом, чтобы они хорошенько высохли, после чего бабушка пекла из них вкусные пирожки.

К своим десяти годам я уже не раз слышал и читал с бабушкой истории про ежей, которые жили у кого-то в городской квартире или на даче, и всегда из этих рассказов узнавал что-то интересное о забавных зверьках. Но самому мне никогда не приходилось встречать их в лесу, и уж тем более - ловить.

Как это часто бывает, самое интересное и радостное приходит к тебе в жизни неожиданно, и когда мы с бабушкой оказались на светлой полянке неподалёку от деревни, собирая пестики, то вдруг услышали, как кто-то шуршит в пожухлой траве у самой опушки. Пригляделись - ёжик бежит, такой маленький, что даже непонятно: как он пережил суровую зиму?!

Носик булавочкой, иголочки серовато-белые, на вид, кажется, ещё совсем мягкие, правда, я не успел к ним притронуться. Ёжик, заметив нас, тут же юркнул под корни старой ели, зарылся с головой в сухие листья и замер, а кругленькая попка наружу торчит. Думает, мы его не видим!

Смешно нам стало, но про себя я думаю: как же он перезимовал в такой маленькой норке? Бабушка объясняет, что ёж хоть и умный зверёк, а обустроивает свою жизнь очень просто: выбрав место для спячки, утепляет его осенней листвой и ложится тут же, если ему всё это понравилось. Ничто не мешает ему уснуть в наступающем на лес покое.

Правда, трудно вообразить, как в таком крохотном обиталище умещаются все его запасы - грибы и яблоки, что он натывает на свои иголки? Бабушка улыбается: нет у ежа никаких запасов, и закопавшись в листья, он спит беспробудно всю зиму.

Обнаружив в лесу ежа, всегда хочется его потрогать и подержать в руках, несмотря на острые иголки, но голыми руками ежа не ухватишь! Ёжик от такого прикосновения очень мило хрюкает и закрывается с головой ещё глубже, растопырив иголки во все стороны. Больше уж после этого не станешь беспокоить зверька, а только представляешь, как он рассердился.

Но раз нам с бабушкой выпадает такая возможность подержать зверька рядом хотя бы день, и проверить - какой он на самом деле, то мы решаем взять ежа с собой. Я, конечно, в восторге, потому как чувствую себя его обладателем!

И вот, несём ежа домой, в корзинке вместе с пестиками, а я опять думаю: этот ёжик совсем маленький, родившийся, по-видимому, в прошлом году, и всё равно благополучно перезимовал, остался цел и невредим. Свернулся в клубок на дне корзинки и в ус не дует, а ведь могло этого и не быть. Я смотрю на бабушку и радуюсь вместе с ней тому, что всё так удачно сложилось: мы всегда любили лес, его тайны, и он ответил нам своей улыбкой.

Дома мы первым делом вынули ежа из корзинки и посадили на стол: ёж не подавал никаких признаков жизни. Он и в самом деле казался неживым, но когда я осторожно дотронулся до него, вдруг сжался и глухо, отрывисто туркнул: «тук». Затем опять, ещё более сердито: «тук-тук, тук». Бабушка налила в тарелку молока, покрошила туда хлеба, но ёжик долгое время никак не проявлял себя.

Отойдя за шкаф, в угол, мы стали наблюдать за ним, и скоро ёж пошевелился. Слегка разжавшись и высунув блестящий носик, он сначала робко принюхался, а в следующий момент уже оказался рядом с тарелкой, накинувшись на неё, точно на соперника. Тарелка прыгала по столу, как лягушка, ёж же только озабоченно фыркал, неистово подталкивая её к самому краю, и, наконец, сбросил на пол, после чего вновь сжался в колючий комок и возбуждённо затуркал. Весь его вид говорил о том, что он вполне здоров и полон сил.

Бабушка опять подлила ему молока, спустив на пол, и ёж, уже ничего не пугаясь, вновь подбежал к угощению и продолжил лакать так жадно, что сначала залез в тарелку передними лапками, вскоре у него очутился в ней животик, а затем он и весь там оказался, вызвав у нас неописуемый восторг. Наевшись, ёжик уснул прямо в тарелке, и не просыпался до самого вечера.

Когда в доме все улеглись, ёжик принялся обследовать каждый угол, при этом озабоченно фыркал и беспрестанно цокал по полу коготками, никому не давая сомкнуть глаз. Забрался в шкаф, побывал под диваном и кроватями, перевернул в кладовке старые газеты, а под самое утро облюбовал бабушкины тапочки, куда и наделал.

Наутро мы обнаружили по всему дому множество холмиков, причём, помёт у ежа оказался такой едкий, что мы полдня оттирали тёмно-зелёные разводы, благодаря его растительному корму, и было решено избавиться от

зверька, как и от зайца. Ёж, конечно, выглядел очень мило, но соседство с ним создавало немало хлопот, и лучше было отправить его обратно в лес.

Перед тем, как отпустить ежа, мы с бабушкой посадили его на пенёк и ещё раз внимательно рассмотрели. Ёжик озорно поблескивал чёрненькими глазками, и на всё, что с ним делали, реагировал спокойно. На прощанье я взял ежа в руки, а ёжик даже не свернулся в клубочек, как он это всегда делает.

Он только туркал, вздрагивал иголочками, наверное, от возбуждения, и выглядел при этом очень забавным. Когда говорят: «Отойди, ёж, на тебе тулуп не хорош», - это, скорее, относится к колючему, неуживчивому человеку, нежели к такому замечательному зверьку, как ёжик!

Вот какое зверьё обитало у нас в доме. Я ещё не упомянул снегирей и чечёток в кубарях, что мы ловили с мальчишками прямо в бабушкином саду. И, конечно, нашего петуха, дедушкину корову Зорьку и ирландского сеттера Джоя. А ещё - бесчисленных котов, неизменно сменяющих в доме один другого, и даже козла Борьку, что то и дело норовил поддеть меня рогами, и со всеми из них я старался быть дружен.

Эти забавные существа удивительно трогали моё сердце, и я с удовольствием заботился о них, в каждом находя верного друга. Больше той любви, что я испытывал к своим меньшим братьям, я не испытывал никогда: кажется, рад был им больше, чем самому себе.

Ведь в друге родном и себя любишь, потому как дружно не грузно, а врозь - хоть брось. В дружбе - правда, часто говаривала бабушка, и какову дружбу заведёшь, такову и жизнь проведёшь, а если час в добре пробудёшь, то всё горе забудёшь. В ком добра нет, в том и правды мало!

Я же с детства переживал большую привязанность и к зверям, и к птицам, обнаруживая в них самых близких для себя существ. Это доброе братство было для меня милее любого богатства, и в привязанности к милому зверью я, наверное, обнаруживал стремление постигать их волю к жизни, через неё отгадывая и свою.

БОЖЬЕ ДЕРЕВЦЕ

Детство отличается от жизни взрослых одним очень важным обстоятельством: в его объятиях ты делаешь то, что хочешь. Досыта, помню, обременял я себя разного рода играми, выпивая испытываемое при этом удовольствие до капли. Никогда мне не было с собой скучно.

Оставаясь дома один, я полностью погружал себя в какую-либо игру, разговаривая с её героями откровенно и просто, как если бы они, действительно, находились рядом. И так - целыми часами.

Я умел у них всё так правдоподобно расспрашивать, и сам себе обо всём происходящем рассказывать, что мне было очень весело. Глядя на меня, могло создаться впечатление, что я в своей жизни много повидал, немало вытерпел, и вся эта придумываемая мной действительность представлялась любопытнее книжек. Даже самые любимые из книжек, по описываемому в них сюжету, не шли в сравнение с моей способностью увлекаться придуманной игрою, и мне с большим сожалением приходилось оставлять её, когда бабушка или мама приглашали меня к столу.

Не хотелось ни на секунду отказываться от придуманного мира, оставлять его, но я вынужден был повиноваться. За обедом же с нетерпением ожидал возможности вновь обратить всё внимание на затеянное увлечение, до такой степени оно меня захватывало. Мечталось всё на свете узнать, самому увидеть, и научиться делать, представляя себя тем, во что я играл. Моё восхищение окружающей жизнью росло с каждым днём.

Особенно возбуждало моё любопытство подводное царство. Совершенно неизведанное, о его существовании, казалось бы, я и понятия не мог иметь, но оно, тем не менее, всплывало во мне из каких-то неизбывных таинственных глубин, и я был уверен - они существуют. А что самое любопытное - эти неведомые глубины уже были известны мне!

Наполнив таз водою, я усаживался возле него на пол, и погружался мысленно в неотступно притягивающую неизведанность, между тем, очень близкую мне, даже - дорогую. Если сейчас задуматься, то я играл тогда, в своём семилетнем возрасте в то, о чём и не ведал! Как такое могло произойти?

Ответ однозначен: подобное уже случалось со мной когда-то, то есть - причащение к подводной стихии. Правда, в ином измерении, вернее - в одной из моих предыдущих жизней. Но это было, оставаясь главным в том моём воплощении, и, вероятно, не могло не проявить себя в моём настоящем.

Это подводное царство затмевало собой все остальные увлечения детства. Что там увеличительное стёклышко для разведения костров, воздушный змей или подаренная бабушкой машинка с настоящими резиновыми колёсиками и открывающейся дверцей?! Подводное таинство притягивало сильнее всего, его загадка просто повелевала всеми моими устремлениями, словом, царствовало надо мной! У него, наверное, есть свой таинственный правитель, думал я, без которого этому царству не быть: ведь кто-то создал этот удивительный мир, наполнил его непередаваемыми по

красоте красками и обитателями, совершенно занявшими всё моё воображение?!

Тазик, конечно, был неглубокий, в нём бабушка обычно стирала бельё или под осень давила нарезанную капусту. Но для меня в семь лет было и такого водного пространства в достатке, и я представлял его себе не иначе, как морем: со своей бездонной пучиной, неведомыми чудищами и непостижимой тайной, что непременно хотелось постичь. Воображаемая мною глубина была почему-то любима, и не покидало желание погружаться в неё всё глубже и глубже.

Вылепленные из пластилина стены полуразрушенного старинного города, укромные пещеры и затонувшие корабли оживляли дно моего воображаемого моря. Вот уж где можно было разойтись безудержным мальчишеским фантазиям! Я как будто не замечал, что берега у моря - железные, вода в тазу - не синяя, а прозрачная, да ещё - и не солёная, но так хотелось проникнуть в подводные тайны, оказаться там своим, всё понимающим и неустрашимым!

Мои пластилиновые человечки опускались на дно - и словно растворялись там, проникаясь охватившей их стихией. Для меня они были исследователями того, что непременно следовало постигнуть, и я мысленно погружался вместе с ними под воду, пытаюсь раскрыть чудесные загадки. Представляя, как это может быть на самом деле, я верил, что когда-нибудь море обнимет меня, и я позабуду себя в его могучих объятиях, и стану тем, кем и должен быть.

И так, постепенно и незаметно, росло моё древо неиссякаемого интереса к жизни, преисполненное любви и радости. Хотелось поскорее отгадать в себе неискоренимое ничем знание, что и ты всегда можешь прикоснуться к этой очаровывающей мощи Вселенной, и она находится в тебе!

Её маленький, пока неприметный никому огонёк сознания присущ каждому человеку, и каждый способен почувствовать чудесную божественность мира, возвращая своё «божье деревце». Деревце любви и самозабвенного преклонения перед этим волшебным миром, способное вырасти когда-нибудь в чудесного великана, от которого родится добрый плод. Так восстаньте, во всей своей полноте, дремучие добрые силы, пребывайте в веках, и да поможет вам на этом пути Божественное Существование!

СНЕГУРКИ

Уже одетый в шубку, перевязанную шарфом, я сижу в коридоре, на маленьком стульчаке, и жду, когда папа закрепит на моих валенках «снегурки». Мне ужасно жарко, на лбу, из-под шапки, выступает пот, но я терпеливо перемогаю эту непростую процедуру. Ведь совсем скоро я выйду из подъезда, и покачу во весь дух по искрящемуся снегу: ничто мне не помешает!

Но прежде, чем оказаться на улице, нужно ещё спуститься с третьего этажа, преодолев лестничную клетку. Коньки безумно гремят по ступенькам, отчего в подъезде - невероятный шум, и волнение моё ещё больше возрастает.

Шапка сползает мне на глаза, а варежки, что болтаются на резинках из рукавов, кажется, совсем ненужные, только заплетаются в ногах. Скорей бы на свежий воздух, где сверкает солнце, а дыхание перехватывает от мороза. И вот - желанный хруст снега и льда, сбивчивое от волнения дыхание, и режущий звук настоящих коньков: какое счастье!

Тает морозный январский день, над разлёгшимися пухлыми снегами повисла мягкая сиреневая дымка, а я выхожу во двор на прикрученных к валенкам снегурках. Иметь снегурки – несравнимая ни с чем радость, я давно мечтал о них, и вот, такие маленькие аккуратные коньки красуются на моих ногах.

На какой-то миг даже становится жалко, что я не могу полюбоваться на себя со стороны, чтобы увидеть, как они ловко прилажены к валеночкам. Валеночки у меня серенькие, а снегурки – серебристые, отчего на душе опять становится радостно.

И я – радуюсь! Снегурки – это чудесные, сверкающие хромом коньки для малышей, с изящно закруглёнными вверх носочками, отчего они не цепляются за лёд. Чтобы снегурки крепко держались на валенках, их не только привязывают к ним верёвочками, но для лучшей затяжки ещё используют специально выстроганные маленькие палочки. Само слово «снегурки» произносить очень приятно, от этого даже поднимается настроение.

Для верности, чтобы крепление не ослабевало, папа, конечно, тоже приспособил мне к верёвочкам коротенькие палочки, притягивающие эти самые верёвочки к валенкам плотно-плотно, так что ноги поначалу немеют и начинают быстро затекать. Но возвращаться домой - нет никакого резона, иначе и вовсе не успеешь опробовать новые коньки. Скоро стемнеет, и я,

сжав зубы, режу острыми снегурками стылый глянцевоый снег: мне впервые выдалось счастье покататься на коньках, подаренных на день рождения!

А вокруг - будто все обрадовались этому замечательному событию. Вороны с угольными головами, то и дело, подлетают, чуть ли не вплотную, словно пытаюсь рассмотреть - что это у меня на ногах. Вездесущие сороки тоже не оставляют без внимания мои неверные передвижения, но держатся чуть поодаль от ворон, остерегаясь, кажется, более их, чем меня. Юркие же воробьи, никого не боясь, порхают рядом и возбуждённо чирикают.

Очевидно, что для всех птиц я заключаю в себе какую-то тайну, и они пытаются разгадать её. Для чего-то им это нужно!

Но как тут можно что-то скрывать, если снегурки сами за себя всё говорят? Это худое дело всегда таится, доброе же – сразу правду рассказывает: оно для всего света открыто! И снегурки – такое дивное изобретение, что показать себя поскорее норовят, а главное – обрадовать! Весело им: всю весну, лето и осень они провисели в старом чулане, а теперь – их пора!

Бабушка рассказала мне, что «снегурками» детские коньки прозвали так потому, что они скользят не только по льду застывших речек и прудов, но и по утрамбованному снегу. Даже гусь скользит по гладкому льду, а ты на коньках – тем более, авось не расшибёшься. И коньки мчат меня вперёд, словно два конька-горбунка!

Ресницы – в пушистом инее, руки заледенели, а ног я вообще не чувствую – так их верёвочки крепёжные перетянули, но на сердце – отрада. И хоть я временами спотыкаюсь и падаю, но чувству восхищения от происходящего нет предела.

Даже хищных тигров в цирке укрощают, неужели мне с обычными коньками не сладить, пусть они меня порой и не слушаются? И я пытаюсь укротить непослушные снегурки, что, неожиданно, то подворачиваются под ногами и устремляются раньше меня вперёд, то запинаятся на ровном месте, хотя у них носки и загнуты кверху, и я бухаюсь носом в снег, больно отбивая себе колени... Снегурки, пока, не даются мне, но я не намерен сдаваться!

ВО ВЕСЬ ДУХ!

Забавно поутру, за чаем, смотреться в вычищенный до блеска самовар, наблюдая, как щёки с ушами расплываются в стороны, нос становится расплющенный, как картошка, а губы с подбородком утекают куда-то вниз, в блюдце, из которого над столом поднимается душистый пар...

Окна в комнате постепенно запотевают, и только слышно, как на улице перелетают, изредка переговариваясь, птицы, а из растапливаемой бабушкой печки кто-то будто прогудит басом: «Одевайся теплее, да ступай на двор!»

На дворе мороз тотчас вцепляется в уши и щёки, отчего на глазах выступают слёзы, и мысли растерянно прыгают в голове, так что не знаешь - к чему приступить. Начнёшь, было, перепрыгивать на одной ноге со ступеньки на ступеньку, но скоро бросишь, и, прижмурившись, уставишься на красноватое солнце, будто застрявшее в слоистых облаках.

Заиндевевшие веточки вишни тоже отливают красноватым матовым блеском, розоватые расплывчатые тени растекаются возле крыльца по пушистому искрящемуся снегу, и он из белого незаметно превращается в жёлтый, оранжевый, и даже - зелёный. И птицы куда-то исчезли, вокруг стало необыкновенно тихо, слышно только, как скрипя валенками, прошёл мимо ворот прохожий.

- Чем же заняться? - невольно спрашиваю я у себя, взглядывая на взъерошенную ворону, что уселась, напротив, на заборе. Видно, что ей тоже некуда приютить себя. Становится немножко грустно.

Может, лучше вернуться в гостиную и рассмотреть большую книгу про животных, оставленную со вчерашнего вечера на столе? Или пройти по саду, под укутанными в снежный пух деревьями, отряхивая его с замороженных ветвей?

На днях мы с бабушкой обкидывали снегом молодые яблоньки, утепляя их до весны, и бабушка вручила мне для этого аккуратную деревянную лопаточку, как раз под мой рост. Нагрести под деревца морозный сухой снежок - одно удовольствие, но сегодня перекидывать его почему-то совсем не хочется, и я только похлопываю одним валеночком о другой.

- Что же всё-таки придумать?

Подняв застывшую яблоневую палочку, я иду вдоль забора, издавая ею непрекращающийся гулкий звук, отчего ворона ещё более нахохлилась, поджалась, и, недовольно гаркнув, улетела.

Солнце, между тем, из красного превратилось в малиновое, и снег по всему двору приобрёл синий, даже фиолетовый оттенок... Вот и окна в доме зажглись розовато-оранжевым теплом, и мне почему-то становится весело... Нужно взять ледянку и идти, скорее, кататься с горки, расположенной на соседской улице!

Ледяная горка делается просто... Сначала посреди двора кем-то водружается огромная снеговая куча! На неё с вечера льют воду, пока лёд не сделается толстым. И уже поутру, все желающие прокатиться, могут забраться наверх - и скатиться вниз.

Движение и желание этого чудесного устремления так стремительно, что даже не успеваешь обрадоваться и испугаться. Стремительный спуск со снежной горки, действительно, захватывает дух, и это дарит ощущение невероятной бодрости и силы, после чего чудесное скольжение безотлагательно требует своего повторения... Вот бы ещё раз!

Именно завораживающий дух полёт дарит радость, и хвалить горку можно, наверное, только слетев с неё, сломя голову. Ну, а если у неё ещё и раскат долгий, и расчищен от снега, да в самом конце кем-то воткнута ёлочка с разноцветными флажками, под Новый год, то хоть вокруг и ледок, то на душе – медок.

Сядешь – едешь, ляжешь – катишься, и если с разбегу бесстрашно ухаешь с горы – разгон такой, что можешь лететь по ледяной дорожке, как птица. Невинная потеха, а будит в теле неизменно живительные токи...

Кажется, что где-то в глубине тебя пробуждается нечто новое, неизведанное. Может быть, весна?!

И оттого ещё больше хочется, во весь дух, опять понестись на своей ледянке к чему-то дорогому, порой, кажется, к такому далёкому и недостижимому, особенно – когда тебе пять-шесть лет. И ты знаешь, что его достигнешь и отгадаешь, и оно станет для тебя дорогим, самым близким. Если бы только набраться духу...

Лететь с горки, в замечательных морозных сумерках, чудо как хорошо, и уже не думаешь ни о чём грустном. Желаете лишь поскорее забраться по скользким ступенькам на самую вершину снежной горы, чтобы, собравшись с духом, нестись с разбегу по накатанной дорожке навстречу колючему ветру, замирая от охватившего всё твоё тело головокружительного восторга.

На ледянке, конечно, далеко не уедешь, но зато как чудесно это скольжение, как оно воздушно, как может быть только в детстве... Да и зачем улетать далеко, если и здесь хорошо!

Ледяная дорожка такая гладкая, что летишь по ней кубарем, не успевая испугаться: знай, держись за ледянку, да катись во весь дух!

ПОД СЕНЬЮ НАШЕГО ДЕТСТВА

Детство - великое сокровище, но нельзя не упомянуть и такое чудо, как новогодний праздник с жарко дышащей хвоей ёлкой, украшенной гирляндами разноцветных лампочек и игрушками, с Дедом Морозом и

Снегурочкой, с повизгивающими на морозе вёрткими салазками и стремительными коньками, с искрящейся от радости зимней сказкой. Совсем недавно появившись на свет, ты словно рождаешься заново, потому, что именно в детстве каждый день происходят огромные перемены. И каждый день ты становишься новым, тебе уже никогда не быть прежним, а радость существования заключена в том, что жизнь дарит волшебные ключики к её тайнам, и если ты по-настоящему любишь эту жизнь, то она открывает перед тобой путь ко всем секретам. И тогда ты - настоящий царь, обладающий и радостью, и любовью, и свободой, готовый парить в небесах: что ещё может подарить тебе этот чудесный мир! И разве можно желать чего-то большего?!

Ёлка... Не раз уж я писал об этом новогоднем чуде, и как оно близко именно детству, и вот когда вспоминаю о нём, об этом самом зимнем волшебстве, то всегда думаю о детстве, а уж потом о новогодней ёлке, что растёт себе спокойно в лесу, усыпанная серебристым воздушным снегом, и даже не помышляет, как через каких-нибудь пять-шесть часов окажется в городской квартире, наполнив её скрытой от людей тайной. В чём она?

Дети хорошо представляют себе эту сказочную тайну! Для них она не только в конфетах и мандаринах, подвешенных на веточках загадочного дерева. И не в разноцветных лампочках, попеременно подмигивающих им зелёными, синими и жёлтыми огоньками, кажущимися на ёлочке какими-то особенными. Даже - не в подарках, разложенных взрослыми накануне праздника, у её подножия, а в том, что чудесное дерево, растущее в лесу, вот прямо сейчас находится у них дома.

Быть может, совсем недавно, вокруг этой ёлки водили под луной свои хороводы милые зайцы! Ёлка радуется детей своим ароматом, тотчас уносящим их в таинственный ночной лес, и тогда уже живое воображение детей переносит зайцев под украшенную ёлку, в уютную городскую квартиру. И дети, конечно, искренне верят в происходящие в жизни сказочные перемены, ещё больше любят зиму, и с нетерпением заглядывают в замороженные окна, ожидая прихода Деда Мороза.

Казалось бы, всем давно известное, и потому чаще всего неприметное в обычное время, даже - наскучившее, к тому же - с такими колючими иголками дерево, под Новый год вдруг обретает в своём лице скрытое до сего мига обаяние, начиная излучать его повсюду. И тогда гостиная наполняется чудесами, превращая самые обычные предметы - в неподражаемо прекрасные, и даже старый потёртый шкаф с бабушкиным фарфоровым сервизом начинает, как будто, приплясывать, залихватски

подбоченившись, исподтишка подмигивает тебе, а часы в углу вторят ему более оживлённым, не наскучившим, как обычно, звучанием.

Да и вся комната принимается от радости ходить ходуном, люстра на потолке чуть покачиваясь, отбрасывает на стены весёлые отблески, тяжёлые бордовые портьеры на окнах стараются не отставать от всеобщего праздничного оживления и принимаются еле заметно колыхаться, будто форточка от ветра отворилась, и они от этого сразу воспрянули, пробудившись. Во всей домашней обстановке, действительно, воцаряется настоящий праздник, и всё это - из-за присутствия маленькой пахучей ёлочки. Не чудо ли?!

Кажется, каждый год ожидают дети новогоднюю ёлку, хорошо известную им и любимую, но потом, когда новогодний праздник минует, надолго забывают о ней. А как придёт опять зима, и они увидят ёлку, занесённую в комнату с мороза, колкую и холодную, вроде бы, совсем не живую, то вновь вдруг открывают для себя, как она им желанна. Дети с радостью узнают свою старую знакомую!

Пока они пускали в весеннем ручейке свои хрупкие кораблики, летом, в гостях у бабушки, ловили в деревенском пруду юрких пескарей, а осенью собирали в парке золотые букеты красивых кленовых листьев, ёлочка росла где-то в потаённой лесной чаще, и никто о ней не вспоминал... И вот, теперь, ёлка вновь заглянула к ним в гости, и дети застыли в очарованном оцепенении. Как они могли забыть про эту лесную красавицу, что так же, как и в прошлом году, вмиг захватила их сердце?

Драгоценное дерево вновь с ними, готово спокойно и щедро дарить свою лесную душу, не прося ничего взамен. И это несмотря на то, что вскоре оно окажется уже никому ненужным, почти осыпавшимся, очутившись в сугробе, под дворовым забором. Но пока этого не произошло, ёлка любима детьми, они понимают её сокровенную тайну, и лелеют каждый день нахождения возле неё.

Жизнь так устроена, что всё в ней нужно понимать, в том числе - и разукрашенное под Новый год лесное дерево! Оно, вы не поверите, ждёт этого, иначе, зачем вы привезли его в свой дом? Но, к сожалению, только детям суждено разгадать его хвойную ароматную суть.

Весёлый новогодний праздник без ёлки, без этого замечательного пахучего торжества, не праздник, и кому это лучше знать, как ни детям. Они

принимают ёлку всей душой сразу после того, как её переносят через порог дома, внимательно наблюдают, как ёлку устанавливают в углу комнаты на заранее приготовленную папой деревянную крестовину, и потом, вместе с родителями, наряжают её, развешивая на пахучих ветвях разноцветные бусы, золотые орехи и фонарики. Ёлка все эти украшения великодушно принимает, будто берёт на память, неся в себе и тихонько переживая, а дети каждый праздничный день радуются её присутствию, ощущая даже ночью, когда волшебное дерево неслышно обнимает их своим душистым облаком, будто убаюкивая, и они, улыбаясь, счастливо засыпают в его чудесном еловом раю.

Когда комната притихает в ночной предновогодней темноте, и, еле ощутимо покручивая шарами, укромно дышит в углу невидимая, но сильно угадываемая ёлка, к тебе вдруг приходят забытые детские образы. И тогда сладкая печаль околдовывает твоё сердце, и на душу ложится удивительная примирённость с ушедшими годами и уже никогда невозвратимым детством, со всем, что приносит с собой наша сказочная зима.

Из далёкого далека вспоминаются девочка и мальчик, что решили убежать из дому и жить совсем одни, в глухом конце старого парка. Девочке было интересно всё, что говорил и делал этот мальчик, и она сразу согласилась, когда он предложил ей бежать с ним. У неё не было оснований не доверять ему, потому как мальчик никогда никого не задирает, не ябедничал и не жаловался, да к тому же был большим выдумщиком. Из всех мальчишек ей нравилось играть только с ним.

- Спорим, нас здесь никто не найдёт и будут думать, что мы похищены,
- заявил он тогда торжественно ей, с восхищением оглядывая их будущее жилище – снежный дом в глубине заброшенного парка.

- А бабушка? Она будет волноваться, наверное? – заметила осторожно девочка. – И папа тоже... Мы даже не попрощались с родителями.

- Не думаю, чтобы наша затея пришлась им по вкусу, - уже «спускаясь на землю», серьёзно подытожил мальчишка. – А как было бы хорошо пожить здесь неделю-другую!

- Да, пожалуй, - робко отвечала девочка. – Только чем бы тут занимались всё это время?

- Скучать бы нам не пришлось, - убеждённо загорался опять малыш. – Нет на свете ничего лучше вот такой жизни на собственный лад: ни родителей тебе, ни их поучений.

Этот мальчишка был неисправим, и он очень желал чего-то необыкновенного. При этом он так славно улыбался, а глаза его излучали неудержимые огоньки.

- Мне интересно будет всё это увидеть, - соглашалась она. – Жаль только, что сейчас не лето, а то бы можно было бегать босиком, наблюдать, как растут деревья и распускается зелень. Летом тепло и нет простуды.

- Не беда, что сейчас зима, - говорил мальчишка. – На деревья приятно смотреть в любую погоду, даже когда они укутаны снегом. Он всегда такой светлый, и от него можно больше увидеть вокруг. Скажешь, нет?

Девочка радостно кивала ему в ответ.

- Значит, останемся здесь? – Глаза его опять лучились весёлой небесной синевой.

- Если и вправду тебе этого хочется.

- Подожди, и тебе захочется, как только узнаешь своё счастье! – смешно беспокоился мальчишка. – Никакой тебе суеты и заботы, незачем подниматься рано поутру и идти в садик, валяйся до обеда, сколько душе влезет, руки не надо мыть и никто не одёргивает тебя за столом, так что не поговоришь никогда. Смело делай то, что вздумается, чем не жизнь! И ещё вокруг такая белая зима...

Девочке и в самом деле эта жизнь начинала представляться необычной. Зима и снежный дом в конце парка не казались ей уже холодными и неуютными. Лето, наполненное свежим воздухом и светом, улетело куда-то далеко-далеко, а перед ними расстилались только снежные, туманные дали.

- Смотри, что покажу, - неожиданно тронул её за рукав мальчик, и протянул на ладони что-то гладкое и прозрачное.

- Ледяшка-а, - разочарованно заметила она.

- Леденец это! – с сожалеющей укоризной торжествуяще воскликнул он. – Сладкий. Хочешь кусочек?

Девочка отрицательно помотала головой.

- Может, ты их любишь, только сама не знаешь, - сказал мальчик, облизывая порядочный кусок.

- Я люблю бисквиты, и ещё - фигурный мармелад... Грецкие орехи вот тоже очень вкусные. Да много всего, - немного подумав, мечтательно улыбнулась она. - Сразу не перечить.

- Смотри, не забудь что-нибудь самое вкусное.

- Ой, снег пошёл, снег пошёл! - радостно закричала она, увидев, как в воздухе закружились пушистые охапки снежного конфетти.

И действительно, на улице валил мягкий снежок, пахло яблоками, и было тепло. А в их ледяном домике с совершенно гладкими стенами и маленьким круглым окошком было неуютно и холодно. Девочке не хотелось покидать родителей навсегда: вот если бы ненадолго... Ей вдруг стало грустно.

- Я хочу есть, - немного погодя сообщила она.

- Пей компот, - произнёс многозначительно мальчишка, придвинув к ней большую синюю ледышку.

- Это ... не компот, - опустив голову, проговорила она.

- А что же это такое?!

- Всё равно, я не хочу такой компот.

- Тогда ешь печенье. – И он сунул в её руку застывшую яблоневую хворостинку.

Плотно сжав губы, девочка трогательно посмотрела на мальчика. Она изо всех сил старалась не расплакаться, но слёзы уже навернулись у неё на глаза.

- Когда ты будешь есть, тогда и я, - еле слышно проговорила она.

Мальчишка пожал плечами.

- Что же, мы больше уже никогда не вернёмся домой? - чуть сдерживая себя, тихо спросила она.

- Конечно, нет. Мы будем...

Но, взглянув на свою подружку, мальчик понял, что случится через минуту, если они тотчас не отправятся домой. Достав платок, он помог утереть ей слёзы и высморкаться.

- Тебе здесь совсем не нравится?

Девочка только всхлипнула.

- А хотелось тебе хоть раз уехать или уйти далеко-далеко?

- Куда?!

- Ну-у, куда-нибудь, - опять заволновался он. - В неведомые края, в чуждадельные страны...

- Не знаю...

Мальчик ничего не сказал. Постояв немного, он взял свою подружку за руку, и они побрели по узкой, вытоптанной в глубоком снегу дорожке, а укутанные снегом деревья молчаливо сомкнули свои мохнатые ветви над их головами.

Изредка улыбаясь друг другу, они ещё долго бродили по высоченным сугробам, вытаптывая следы неведомых животных, и ему всё время приходилось завязывать ей длинный красный шарфик, который постоянно развязывался под воротничком её потёртой шубки.

Румяные и свежие, как сказочные гномы с рождественской ёлки, прибежали они домой.

- А ну, пострелята, живо раздеваться, - встречая их у порога, ласково приговаривала бабушка. - Ух ты, снегурочка, насквозь промокла. Где ж это вас носило?

- Он хотел, чтобы мы совсем-совсем убежали и жили без вас.

Бабушка присела на табуретку, и, положив руки с маленьким шарфиком на колени, посмотрела с интересом на мальчика.

- И что же было дальше?

- Нечего сейчас об этом, - пробормотал он.

- Я нисколько сначала не боялась, - расстёгивая крючки на шубке, продолжала девочка. - Было так интересно, и домой ни чуточку не хотелось. Но потом мне стало страшно, и я заплакала.

- Ты не заплакала, - сказал мальчик.

- Ещё чуть-чуть, и я бы разревелась, наверное. А он взял меня за руку и сказал: «Покажи свою солнечную сторону, а грустную спрячь». Я всё равно знала, что мы когда-нибудь вернёмся. Правда?!

Мальчик, молча, кивнул.

Бабушка посмотрела на него, а потом тихо сказала:

- Послушай, малыш. Обещай мне одну вещь.

- Какую, ба?

- Когда ты вырастешь, и будешь уже большим и самостоятельным, ты никогда не обманешь никого. То есть, я хотела сказать ... женщину, которая будет с тобой.

- Обещаю.

- Фу, я готова, - стащив, наконец, мокрый ботик, пыхтя, проговорила девочка.

- Ну, вот и хорошо, - сказала бабушка. - Поухаживай-ка пока за дамой, мой дорогой, а я пойду, и кое-что приготовлю для вас.

Когда им надоело швыряться подушками, они ещё играли в такую игру, когда нужно постараться загнать в лунки сразу несколько шаров, а потом, удобно устроившись на старом мягком диване, разглядывали отцовские книжки из большого картонного ящика в кладовке. Особенно - толстую, с занятными рисунками и приятно пахнущую пожелтевшей бумагой книгу про одного кита, который был совсем белый, а звали этого кита - Моби Дик. Это уж потом мальчик прочитал, а тогда они только картинками любовались.

Прижавшись лбами к холодному стеклу, они долго глядели сквозь намёрзшие на нём узоры во двор, на перелетающих птиц, пока не начинало холодить в висках кровь. Звуки с улицы, словно крохотные хрустальные молоточки, еле доносились до слуха, и таяли в снеговом обрамлении зимы. Через тёмно-синие гладкие проталины, что оставались ото лба, носа и щёк, в комнату втекал ласковый зимний свет. Отпечатки же маленьких воздетых ладоней быстро утончались по бокам и леденели.

Там, за окном, морозная душа зимы неслышно витала в своих неудержимых и таинственных мечтах, восторженно вспыхивая искрящимися блёстками. И снег был увлечён только собой: кажется, он не замечал, как делает живыми деревья, улицы, дома... Печальный и задумчивый, опускался он с небес, и обнимал всех своей белой любовью.

Мальчику очень хотелось поцеловать эту девочку, но он никак не мог собраться с духом. А когда решился, то услышал рядом голос бабушки: «Ишь, пострел, везде успел! От горшка два вершка, а без проказ не оставишь и на час! - И уже улыбаясь: - Яблоко моей яблони». В своём старом потёртом фартуке, толстая и уютная, она сгребла их в охапку большими тёплыми руками, принесла в чистую кухню, и дала по куску сочного яблочного пирога. В меркнувшем свете зимнего дня они слушали её очередную историю.

Вечером, когда весь дом спал, мальчик лежал в своей кровати и глядел, как переливаются в темноте ёлочные игрушки. Тонкие прозрачные шары, словно дикивинные южные плоды, тихо покачиваясь на ветвях, манили своей свежестью и сказочностью форм. Густота елового облака дурманила и обволакивала с ног до головы. В нём можно было парить, как в заветной мечте.

Игрушки загадочно посверкивали, отчего начинало казаться, что стеклянная скрипка издаёт мелодичное звучание без скрипача, а тускло-оранжевое окошко одинокого лесного домика мигает в мягкой синеве сгущающихся зимних сумерек, отчего в душе воцарялся покой. Его дарили обыкновенные ёлочные игрушки, что в темноте становились волшебными.

Уже засыпая, мальчик решил, что обязательно подарит завтра девочке своего любимца - тряпичного медведя с плюшевыми лапами и ушами. Ему хотелось, чтобы медведь был первым, кого она увидит в резком зимнем свете рождественского утра, обрамлённого пухом белоснежного инея, густо настывшего на окнах. Как и все, обласканный щедрым благословением зимы, мальчик верил в то, что когда-нибудь можно будет изъездить страну сказок взад и вперёд...

Зима из далёкого детства, несмотря на свой холод, до сих пор не перестаёт будить твоё воображение. В ней так же, как и летом, и весной, хочется мечтать, переживая все радости жизни. Зима лишь затаилась и по-прежнему ждёт внимательного прикосновения к себе детей, что всегда были самыми желанными её гостями.

Только в детстве просыпаешься утром от счастья, и весь предновогодний день оказывается заколдованным царством, в котором непередаваемо хорошо и радостно быть, и хочется, чтобы он никогда не кончался. Счастьем не мешают даже морозы, что к Рождеству становятся ещё крепче, отчего деревья за окном изредка постреливают, даже - трещат, но в доме тепло, в углу гостиной ярко сияет нарядная ёлка, и предощущение скорого праздника непередаваемо чудесно. Скоро ли и на самом деле настанет вечер?

От незнания - чем бы заняться, ходишь из одной комнаты в другую, подолгу смотришь в замороженные оконные стёкла, но там ничего не видно, и уже не в силах куда-либо себя деть - заглядываешь на кухню, где бабушка стряпает пироги, выставляя их потом «доходить» на своей кровати, в спальней, укрывая накрахмаленными полотенцами. Вот-вот должны прийти гости, а пока в доме только слышен размеренный бой часов, вечер же, кажется, не торопится наступать, и сиреневые сумерки будто замерли над заснеженной землёй, не желая превращаться в долгожданную новогоднюю темноту, что принесёт много радости и подарки.

«Ах, как всё хорошо вокруг устроено, - тихонечко произносишь ты про себя. - И всё стало бы ещё прекрасней, если бы мне сегодня преподнесли футбольный мяч и лыжи!» И тут в прихожей раздаётся звонок, и мы с сестрёнкой устремляемся в коридор, где в растворённую дверь, вместе с клубами морозного пара, вваливается ... Дед Мороз! Как такое возможно?!

Поначалу немножко оробев, мы оба замираем, не в силах поверить в происходящее, но Дед Мороз как будто нас не замечает. На нём - долгополая красная шуба с белоснежными отворотами, подпоясанная золотым кушаком, такая же красная, вся в серебристых блёстках шапка, а за спиной, перекинутый через плечо, виднеется внушительных размеров мешок, весь усыпанный искромётными снежинками. Видно, как Деду Морозу нелегко удерживать этот сказочный мешок на себе, он даже немножко согнулся под его тяжестью.

Мы, конечно, сразу догадываемся - что в нём находится, только виду не подаём, потому что опешили на время от происходящего. Уж больно неожиданно появился этот волшебный старик, про которого, в течение всего

года, и думать забудешь. А он возьмёт и объявится вот так, неизвестно откуда, да ещё с подарками, и постепенно ты всё-таки придёшь в себя, и обрадуешься. В морозных узорах, за окнами, наконец-то, затеплился долгожданный праздничный свет, и на небе, в восторге от всего этого торжества, заиграли разноцветные звёзды!

Новый год опять пожаловал в гости к детям, и вместе с ним - чудесное настроение и незабываемые игры! Мы с сестрой приготовили для гостей свой подарок - театральное представление, но это - потом, сейчас всё наше внимание устремлено к сказочному Деду Морозу, которого можно даже потрогать. Он склонился над нами с ласковой улыбкой, и я осторожно коснулся рукой его колючей белой бороды. «Неужели она настоящая?» - промелькнуло в голове. А Дед Мороз вкрадчиво спрашивает: «Это здесь проживают мальчик Боря и девочка Лёля?»

Какое-то очаровывающее оцепенение нападает на нас с сестрёнкой, и мы слова не можем произнести. Бабушка, почтительно обращаясь к дорогому гостю, будто предупреждая его следующий вопрос, очень учтиво произносит: «Весь год, дорогой дедушка, ребята старались, вели себя исправно». И дедушка, в мгновение становящийся для нас, действительно, дорогим и желанным, снимает свой волшебный мешок с плеча, варежки на его руках тоже алые, отороченные белым мехом, и вынимает кудрявую красавицу-куклу, альбом с коробкой цветных карандашей, и ... футбольный мяч! А ещё - маленькие снегурки, загадочный калейдоскоп и пластилин. Как тут не удивиться и не воскликнуть от несказанной радости: уф!

Чудо новогоднего праздника несравнимо ни с чем. Это, конечно, можно почувствовать только в детстве, тем более, когда над тобой склоняется с праздничным приношением сам Дед Мороз, и воображаемая, до сей поры, сказка оборачивается восхитительной былью. Правда, быль эта тоже сказочная, даже - волшебная, но всего этого, разумеется, не осознаёшь в пять-шесть лет, зато очень остро чувствуешь и переживаешь.

Только какая-то безудержная внутренняя чистота, присущая детству, поможет тебе, наверное, сохранить всё это счастливое переживание до зрелого возраста. Вот бы так случилось!

Да только в детстве об этом не помышляешь: ведь скоро новогодняя ёлка зажжёт все свои чудесные огни, и на верхушке её торжественно возгорится главная праздничная звезда! Произойдёт, наконец, что-то удивительное, то, без чего не случается ни Новый год, ни Рождество, и всё

это чудесное таинство ещё будет жить с тобой долго, может быть, до самой весны...

А Дед Мороз улыбается нам с сестрёнкой сквозь седые усы, глаза его искрятся каким-то внутренним здоровым светом, и мы просим его, чтобы он погостил ещё немножко, и посмотрел нашу кукольную постановку. К всеобщей радости - Дедушка Мороз соглашается!

Как потом выяснилось - «Дедом Морозом» оказался наш папа. Он переоделся у соседей в праздничный наряд, и потом уже появился у нас с мешком подарков. Но это никоим образом не утеряло произведённого им впечатления. Наоборот, мы с Лёлей гордились папой, способного перевоплотиться в сказочного старика, и когда он им стал - мы верили, что так оно и есть, и забывали, что Дед Мороз - это папа, воспринимая его за хозяина далёкой северной страны вечных ветров и льда, где, между тем, живёт добро. Добро с радостью и в нашем доме: скоро - Новый год!

Никакой детский праздник не длится так пышно и радостно, как новогодний. Пышно, быть может, не совсем верное слово, но иначе ничего не приходит на ум. Ощущение того, что за окном ветер и мороз, а ты можешь погреться у праздничного огня, ни с чем несравнимо.

Уютно и хорошо бывает душе в эти незабываемые новогодние дни, когда, кажется, с небес само божество. Как самый ценный подарок зимы осеняет оно людей, и между ними появляется любовь. Зима более, чем какое-либо другое время года, располагает к этому: так у неё заведено.

Новогодний праздник - самый любимый у детей, и его невозможно представить без сказки. Попадая в неё, ты начинаешь верить в происходящее, замирая от счастья. Уже тогда, в детстве, ты умел чувствовать окружающую тебя жизнь, и безошибочно угадывал в ней всё доброе. Сказки были ближе всего твоему восприятию, с ними тебе было легче познать самого себя. Иногда казалось, что взрослые этого не понимают, может быть, только догадываются...

Одна бабушка никогда не вызывала сомнений - она всегда находилась рядом, и несла такую же радость, что и зима. Не раз слышанные сказки в её устах становились ещё более необыкновенными, как название самой

любимой - «Конёк-горбунок». Так славно и сладко никто из взрослых его не произносил, и звёздный мир, к которому бесстрашно взлетала маленькая лошадка, казался ещё лучезарней и родней. Про себя твёрдо верилось, что этот мир недоступен для страха и жалких обид.

Поздним вечером хорошо было ощущать бабушкино присутствие, когда она ложилась рядом с тобой и вкрадчивым шёпотом отворяла дверцу в неведомую тайну. Всё увиденное за день тогда отступало, в душе воцарялись удивительный покой и тихая радость. Как будто сказочная луна заглядывала к тебе в окно, и вместе с тобой чему-то улыбалась. В новогодние дни даже она выглядела праздничной, и это было очень приятно.

С утра в доме обычно начиналась радостная суэта. Перед долгожданным торжеством настроение у всех было приподнятое, праздничное. Бабушка чистила столовое серебро и открывала свои старинные сундуки, откуда вытекал запах нафталина. Он приятно щекотал воображение, и как будто напоминал о чём-то знакомом, отчего ещё больше хотелось любить бабушку.

Иногда бабушка давала заглянуть внутрь сундука, и темнота неведомого дна становилась ещё более привлекательной. Пересматривая кое-какие вещи, бабушка раскладывала их на диване, и после долгого лежания они казались совсем новыми. Она почти никогда ничего из них не надевала, только разглядывала, а потом опять аккуратно складывала и запирала до будущего года.

После полудня по всему дому начинало жарко пахнуть ванилью и куличами. Сытный дух от них также приятно бережил воображение, пробуждая желанный аппетит. К вечеру на бабушкиной постели уже лежали, отдыхая под чистыми полотенцами, душистые пироги и печенье.

Играя во что-то своё, конечно, незаменимое и очень важное, можно было без конца сладостно утопать в этом предпраздничном ощущении, и с трепетом ожидать, когда все усядутся за стол. Сердечное простодушие детства тогда приобретало ещё более очарованный лик, но его скрывали под диковинные костюмы и маски. Наряжая ими себя, ты будто бы избавлялся от чар, что насылала в эти дни нечистая сила. Всю неделю после Рождества рыскала она по улицам, терзая и увлекая с собой встречных людей, а маски отпугивали её.

Так говорили взрослые, но от этого почему-то не было страшно, и радовала больше всего сказочность происходящего. Маски лисички или волка, когда ты надевал их на себя, сладко пахли картоном, и сразу вынуждали быть каким-то другим, может быть – таинственным зверем, пришедшим из заснеженного леса на новогодний праздник, и всё окружающее тогда, действительно, становилось похожим на добрую сказку. От этого разукрашенные в пух и прах ребятишки выглядели загадочно, не замечая, с каким умиротворением взирает на них свысока синяя крона ёлки. Скрытый в пушистых ветках ствол источал вокруг благолепный ладан, с мягким удовольствием позвякивали золотые шишки... Прославление же той звезды, что была водружена на самой её вершине, предполагало особое настроение духа, и нужно было ещё дожить до него.

Новогодняя ель в углу комнаты дарила необъяснимо радостное ощущение, что в её хвое можно затеряться. Ёлка притягивала к себе исходящим от неё ароматом, выглядела необыкновенно приподнятой, будто там, в лесу, она всё время оставалась в тени, и лишь здесь, в доме людей, наконец, обрела свою истинную жизнь, радостно засветившись бенгальскими огнями, и, поразив на миг воображение, будто успокаивалась. Было видно, как ей приятно находиться среди детей, на их празднике, и всё это новогоднее торжество представлялось незабываемым.

А за окном сияла тихая луна, и сердце вновь сладко замирало от предощущения этой таинственной морозной темноты. Крадущийся свет неслышно резал рождественский снег на праздничные ломти, украдкой повизгивали где-то санки. Вот пробежал запоздалый прохожий, и весёлый смех рассыпался из-за угла, а потом опять всё стихло. Только побелевшее лицо зимы заглядывает к тебе в дом и, кажется, ждёт чего-то. Оно совсем близко, и от него хочется на время убежать в тёплую глубину дома, в комнату бабушки.

Накануне празднования Нового года, как всегда, появлялись близкие знакомые и родственники, которые приносили с собой наряды и подарки, и гостили долго – до следующего вечера. А если не пригласишь гостей – нечего и самому куда-либо ходить: ожидай Новый год дома.

Люстра под потолком освещает всю комнату ласковым тёплым светом, ей вторят мигающие на ёлке огоньки, а мы с сестрёнкой сооружаем театральный занавес из составленных в ряд венских стульев. На их спинки навешивается «занавес» - бабушкино цветастое одеяло, а в гостиной, что служит нам «залом для представления», расставлены кресла и табуретки.

Мама принесла из детского сада, где она преподавала музыку, несколько кукол - героев русских сказок, которых нужно было одевать на руку и разговаривать за них сказочными голосами, и мы решаем устроить для взрослых спектакль.

Взрослые, обычно, играют в карты, кошка - с мышкой, солнышко - лучами, а дети - в куклы, и в их руках они становятся живыми... Вот и у нас с Лёлей Емеля из сказки «По щучьему велению» выходил совсем не ленивым, а весёлым и находчивым удалцом, и сказка представляла в нашем воображении в совершенно ином свете. У детей, известное дело, затейливый ум.

Для гостей заблаговременно приготовлены входные билеты, у входа в гостиную их продаёт сестрёнка, а я слежу за тем, чтобы каждый из зрителей занимал указанное в них место, и если кто-то усаживается не на своё - строго ему замечая: «Будьте так любезны, пересядьте, пожалуйста!» Гости послушно следуют моей просьбе, все проникнуты торжественной обстановкой подступающего праздника, и в благостном настроении замирают на местах в ожидании, когда раскроется занавес. И тут мама усаживается за пианино, наигрывая какую-то весёлую новогоднюю песенку...

А воздух в комнате густеет от запаха хвои, пирогов с конфетами, и мандарин. Потрясённые воцарившейся умиротворённой атмосферой, в душе мы, дети, трепещем от переживаемого новогоднего чуда, с волнением начиная представление. Всякая душа празднику рада, а уж у ребёнка, да ещё под Новый год, тем более, и потому с самым дорогим событием зимы жить необыкновенно хорошо, и на сердце становится покойно и счастливо.

Мы с младшей сестрёнкой любили украшать ёлку, с нетерпением ожидая того волшебного вечера, когда папа заносил её в дом. С растопыренными колючими ветвями, до головокружения пахучая и, казалось, какая-то необъятная, она еле пролезала в дверь, а мы зачарованно стояли в сторонке, с восторгом наблюдая, как он не спеша устанавливает, кажется, совсем не подходящее для городской квартиры дерево, но такое желанное, родное. Всегда хотелось потрогать её прохладные с мороза ветви, словно здороваясь с ёлочкой.

И вот, ёлка водружена, мы осторожно подходим к ней и замираем, не в силах вымолвить ни слова, а ёлка потихоньку оживает в незнакомой для себя обстановке, и будто улыбается нам сверху, куда ещё предстоит поместить рубиновую красавицу-звезду. Это, конечно, должны осуществить взрослые, мы же, малыши, с нескрываемым чувством восхищения принимаемся украшать ёлку, осторожно вынимая из картонной коробки сказочные игрушки... Чего тут только не было!

Из Германии папа привёз много ёлочных игрушек, так искусно изготовленных, что не верилось, будто припорошенный снегом домик с оранжевыми окошками - стеклянный, скрипка со смычком и струнами - ненастоящая, и совершенно искренне верилось - фантастически раскрашенный фазан, с длинным колким хвостом, вот-вот взлетит свечой над ухоженной ёлкой, а разноцветные колокольчики сами зазвонят на всевозможные мелодичные лады, наполнив комнату волшебным звучанием... Были ещё лимоны с апельсинами - такие аппетитные, что их тотчас хотелось съесть, а огромные бархатистые шары с изображением диковинных плодов неотступно притягивали к себе заключённой в их глубине волшебной тайной. Сказочные гномы в шубках и колпачках, усыпанные искрящимися снежинками, выглядели до того живыми, что чудилось, будто они бредут гуськом по зимнему лесу, уводя тебя в его глубину, где живут неведомой жизнью звери и птицы, на которых никто не охотится, и многим из них ты – добрый друг.

Все игрушки, появляясь на праздничной ёлке раз в год, на две недели, словно ожидали, чтобы их внимательно разглядели и обрадовались такому чудесному присутствию в одном месте зайчиков и факиров, рыбок и гусей, ослепительных плодов и хрустальных сосулек. После чего игрушки, хотя бы ненадолго, почувствовали себя нужными, чтобы потом, завёрнутыми в бумагу, опять погрузиться в воздушный сон, на какой способны только невесомые, хрупкие существа, изредка пробуждаясь и тихонечко переговариваясь между собой в картонной коробке...

Новогодние игрушки, как цветы на лугу: чтобы составить чудесный букет, нужно с чувством развесить их на ёлке, выбирая для каждой свою веточку, подходящую только ей, и тогда ёлочка оживёт, обретя в себе неповторимое внутреннее содержание. На такой ёлке все игрушки представлялись живыми, их постоянно хотелось рассматривать, дотрагиваться до них, а они медленно прокручивались, переливаясь

светящимися от огней боками, будто радуясь вместе с детьми и Новому году, и зиме, и возможности подарить радость другим.

Мы с сестрой даже придумали для них сказочную игру, для чего нужно было хорошо запомнить расположение на ёлке игрушек, и когда один отворачивался - другой закрывал ладонями любую, на выбор, а кто отвернулся, повернувшись, должен был отгадать - что это за игрушка. Побеждал тот, кому удавалось это чаще, после чего игрушки на ёлке перевешивали. Такая незамысловатая игра приносила удовольствие, ты проникался предновогодним настроением, и ёлка, кажется, радовалась вместе с детьми тому, что принимает участие в этом чудесном, самом любимом для них празднике.

Хорошо быть ребёнком и слушать вечерней порой, возле новогодней ёлки, величественное безмолвие зимы. Ты будто купаешься в потоках любви, которую тебе великодушно дарует сказочная зимняя жизнь. И разве можно просить в детстве нечто большее и лучшее, поскольку хватает и того, что есть!

И действительно: первые пять-семь лет - самые важные в жизни ребёнка, и как хорошо в детстве окунуться с головой именно в этот праздник, потому как таких благоприятных возможностей для счастья уже никогда не будет. Только в эти годы ты учишься летать, обретая крылья, для чего не нужна ничья помощь, потому как всё божественное уже даровано тебе: оно живёт в твоём сердце вместе с волшебницей-зимой, чудесными детскими играми и новогодней ёлкой.

Издавна повелось на Руси, что под Новый год в доме без ёлки – не праздник. Древние люди верили, что в ели живёт дух леса - хранитель зверей, птиц и растений. Воздавая почёт этому дереву, украшая его, люди старались умиловить лесной дух. Ещё они видели в ели символ неувядающей жизни, вечной молодости и силы: изба елова - и сердце здорово!

«Ёлка чище метлы дом подметёт!» - сказывали в народе. И верно, аромат засахаренных «карапузиков», жареного миндаля и кекса, смешанный с запахом большой смолистой ели, украшенной гирляндами разноцветных лампочек и игрушек, кружил голову лучше любой, самой увлекательной игры. Шоколадные конфеты в форме сапожков, щелкунчики, гномы в

серебристой фольге и прочие сказочные персонажи лишь дополняли это торжество, в котором волшебный дух зимы перемешивался с головокружительными запахами, что нёс с собой новогодний праздник, и увлекал тебя, вместе с еловым облаком, к восторженно взирающему с морозной вышины зимнему небосводу.

Наши детские мечты часто вспыхивали на нём праздничными яркими звёздочками, радостно сверкали, и, кажется, излучали тепло. Словно начищенные снегом, они гостеприимно зазывали следовать за собой, как будто там, в необозримой вышине, находился большой радостный дом для крохотных земных созданий, никогда не устающих фантазировать. Свет от этих звёзд наполнял всю комнату волшебной тишиной.

В самом дальнем от окна углу мерный бой часов никак не нарушал эту умиротворённую тишину. Гостиная была завешана гранатовыми портьерами, а пол был покрыт красным ковром, и этот цвет вносил в комнату ещё больше уюта. В комнате было так тепло, а за окнами так морозно, что очутиться на далёкой звезде представлялось делом поистине неподходящим. И всё же ты, не переставая, вглядывался в ночное небо, куда уносило тебя ещё не обременённое ничем чистое воображение.

Несмотря на холод, ты чувствовал себя там, как дома. Удивительная бездонность морозной ночи охватывала с головы до ног и убаюкивала неземным покоем. Сверкание заснеженных крыш внизу удивляло своей доступностью, а блеск звёзд не ослеплял, а только радовал. Закутавшись в одеяло, хотелось лететь между ними маленьким земным гостем, и не чувствовать себя там незнакомцем.

Тем временем ночные тени мягко скользили вдоль стены, теряясь в потаённых складках портьер. Детской забавой казались их новогодние ухищрения, когда они затевали только им понятную игру. Тени таили в себе много замечательных вещей и чудесных предположений, возникающих в эти предпраздничные дни, и никогда не иссякали.

В каждом углу копошилась своя, чуть настораживающая тайна, которую даже не хотелось разгадывать. Достаточно было того, что она живёт рядом с тобой, и почти ощутима. Нужно лишь не испугаться и обратить к ней своё внимание: тайна наверняка окажется милым сказочным откровением.

За окошком светит яркий месяц, чуть вздрагивают от холода оранжевые огоньки фонарей. Под ёлкой, словно белый снег, вата лохматая, и

в темноте кажется, будто по ней зайцы хоровод водят. Утро всегда приносит под сказочное дерево Деда Мороза со Снегурочкой, а вместе с ним - шишки золотые, отсвечивающие густым янтарём леденцы и мандарины, похожие на китайские фонарики: волшебный сон и явь, что приходят только зимой, в пору детства.

Прилетая на упряжке, увлекаемой четырьмя парами белоснежных коней, Дед Мороз по дороге заберётся вдруг к кому-нибудь в сани - не спасают даже рукавицы и меховые шубы! Развеселившись от собственной удали, он забирается всем под полушубки, пробирая до костей даже самых удалых молодцов, больно щиплет за бока молодых девушек, а ребятишек хватается за нос и уши. Дерёт так, что прямо за душу берёт!

Разукрашенные озорником Морозом, и переполненные восторгом от его игры, дети вбегают возбуждённо в дом, а ёлка тут и обдаст своим душистым теплом! Все снежной изморосью, словно сахарной пудрой, усыпаны, радостно зардевшиеся здоровым румянцем щёки пылают здоровьем, и дети сами становятся похожими на сказочного Деда Мороза, заражая своим весёлым видом родных и близких, и тогда каждого тянет поскорее на улице оказаться, добрую силу зимы на себе испытать.

Но праздничная ёлка уже никого из дому не пускает: верховодит весь вечер своей невидимой хвойной рукой. Каждый за приятными заботами её как будто не замечает, и всё же с затаенной радостью ощущает живое присутствие дорогого для себя дерева. Трудно не почувствовать излучаемый ёлкой восторг, и кажется, что только волшебному яблочку на ней не расти, да в Новый год и это сбывается. Так всякий думает про себя, надеясь, в скором времени, обрести своё счастье.

А Дед Мороз, пролетая в своей упряжке над человеческим жильём, заглядывает в окошки, и стёкла их тогда покрываются ледяными узорами. Облако ослепительных снежинок тянется за ним по небу нежнейшим шлейфом, оно будто соткано из сверкающих звёзд. Дед Мороз кажется таинственным и недостижимым, и всё же - он свой, дороже его для ребёнка никого не отыскать.

Глаза Деда Мороза сияют холодным блеском и теплотой, от него веет неудержимым порывом и покоем. Он сдержанно улыбается про себя, и кому-то машет рукой. Маленькие дети иногда угадывают сквозь замороженные стёкла окон его лучистый взгляд, и восторженно рассказывают об этом взрослым, подтягивая их за рукава к окнам.

Но взрослые им не верят, и только ласково усмеваются, поглаживая по голове: они уже забыли, что и сами когда-то с нетерпением ждали Деда Мороза под Новый год. И как желали получить от него волшебные подарки, и тоже радовались зиме...

А дети ничего не боялись, и были только тихо очарованы невидимым присутствием Деда Мороза. И ещё они знали, что Дед Мороз обязательно придёт, чтобы порадовать их самым настоящим зимним праздником: с новогодней ёлкой, запахом снега и мандаринов, бесконечными зимними играми. Славный и добрый Дед Мороз всё долгое зимнее время без устали листал перед ними необыкновенную книжку со сказочными картинками.

Но при этом не всегда доверял взрослым, и был с ними холоден, часто подвергая испытаниям. Крался, то и дело, по пятам, передразнивая походку, пугал своим заунывным воем. Дед Мороз отлично умел выставлять напоказ странности и недостатки взрослых, которые они приобрели за свою жизнь, пока успели разувериться в ней. К детям же он благоволил своим величавым почтением и лаской, укрепляя в их маленьких сердцах веру в великую сказку зимы - её непрекращающееся волшебство.

Днём Дед Мороз приглашал детей поиграть на свежавыпавшем снегу, когда он красиво сверкал и искрился на солнце. На нём для всех хватало места, и так приятно пахло свежими яблоками, что трудно было не выбежать на улицу. Там, повсюду, обнажённые деревья и кусты были припорошены искрящимся пушистым снегом, а вместо плодов с них свисали сосульки...

Каждого из малышей, закутанного в шерстяные куртки и шарфы, Дед Мороз наделял крепким поцелуем, от которого розовели здоровьем щёки. С покрасневшимися задорными лицами барахтались дети целый день в наваленных им за ночь сугробах, и не было предела их веселью!

Верные Деду Морозу снежинки без устали затевали в воздухе неудержимый пляс, подбрасывая на радость ребятишкам больше снега, чтобы те могли на лыжах ходить и на санках кататься, снежные крепости возводить. Сам владыка подбавлял мороза, чтобы по замёрзшим речкам и прудам пели всю зиму, не переставая, звонкие коньки, весело летели друг в друга снежки. Весь седой, Дед Мороз становился таким же молодым, и при этом напевал свою искрящуюся зимнюю песенку: «Я - Мороз Красный Нос! Выше ёлок и берёз, я добрее всех, веселее всех. Борода моя седа и в снегу ресницы, если я пришёл сюда, будем веселиться. Я на речку ходил, речку я остановил, я в лесу блуждал, снегом ёлки укрывал. Метели выюжные и ветры

вам шлют сердечные приветы. Привет вам от берёз и елей, что на морозе поседели. А ещё - от всех лесных птиц и зверей!»

Благодаря Деду Морозу в зимний холод всякий становился молод, но именно для детей с его ласковой улыбки начинался лучший в жизни праздник. В огромном, кованном из серебра и золота сундуке, что хранился в его ледяных хоромах, весь год копились подарки, один другого краше. Когда год заканчивался, Дед Мороз перекладывал подарки в свой волшебный мешок, и приносил ребятам.

Исстари существует в народе поверье, по которому Деду Морозу приписывают его сказочное доброхотство. Объезжая однажды дома в сопровождении своих верных слуг, он будто бы случайно выронил несколько драгоценных камней. Они провалились в печную трубу, и попали в детский чулок, сушившийся у огня. С этого случая повелось вывешивать в праздничную ночь у печки чулки с носочками, и оставлять на подоконнике башмачки, чтобы найти в них под утро подарок.

Но главным его подарком был Новый год. Светят в бархатном небе чистые звёзды, а самая большая, по повелению Деда Мороза, медленно опускается на верхушку ёлки. Красногрудые снегири витают над его головой, беспрестанно перепархивают с плеча на плечо, и неожиданно превращаются в яркие пунцовые шары, весело крутящиеся на ветвях. Раздольно и неописуемо прекрасно устроена Дедом Морозом удивительная сказка зимы!

Дети же не в силах сдержать своей радости: их желания должны вот-вот сбыться. Какие подарки принесёт им Дед Мороз и откуда, будут ли они чудесны, как наступившая рождественская пора, или окажутся уже когда-то виденными? Нет, конечно, этого не должно случиться, и дети знают, что всё будет так, как они мечтали.

Однажды, в облаке морозных грёз и искрящихся дуновений, войдёт к ним в дом этот волшебный старик, и озарит всех добрым, радостным светом. Под ёлкой, непременно, окажется и лошадь-качалка в алых яблоках и с золотой уздой, и тёмно-синяя матроска с белоснежным гюйсом, и бескозырка с шёлковыми ленточками... Ещё воображение живо рисовало маленькое ружьё, свисающую на боку саблю и коробку с красками. До умопомрачения сладко было представлять, что там может находиться кожаный футбольный мяч, коньки и лыжи.

Никто лучше Деда Мороза не мог слепить любимое развлечение малышей - волнистые горки. Санки сначала спускаются, поднимаются и вновь ухнуты вниз: высота первой горки гораздо круче второй. А если дедушка смастерит горку, похожую на хобот слона, кататься будет ещё веселей!

Забрался на самую вершину, а потом летишь, сломя голову, вниз. Обхватив друг друга руками, можно съехать всем вместе, шумною гурьбой! Сказочные горки леденеют за ночь, и под утро вновь ждут ребят.

Ещё у Деда Мороза хранились волшебные часы, у которых вместо стрелок – хрустальные сосульки. В новогоднюю ночь они издавали мелодичный звон и тикали мягко, неслышно. Весной становилось теплее, и они таяли, а детям оставалась на память их чудесная зимняя песенка.

Если бы взрослые поверили, что Дед Мороз незаметно растворяется среди людей! Прислушиваясь к разговорам и узнавая, что кому нужно, он исполняет их маленькие желания. Нужно только очень сильно ждать его прихода, и надеяться. Особенно по ночам, когда нет рядом никого, кто бы успокоил твоё взбудораженное пришедшей зимой маленькое сердце.

Во сне Дед Мороз всегда представлялся добрым: это можно было определить по его взгляду. Даже не верилось, что он весь соткан из леденящего холода. Деду Морозу хотелось рассказать всё самое дорогое, что ты накопил в душе за целый год, а он только довольно улыбался в ответ. Но при этом тебе начинало казаться, что на самом деле ты ещё ничего толком не видел, и совсем мало знаешь.

Ты был необыкновенно доволен и счастлив от того, что Дед Мороз просто посетил тебя, и ты думал, что лучше этого ничего и быть не может. И ещё ты желал попросить у Деда Мороза маленького конька, желая улететь на нём в неведомые края. Конечно, не на совсем, а только чтобы убедиться, какой замечательной может быть наша зима, когда ты ненадолго оставил её, но всегда можешь вернуться в радушные объятия доброго дедушки Мороза.

Ни с чем не сравнить тот искренний порыв, с каким мы в детстве пытаемся сотворить из зимы чудо. И даже не представляем, что оно уже рядом с нами: снисходит неслышно с высоких небес, устилая собой замершую землю. Создавая из снега сказочные существа, мы даже не замечаем, какие они холодные, согревая своим теплом.

Воплощением радостной мечты были для нас все снеговики и снегурочки, слепленные из первого, самого желанного снега. Казалось, что они сами вырастают под нашими руками, а мы лишь забавляемся неведомо откуда родившимся в себе искусством. Тогда, в детстве, это нисколько не удивляло, а только радовало.

Весёлый гомон ребячьих голосов, доносящихся с улицы, должно быть, помогал и взрослым с большим удовольствием воспринимать зимнюю жизнь. Им отчего-то становилось легко на душе, и они обретали в душе доброе настроение. Вот для чего нужен был чистый снег, только что упавший с неба, и сама зима, наполняющая этой чистотой наши души.

И дети, и взрослые достойны были иметь в лице чудесного снега настоящего друга. Забавляющийся с людьми и убажывающий их души, снег старался никого не разочаровать. Он не переставал обновляться в себе, как бы ни развеивал его временами холодный безудержный ветер.

Долгожданную снежную бабу не уставали лепить и играть с ней всю зиму. А впрочем, хватало и других снежных забав, чтобы зима вызывала умиление, и долго не надоедала.

Всю свою жизнь зима проводила с такими маленькими созданиями, как дети. Иногда она сама была похожа на ребёнка, готовая добродушно рассмеяться и тут же заплакать, а через минуту, забыв обо всём, нестись, сломя голову, с ледяной горки, и кричать что-то необъяснимое, смешное и радостное. В зиме было достаточно и детской простоты, и веры в свою чистую хрустальную судьбу.

Перевалянные в снегу с головы до ног, дети не обращали внимания на протесты родителей, чьи взволнованные голоса умоляли их не резвиться так долго на холодном ветру. Им было до безумия хорошо в обнимку с зимой, и дети не желали ничего знать, пока она их не отпускала. Зима шаловливо увлекала малышей туда, где снег был всего глубже, а значит - теплей.

Если кто-то из детей оступался и падал в снег лицом, он сам становился похож на снежную бабу. Сладкое оцепенение сразу охватывало его лицо, руки и глаза, а в груди всё замирало от ощущения немислимого полёта в какую-то завораживающую на миг студёную бездну. Зима, тем временем, наблюдала: заискрится ли малыш весёлой звёздочкой или же это ледяное прикосновение застигнет его врасплох? Она многое знала про

каждого ребёнка, но никак этого не выказывала. Зима ждала, как маленький человек примет её тепло.

Когда бедный носик, ухо или щёчка на глазах белели и казались совершенно отмороженными, зима замирала от нетерпения. Ей очень хотелось видеть на лицах малышей улыбку, чувствуя их непрекращающееся веселье. А ещё больше зима желала испытать любовь детей к себе.

Но, несмотря на холод, они никогда её не боялись, и всегда знали, что всё будет в порядке. И тогда ледяной холод зимы преображался в самое доброжелательное расположение к ребёнку, и она, преисполненная лучших намерений, брала его за руку, и отводила к родному дому.

Слегка поникнув, малыш неохотно ступал за ней, а вокруг яснил морозный звёздный вечер. Насквозь промокшие варежки только приятно горячили руки, и смёрзшиеся ресницы переливались искрящимися огоньками. Сердце у малыша гулко ударялось в груди от того, что зима была похожа на маму, и всё время находилась рядом. Она была заботливой и доброй, укрепляя ребёнка в чём-то важном, что могло ему когда-нибудь пригодиться.

Хорошо было ощущать внимание зимы на себе, и жить всем, что она несла с собой. Зима излучала какой-то особенный свет, которым не обладало никакое другое время года. Иногда она сверкала какой-то большой невиданной звездой, что каждый год зажигалась на небе. А порой это был морозный блеск одной единственной льдинки, освещённой солнцем или луной. Не замечать ничего необыкновенного в богатом убранстве зимы - значило не чувствовать её тепла.

Проводив по домам малышей, зима тотчас приходила в себя, словно избавляясь от временного забытья. Обращаясь в лютую непогоду, она засыпала белой крупой дорогу под окнами, злою вьюгой билась в каждую дверь, уносясь на крыльях метели в мерцающие небеса. Поднимая туманное облако снежной пыли, зима уже не оставляла за собой ни единого доброго следа, и тогда меркли звёзды и лунный свет, а у теплящейся жизни напрочь перехватывало дыхание.

Но для детей она всё равно оставалась самой близкой и дорогой. Они засыпали в своих тёплых кроватках под любовное завывание вьюги, и с удовольствием вспоминали, как великодушно вела себя с ними матушка-зима.

СЛЁЗЫ ОЧИЩЕНИЯ

Кажется, ничего в детстве не могло вызвать моего недовольства, исключая, пожалуй, несправедливость по отношению к себе. Несправедливость выражалась в незаслуженном наказании, которому я часто подвергался, вероятно, просто потому, что матери недосуг было разбираться в причинах моего, якобы, непослушания.

Видимо, она брала себе на веру, что поступает правильно, если оградит от меня на время и себя, и мою младшую сестру. Так ей почему-то будет покойнее, и я на час, а то и на два-три оказывался в углу.

Нередко это непонимание, скорее – душевное равнодушие, доводило меня до слёз. Как было доказать взрослым, чаще всего – маме, что я ни в чём не повинен, это сестрёнка, ни с того ни с сего, подняла шум, обвиняя меня в том, что я её обидел, хотя ничего подобного с моей стороны не происходило?

Но сестра была младше меня на четыре года, и, конечно, верили ей, после чего она всегда подло торжествовала, а потом делала вид, будто ничего на самом деле не случилось. Я же от такой несправедливости не находил слов, вообще путался в догадках, после чего в сердце закрадывалась горькая обида.

Вдобавок, я никак не мог взять в толк – как себя после всего этого вести? Был я на деле не злобив, даже – очень добродушен и весел, и если оставаться честным, все эти обвинения, и затем – следующие за ними наказания, представлялись мне очень глупыми. Но что было поделать?!

Что же касается сестры, то я совершенно определённо полагал, что она просто не умная девочка. Иначе, зачем ей было вести себя подобным образом, каждый раз выставляя родного брата бесчувственным сорванцом? Словом, в душе у меня воцарялась полная неразбериха, и при этом не покидало глубокое убеждение, что правда рано или поздно восторжествует.

В детстве я не чувствовал в окружающей меня жизни никакой лжи, если только она не исходила от людей, и более всех лгала именно моя младшая сестрица. Всегда было жалко и больно видеть, как она ни с того ни с сего говорит неправду, обвиняя меня перед родителями в том, чего я не совершал, да и сам я совершенно не предполагал подобного со своей стороны. То есть, у меня и в мыслях не было врать кому-либо просто так, для неправды должна была присутствовать серьёзная причина.

Ну, например, когда я прогуливал занятия в музыкальной школе, а огорчать маму мне не хотелось, и я выводил рукой учительницы отметки, и подписывался, подражая ей. Но вот когда не существовало такой причины, и

человек лгал просто так, то об этом я даже не способен был помыслить, а сестрёнка могла. Я не мог объяснить себе: зачем она это делает?!

Сестра затрачивала для своей неправды, кажется, всю энергию, используя и хитрость, и подлог, но всё-таки не достигала до конца желаемого. Ведь она не могла не догадываться, что я не в состоянии поверить в её изобретательное лживое поведение, в то, что она действительно не понимает - что делает, и всё-таки, родители верили именно ей, а не мне, и это оскорбляло.

Сестра же стояла в своей неправде точно каменный столб, и, конечно, не возбуждала во мне симпатии: эта её ложь нас отдаляла. И вот что странно: проводя, по воле родителей, в наказание за не содеянное собой бесчисленное количество часов в углу, стоя лицом к стене, я был не в силах постичь смысла совершаемого. И тем более - не понимаю этого сейчас, когда уже нет в живых родителей, а сестра, по-прежнему, даже не помышляет о своей лжи, не желая ни в чём признаваться... Коли бы за ложь платили деньги - быть моей сестре богачкой!

Ну, а ежели серьёзно, то за всей этой историей спрятана какая-то необъяснимая для меня тайна, и из всего происходящего я в течение жизни понял только одно: чего сам не испытает, про то верно никогда не скажешь, и может быть сестра, таким образом, мстила за то внимание, которое мне, а не ей оказывали бабушки... Так она пыталась, наверное, защитить своё детское счастье, но разве бабушки и я были в том повинны? Господе Иисусе Христе, да пребудет святое имя твоё с нами во все дни и часы!

Но более всего угнетало то, что меня не понимают родные взрослые люди, и мне с ними трудно. Правда, наказанным умом недолго поживёшь, через порог переступишь – и, кажется, всё забудешь. Тем более – в детстве. Но не лучше ли, если бы родители наказывали, как и Господь, добром, большой бы толк вышел, ибо наказание только тогда учение, если всякий проступок наказывается совестью. А моя совесть была чиста!

И, действительно, обиду я долго не помнил, но не могу забыть, как крепла моя вера в справедливость жизни, если сам её не предаёшь. И я готов был простоять весь день в углу, уткнувшись в него лицом, потому как ни в чём не был виноват. Думалось: значит, так надо, и следует просто потерпеть.

Для взрослых повесить малышу на шею вину – обычное дело. Но я от этой вины не отрекался, даже не пытался этого делать, потому что чувствовал и знал: это – бесполезно. Ладно бы, если попался, а то ведь вина-то – не моя. Я был виновен в своей неудаче. Хорошо, пусть буду без вины виноват, лишь бы скорее заканчивалось наказание!

Но как невыносимо переживание на сердце напраслины, когда освободиться не можешь! Хотя час или два терпеть – не век жить. Лучше самому терпеть, чем других обижать: вот, наверное, чего более всего вынес я из своих мучений.

Хотелось, чтобы всё было устроено по-другому, с доброю выдумкой, как я обычно и придумывал, когда оставался один или вдвоём с бабушкой, и из всех взрослых с мамой было сложнее всего. Она никогда ласково не успокаивала меня, как бабушка, словно даже отталкивая от себя какой-то своей гордой красотой.

Мать оставалась недоступной, тогда как, казалось бы, должна была больше всех являть ко мне доброту. Как-то так выходило, что я о ней почти не думал, уделяя всё внимание своей души бабушке, и мама это, по-видимому, замечала, и будто умышленно старалась чаще отвозить меня к бабушке, чему я был очень рад.

Всё в доме, по какой-то неведомой для меня причине, подчинялось матери, включая и нас, детей, и даже отца, которым она управляла, как ей вздумается, чему он, кажется, совершенно не препятствовал, при случае, тотчас уезжая на рыбалку или охоту. Мать, обычно, редко смеялась и мало говорила, исключая своих подружек. По большей части она была всегда строга, по крайней мере, пыталась таковой выглядеть, и порой я абсолютно не понимал её, при этом, невольно, и не принимая.

Улыбалась она, пожалуй, лишь с приходом гостей, и все наши знакомые говорили, что мама наша удивительно хороша: особенно, когда играет на фортепьяно. По моему мнению, она постоянно сбивалась, неистово нажимая на истёртые педали старого немецкого инструмента, начинала в возбуждении ударять своими маленькими ручками по истёртым клавишам, и, в конце концов, победоносно завершала этакое залихватское извлечение звуков ударным аккордом, после чего фортепьяно стонало ещё с минуту. Но зрители всё равно рукоплескали ей, а мне и вовсе становилось неловко, так что я старался поскорее спрятаться в детскую.

Мать и своим поведением и игрой на пианино, будто показывала всем, что не собирается менять себя к лучшему, ей и так живётся комфортно, и это поначалу пугало, но впоследствии я просто перестал об этом думать. К тому же, отец ровно не замечал ничего, и его отношение к матери тоже незаметно успокаивало: взрослые сами разберутся, думал я, у меня же есть бабушка, и она меня очень любит и понимает.

Порой с матерью случались как будто припадки, появляющиеся, вроде бы, ниоткуда, и она просто неистовствовала, обращая всякую мелочь в неразрешимое событие. Не дай бог, если ты приносил из школы худую

отметку или задерживался на улице с мальчишками, - бурная реакция на подобные «недопустимые» поступки не заставляла себя ждать: она совершенно выходила из себя, вернее будет сказано - входила в свой образ.

- Мама! Не надо, - испуганно взывал я, но она только ещё более разжигала себя, будто отыскивая, по какой-то причине, недостающую ей роль. Поначалу властно взвизгивающий голос у неё вскоре оседал, звучал глухо, и она так же быстро становилась разбитой, впадая в горестное уныние.

Правда, до этого, случалось, успевала порядком исхлестать меня ремнём, не заботясь при этом, что попадает и по лицу, - до такой степени ей становилось дурно. Вероятно, её обезоруживала моя мольба, отчего она и теряла над собой контроль, а меня охватывал страх. Неизвестно, чем всё это могло завершиться?!

Для матери же, кажется, всё происходящее было очевидно: замерев напротив меня, она с каменным лицом, почти незнакомым голосом произносила:

- Ах, до чего вы все выматываете меня... Отправляйся на два часа в угол, и чтоб не поворачивался!

Нет, всё-таки взрослые - странные люди, с горечью думал я, и больше всего, кажется, они не желают знать правду. И почему маме хочется попусту расплёскивать свою и без того хилую энергию, а папа, вроде бы, ничего этого не замечает? Отчего матери приходится говорить мне насмешливым языком обидные вещи, и она, вероятно, даже не помышляет - как мне больно?

Всё это не давало мне покоя, и я начинал потихонечку плакать, упершись лбом в угол. Неудобно было чувствовать себя несогласным с взрослыми, тем более, если они оказываются твоими родителями. Слёзы, конечно, вода, да иная вода дороже крови! И эти слёзы меня очищали...

В детстве, когда меня очень часто ставили в угол, по большей части – незаслуженно, я ещё не понимал, как это благотворно для моей души. И лишь позже, через много лет, осознал: люди всегда будут осуждать тебя за то, чего ты не совершал, даже - в детстве, больно раня твоё восприятие. Ты просто должен научиться преодолевать эту боль и отвержение, никого не раня в ответ и становясь сильнее. Так, ещё с ранних лет, Существование готовит нас к главной цели: к росту сознания и достижению в себе Бога.

Но о многом приходилось думать уже в детстве, и это с каждым разом становилось всё более трудным делом. Всякий ребёнок желает, чтобы и отец, и мать были для него друзьями, и не изображали строгих родителей, даже если стремятся добросовестно исполнять свои обязанности по воспитанию своих детей. Но фальшь, более исходящая именно от родителей, всё же, закрадывается между взрослыми и их ребёнком.

Чаще всего ребёнку не уделяется осознанное внимание взрослых, без постоянно наскучивающих напоминаний и оценок с их стороны, когда они очень внимательно выслушивают своего ребёнка, с любовью вникают в его жизнь, дороже которой для всех нас - только Божественное Существование. Но именно это Существование ненавязчиво и подсказывает взрослому человеку быть всегда самым дорогим существом для своего малыша, чему он чаще всего почему-то не следует.

Я же, устав плакать, только всхлипываю, а слёзы сохнут, и в душе незаметно наступает очищение. Ничего уже, кажется, не страшно, только горечь, затаившаяся в сердце, щемит неотступно - в чём моя вина, и отчего на меня нет-нет, да наваливается эта родительская несправедливость?

Будто записано мне, кем-то свыше, страдать: ни за что ни про что, как бы - впрок на будущее. Побой матери не болят, они только в душе отдаются навечно, и вот я мучаюсь, плачет моя неведомая ещё мне самому душа, исходя слезами.

Ведь я ещё совсем маленький, чем же мог я так омрачить настроение Господа, что Он допускает до меня эти наказания? И только бабушка была мне отрадой...

Жду её, бывало, и как приедет она, обнимет лёгкими и крепкими руками за плечи, прижав к себе, так и разревусь я. А она: «Ну, что с тобой, душа моя, люблю тебя больше всего на свете. За худым пойдёшь – ничего доброго не добудешь... Давай-ка мы с тобой отправимся на вольный воздух!»

И вот, мы уже на этой самой воле, бредём рука об руку: маленький человечек-внук, и его бабушка, прожившая на своём веку всю горесть жизни, и её чудесное самозабвение. Идём тихонечко по цветочному лугу, над рекой, и так счастливо на душе у нас становится, что обращаюсь я со всей душой к родимой бабушке:

- Бабушка, давай в небо смотреть!

И мы ложимся с бабушкой на спину, в траву, и, молча, вглядываемся в распростёршиеся над нами синие дали. Лёгкий ветерок, еле слышно, шевелит нежную листву, где-то вдалеке ненавязчиво и славно распевают птицы, и незаметно мы начинаем ощущать под собою землю, что, чуть-чуть кружа, поднимает нас к небесам. А вскоре уже само небо притягивает к себе так, что мы будто утрачиваем связь с землёй, и вместе с ней пропадает чувство притяжения ко всему, что совсем недавно составляло нашу с бабушкой жизнь.

Какая-то неведомая сила отрывает нас от земли и уносит в пустыню неизведанных небес... А мы и не противимся ей, пребывая в удивительно

приподнятом созерцательном настроении, желая только одного: как бы не нарушить его ни единым движением, даже - мыслью, уповая лишь на беспредельный полёт к тому, что уже не кажется таким недостижимым. Наоборот, оно представляется вполне осуществимым и лёгким, чего мы с бабушкой ещё не переживали, и может быть нам этого и не доставало?

Пролежав так неизвестное количество времени, мы, молча, возвращаемся домой. Идём, взявшись за руки, и ощущаем во всём теле, а главное - в душе, необъяснимое обновление и свежесть, вернее - очищение, какое приходит, когда с души спадает тяжесть, отчего бабушка тихо улыбается, поглядывая на меня. И я тоже люблю её бессловесной любовью, проникаясь неописуемо ласковым и счастливым настроением, веря, что оно будет длиться вечно.

НЕСКОНЧАЕМЫЙ ДЕКАБРЬСКИЙ ДЕНЬ

Будто не набегавшись за весь морозный декабрьский день, что кажется нескончаемым, прильнёшь к разрисованному перламутровыми ветвями папоротника окну, и смотришь, как синий полусумрак превращается в фиолетовую густую пелену, мягко обнимающую дома, деревья, воздух, и захочется опять покататься на своих чудесных снегурках, с визгом режущих глазуревую наледь. Или, прихватив под мышками гулко побрякивающие палки и лыжи, отправиться с ними в серебряный от инея парк, по соседству с твоим домом, чтобы резкий морозный воздух вновь охватил тебя с головы до ног, и, окутанный вырывающимися из рта весёлыми клубами пара, ты бы поспешил утонуть лыжнёй в глубоких пушистых снегах...

Вот что, оказывается, более всего необходимо твоей душе, а именно – окунуться в долгожданную зиму, сбивать палкой со старых кленовых ветвей густой, искрящийся иней, ощущая его холодное прикосновение на лбу и щеках! А ещё с восторгом наблюдать, как отрешённо играют в морозной вышине беззаботные сороки, изредка отливая в лучах заходящего солнца своим зеленовато-синим сумрачным пером...

Но не на шутку разыгравшийся декабрьский день всё-таки клонится к вечеру, хотя тебе совсем не хочется уходить со двора, потому как всё в нём необыкновенно радует. Вот и копошащиеся в кустах акации воробьи никак не могут уняться, шумной стайкой снимаются с заснеженных ветвей, и, тут же, усаживаются прямо в сугробы, возятся, возбуждённо щебечут, тоже, по-видимому, радуясь и чистому рассыпчатому снегу, и своему уютному убежищу под крышей.

Хорошо зимой, несмотря на стужу, пропадать на улице целый день, когда тебя ожидает дома тепло и свет огоньков на новогодней ёлке, и ты знаешь, что праздник этот будет длиться долго, а зима ещё не раз очарует своими серебряными грёзами и солнечными днями. Как тут не забудешь и про далёкое лето, и про школьные уроки, и всё сидишь в полумраке гостиной, у выстуженного окна, и с чувством неизбывной радости глядишь на заснеженный тихий двор и синие тени под деревьями. Век бы длилась дорогая сердцу зимушка-зима, морозное солнце и волшебный сиреневый вечер!

ПРО ГОРОХ, ЧЁРТОВО БОЛОТО И ЮРКИХ ЗМЕЕК

Помню, как проводя лето у бабушки в деревне, мы с мальчишками драли колхозный горох целыми охапками, засовывая его за пазуху, а бегали в ту пору в одних трусиках и майках. Тугие стручки скрипели друг о друга, протыкая острыми хвостиками тоненькую, изношенную за лето материю, отчего горох высывался отовсюду наружу.

Даже молодой горох, поскольку мы не давали ему возможности достаточно вызреть, казался нам очень сладким и вкусным. Лихие налёты на гороховые поля вызывали в нас удивительно приподнятое настроение, поскольку осуществлялись всегда без подготовки, единым наскоком, и колхозный сторож, уже совсем старенький дедушка, бывало, даже палил по нам из ружья, что само по себе уже возбуждало в молодых душах необыкновенно залихватский настрой!

Предстоящая вылазка за горохом всегда волновала нас своей невиданной рискованностью, побуждая таиться, что занимало пуще сладкого гороха, до которого мы были большие охотники. Мальчишки позволяли себе эти дружные набеги только потому, что они полностью захватывали наши души, ибо приходилось идти против запрета взрослых, а что может быть этого слаще?!

Зелёное гороховое поле заполняло моё воображение, хотя саму охапку упругих стручков я держал в руках довольно равнодушно. Занимало именно сочное, салатного цвета раздольное пространство, что воспринималось, как море. Густое, через него невозможно было прорваться, легко увязая в переплетении хрустящих стеблей. Хотелось окунуться с головой в эту зелёную, раскинувшуюся повсюду равнину, одурев от её душистого запаха, и то, что гороховое поле незаметно перетекало на горизонте в изумрудную еловую хвою, ещё более опьяняло.

И ничего, если подпрыгнешь – и ухнешься в самую гущу спелого гороха, так что эта поскрипывающая тугая перина удерживает тебя у самой земли. Кажется, любую кручину заспишь на таком привольном покрывале, но о какой кручине речь, если тебе шесть-семь лет? Душа в гороховой куще, как в бабушкиных варениках лежит!

А поле – дивное, гороховое, молодое, разлеглось во всю свою благодатную ширь, как его не любить? Отдавшись на волю природного лона, лущишь сочные стручки – и горя тебе мало. В детстве всё сладко и гладко, так сладко, что того и гляди, язык проглотишь, а уплетать горох можно бесконечно!

Да только разве сладким досыта наешься? Зато, сладость эта чище совести... У деда – поле, а у нас, мальчишек, воля, мы за него биться не хотим, но ни за что не отдадим! В поле, известное дело, две воли: чья моложе да проворнее, та и возмёт.

Бабушка говорила, что горох не жнут и не косят, а крючат, и мы, не зная, что это слово означает, «крючили» его вовсю, сколько успевали ухватить, потому как завиден горох в поле, и кто мимо ни пройдёт – всяк ущипнёт. И разве его от такой босоногой ватаги убережёшь: ей об этом говорить, что горох в стену лепить! В чистом поле, пусть оно и гороховое, для мальчишки полное раздолье: смотри хоть туда, хоть сюда, – одинаково.

Возвращаясь вечером домой, мы всегда заходили на Чёртово болото. Что «чёрт» за зверь – никто из нас не ведал, но кому не охота поглядеть – какие есть черти на свете? И хоть говорили на деревне: не ходи при болоте – чёрт уши обколотит, а всё равно забредали туда, чтобы полюбоваться на змеек, про что бабушка замечала мне – такая затея до добра не доведёт.

Сама она, по её рассказам, однажды чуть не пострадала от гадюки, что переползла через ногу бабушки, когда она, ещё будучи девочкой, изрядно утомилась на покосе и уснула прямо на траве. Змея не укусила бабушку, благополучно миновала спящего человека, но папа бабушки увидел гадюку и зарубил её косой.

Так вот, на Чёртовом болоте, помимо чертей, в большом количестве водились ужи и гадюки. Болото, заросшее осотом и камышом, по заберегам было так плотно, что по нему можно было ступать, не боясь провалиться. И вот как раз на такие островки переплётшейся болотной травы и выползали змейки, чтобы погреться на солнышке, где мы их и заставляли, свернувшихся в клубок.

Почему-то они не вызывали у нас страха, выглядели как диковинные детские игрушки, и порой я даже позволял себе схватить какого-нибудь зазевавшегося ужа, носил его, вместе со стручками гороха, за пазухой,

изредка доставая и пугая ими девчонок, после чего, конечно, отпускал красивую чёрную змейку в оранжевой косыночке.

В душе после всего этого воцарялось удовлетворение от собственной лихости и соединённости с природой. Солнце быстро опускалось, мой запазушный уж уползал под свою уютную колоду, а я, словно заговорённый и невероятно счастливый, едва успевал засветло добраться до дому, и сразу засыпал, приткнувшись под боком у бабушки, чтобы поутру вновь бежать с мальчишками на гороховое поле или за окунями на деревенский пруд. А как было обойтись в детстве без Чёртового болота, что просто завораживало наше воображение?!

Заросшие багульником моховые кочки и потаённые озёрки в камышах не могли быть для нас неприятельны, если там обитали такие загадочные существа, как змеи. На болоте, конечно, рожь не молотят, но если завидишь однажды, как, ловко извиваясь, плывёт в болотной тряске юркая змейка, сразу понятно, что ей тёплое болото – за благо, и для нас это была, конечно, не беда, а веселье... С чего бы казалось?!

Но как может не заинтересовать безногое животное, обитающее под таинственной колодой, где-нибудь на болоте, что притягивало своими потаёнными запахами и мраком? Пришедший к нам ещё с детства, из сказок, старинный образ змея, который под землёй ходит, олицетворял собой завораживающую тайну, и она несла в себе какую-то лукавую силу: из-под куста шипуля, за ногу тяпуля! Как можно было поддаться желанию ухватить это изворотливое существо, и почему-то не боялось твоё маленькое сердце змеино-го развилистого жала, хотя змея кусает зубами. Верилось, что и змеиные зубы, и устрашающее жало тебя минуют, а откроешь ты в этом неуловимом и липком скольжении змейки какую-то сокровенную загадку, что была для тебя очень важна.

Вряд ли кого-то слово «болото» радует – что-то чавкающее, мокрое и грязное: не хочется в него лезть. Но для мальчишки – это кладёзь открытий: вдруг что-нибудь там, да увидишь?

Ступаешь босиком по покачивающемуся плотному мху, а из-под ног, то там, то тут всплывают болотные пузыри, надуваются, как лягушки, и – уо-ок, уо-ок! Вокруг всё время что-то шевелится, всхлипывает, и неожиданно из камышей как ухнет, прямо над головой, что-то большое, белое: это – цапля! Разве не восхитительно?!

Рядом с тобой взлетает огромная птица, спешно бьёт мохнатыми крылами, стремясь как можно скорее подальше убежать, а ты не можешь забыть её испуганный глаз, косящий прямо на тебя. И вот тут скользнёт по ноге что-то неуловимое, холодное, и ты застываешь от удивления, не успев

отдёрнуть ногу: шелестя травой, бросается в болотную жижу юркий водяной уж. У горохового поля или на лесной опушке такого чуда не застанешь!

Жить вёртко, значит, по-змеиному. Змейка кажется, действительно, неуловимой, её просто так не поймешь: юркнет под корягу – и была такова. Правда, иногда мне удавалось схватить зазевавшееся бойкое существо, не зная – что из этого будет.

Главное, было овладеть им, да только ухватив изворачивающееся скользкое тело, его ещё нужно было удержать! Не успеешь спохватиться – змейки и след простыл: уловки у ужа или медянки будь здоров!

А бывает и так: на сухой колоде, возле самой воды с белыми кувшинками, завидишь свернувшуюся тугими кольцами серовато-бурую гадюку. Змея застыла, будто её не существует, но колючие глазки вспыхивают таинственными искорками, всё замечают. Натолкнувшись на такую большую змею – всё позабудешь, даже покажется, что время остановилось.

А тело змеи, между тем, незаметно приходит в движение, пульсирует, то расширяясь, то опадая, и эта её змеиная способность оставаться на месте, и как будто ползти, завораживает. Гадюка как будто гипнотизирует тебя, усыпляя, но спать не время, ещё столько интересного за день нужно разузнать!

Как-то я даже натолкнулся у озерца с чёрной болотной водою на чьи-то обглоданные кости, и тотчас подумал, что, наверное, где-то неподалёку гнездятся волки. На берегу два пня, и оба сильно обгрызены зверями, а запах такой, что дух перехватывает. Захотелось поскорее миновать это место, но и тогда я сначала всё обсмотрел, даже заглянул в чёрную воду, откуда время от времени вырывались большие коричневые пузыри, отчего длинноногие паучки разбегались во все стороны.

А то, бывает, завидишь ящерок. Они поначалу замрут, будто проверяют – видишь ли ты их, и, выдержав паузу, давай, играть! Любят прятаться под камешками, у самой воды, и когда солнышко припекает – выбирают погреться, опять надолго замерев.

Не сразу и разглядишь, и все - будто разного цвета. Есть коричневые, в крапинку, рыженькие - те особенно вёрткие, а больше – зелёные, что норуют друг дружку обогнать: они всегда на самом виду. И целый день то появляются, то исчезают, когда солнышко за тучками укроется: везде им дом.

Но в руки их брать отчего-то не хочется. Кажется, будто они сторожат на болоте что-то, и если ты, не дай Бог, одну из них за хвостик ухватишь, всё волшебство исчезает. И это - тоже диво!

Скоро я научился различать всех змеек, что обитали на Чёртовом болоте, легко угадывая в них обыкновенного ужа с жёлтыми ушками, водяного, имеющего бежевый окрас, или яркую медянку, что, свернувшись клубком на листике кувшинки, напоминала неведомый болотный цветок. Если попадалась змейка, что сильно блестит на солнце, значит, она уже полиняла, поменяв свою шкурку, тусклая же, с пёстрым узором вдоль всего тела, в возрасте, с ней надо быть осторожным.

Однажды я увидел, как одна такая гадюка, правда, она была вся рыжая, выползла к самой воде и стала пить, поднимая маленькую головку вверх, как это делают птицы. Не в силах отвести от неё взгляд, я даже сначала подумал, что это – не змея. Но гадюка, напившись, опять превратилась в себя, и быстро уползла в тень.

Захотелось тотчас подсмотреть – что она там делает, и я погнался за ней, и заглянул за куст... То, что я увидел - поразило: там было несколько змей, и все они будто перетекали с места на место, вздымаясь надутыми клубками, кажется, готовые вот-вот напасть. И вдруг, посреди этого копошащегося змеино переплетения, взмывается откуда-то изнутри одна приплюснутая голова с трепещущим жалом, чуть отклонившись и пронзив меня острым взглядом, отчего я отшатнулся и замер. Змея закачалась из стороны в сторону, не переставая бочком незаметно перемещаться всё ближе и ближе ко мне, а я не мог пошевелиться.

И тут опять туловище змеи выгнулось – и прямо на меня вот-вот норовит наскочить, а через секунду уже снова по земле вытянулось, но голова также наострена, чуть раскачивается. Я, вроде, ни жив ни мёртв, а страху не испытываю, как будто во сне, и всё больше меня берёт интерес.

Вот и бабушка как-то, причитая, что мы на Чёртово болото всё бегаем, заметила, как бы по секрету:

- Ежели страх однажды к тебе подкрадётся, и поджилки задрожат, ты его не гони: он испуга-то в людях не уважает, и как увидит – кто на тараканьих ножках бегаёт, тотчас его за пояс. Всяк страх для человека хорош, коли тот его примет и не пожелает ему поддаваться.

- В глаза ему посмотрит?

- На трусливого – и уж змея! Может испуг от тебя и отбежит, коли бояться забудешь. Чёрт, что на болоте нашем обитает, конечно, страшает, а Бог – милует.

Я ещё долго вспоминал, как гадюка лакала воду, язык-то у неё длинный, раздвоенный, и потом пристально смотрела мне в глаза, и рассказал об этом бабушке:

- До того, бабушка, хотелось поглядеть на неё, что и страх не держал!

- Болота без чертей не бывает! Но где ж это видано, чтобы с ядовитым аспидом в горелки играть? У такой забавы – больно затейливый ум, далёкого в нём мало. С ним бы только в горохе вашем сидеть, успевай защипывать!

- Бабушка, я ведь аспида этого не забоялся!

- В болоте тихо, да жить там лихо. На все стороны оглядывайся! Тебе это надобно?

- У меня, бабушка, грехов не накоплено.

- Это верно, каяться тебе не из-за чего: твоё дело молодое. Но ты, всё же, обходи это Чёртово болото стороною: чего тебе глядеть в его затянутое тряской окошко?

- Страсть, как интересно что-нибудь открывать. Особенно, как змейки живут! И все такие гладенькие, ловкие: одно загляденье!

- Ох, Борюшка... Экой ты у меня чертознай!

- Мне, бабушка, всё в лесу нравится, а у болота всегда можно увидеть ежей... Цапля там водится: она змеек этих клювом вверх подбрасывает и глотает.

- Господи, Иисусе Христе! И не жалко тебе их?

- Так, видно, всё в жизни устроено.

- Разумник ты мой!

- А змейки, бабушка, такие красивые, переливаются на солнышке. Ровно, как указывают тебе что-то...

- В старину сказывали, будто змеи таятся там, где спрятан клад. Даже сквозь камень проходят, оставляя, будто бы, крупички золота. Жизнь змей связана с подземельем, и оттого они ведают, где лежат самоцветы.

- А ты их видела?

- Куда уж мне!

- Вот бы мне, бабушка, туда?! Я люблю разноцветные камешки...

Верилось, что можно без чьей-либо помощи, самому, познавать окружающий мир: в нём всё для этого имеется, и нужно только жить по-настоящему, как это возможно в детстве, когда тебе всего лишь шесть-семь лет. Замечательно то, что я никогда не был сосредоточен на своей маленькой жизни, а всегда только на той, что меня окружала, и через эту большую, необъятную жизнь постепенно начинал постигать и свою, внутреннюю, оказывается, наиболее ценную для себя.

Отсюда, наверное, и потребность уединиться, играя в какой-то свой внутренний мир, чтобы в нём было и Чёртово болото с цаплями и змеями, и необъятное гороховое поле, скрывающее в себе такую притягательную сладость, и черти – куда же без них! И всё это было чистым и естественным

желанием прикоснуться к тому Божественному Источнику, из которого ты совсем недавно вышел.

А где, как ни в детстве, легче всего заглянуть внутрь себя? И как тут не порадуешься своему прямому счастью! Не теряйте времени, с самого детства становитесь собой.

РЫБЬЯ КРОВЬ

Когда я был маленький, и ещё не пристрастился к лесу, отец старался привить мне любовь к рыбалке, потому как слыл за знатного рыболова. Да он, собственно, им и являлся, чуть ли ни ежедневно принося домой карасей, лещей, налимов и плотвичек, полосатых окуньков и толстогубых линей, щук величиною с полено и изящных хариусов, так что все домашние уже не знали - куда девать эту рыбу?

Но отец не переставал носить её, угощая знакомых и соседей, и при таком родителе мне сложно было не стать рыбаком, хотя бы попробовать рыбную ловлю, и, помнится, одно время я очень загорелся рыбалкой, пропадая вместе с отцом на речке или озёрах целыми днями. До страха любил отец удить рыбу!

С первых классов школы я даже завёл себе тетраточку, куда тщательно записывал каждую, пойманную мной рыбку: её размер, вес, название и полное описание того, на какую снасть, где, и при каких условиях произошло это замечательное событие. Книжечку эту заветную, помнится, открывала запись про налима, длиною аж в десяток вершков!

Лицо у отца сияет, и он торжествующе погрозив кому-то указательным пальцем, с замиранием духа восклицает:

- Услышал меня, Господь, не обманул!

Бабушка, умиленно всплеснув руками, и будто подыгрывая отцу, с улыбкой заключает:

- Уж это, непременно, к благополучию!

Отец же не успокаивается:

- Что и говорить: обрадовал!

А с налима этого бабушка тогда сварила отменную уху. Когда вся семья собралась за столом, отец весело заключил:

- На четвертную с Павлом Ильичём побился, что сынок меня в этот раз переловит, и так оно и вышло. Знатный рыбак будет!

- У нас всё без обману, - с лукавинкой добавляет бабушка. – Посулился, значит, так тому и быть!

На Благовещение и Пасху бабушка всегда пекла рыбные пироги под рисом - с судаком и налиम्бей печёнкой, накрывала их полотенцами - «отходить», и пироги источали по всему дому такой сладкий дух, что кружилась голова. Не передать этот запах, помню его и сейчас, и сразу вспоминается наш деревянный дом, весна, и руки бабушки, пахнущие стряпнёй. На ней, как всегда, фартук, платок, рукава платья засучены по локоть, и она весело восклицает:

- А как солнце-то с нами играет... Гляди в небо: самая, что ни на есть, божница!

«В нём рыба кровь», - говорили про отца, но не оттого, что у него будто бы холодное сердце, а по той причине, что без рыбалки он не прожил бы и дня, отдавая ей всю душу. Рыбалка для него была Царь-Государь, всему голова!

Отец, кажется, из собственного кармана удил, и когда у других рыбаков садки пустовали, у него - завсегда улов! Он как, вроде бы, знал какой-то рыбий секрет, никому его не выдавая, всё больше помалкивал, про себя улыбаясь, и очень любил оставаться на реке один, а если и брал с собой меня, то редко, и потому я хорошо помню все наши совместные ужения рыбы.

Честно признаться, у меня никогда не хватало терпения долго сидеть у пруда, в напряжении склонившись над удочками, как это делал отец. Он мог сидеть так хоть весь вечер или утро, и ничего, но меня вскоре тянуло побегать, рассмотреть всю лесную окрестность, а глядеть, не отрываясь, на неподвижный поплавок мне быстро надоедало. Вот если бы придумать какой-нибудь иной способ, вытягивая рыбу на берег без утомительного ожидания!

Так вот, постоянно наблюдая в своей жизни эту захватывающую страсть отца, коей он совершенно искренне отдавал львиную долю своего времени, с самого детства, я уяснил для себя неожиданно очень важную вещь: коли живёт в твоём сердце любовное пристрастие к какому-либо делу - тебе не сложно почувствовать себя счастливым человеком. Отец, по-видимому, и ощущал себя им, он не мог представить свою жизнь без рыбной ловли, этого азарта, затмевающего собой всё остальное, и можно честно сказать - поклонялся рыбалке.

Об умении удить, он, несомненно, знал всё, часами просиживая на кухне за паянием мормышек и блёсен. Пробовал даже изобретать нечто новое, отправляя свои догадки в рыболовные журналы, и очень переживал, если ему отвечали отказом. Кажется, чего проще: взял удочку, накопал червей, и

отправляйся на речку, захватив с собой кусок подсолненного хлеба, и так и было в его босоногом детстве.

Но с возрастом отец стал понимать об ужении рыбы более тонкие вещи. Например, как насадить червя, чтобы он выглядел естественным, выбрать на берегу самое верное место для ужения, приметить нрав, присущий только этой рыбе - голавлю, лещу, либо плотвичке. А ещё нужно обладать проницательностью, будто погружаясь под воду и становясь рыбой, и в этом отцу не было равных.

Он, действительно, умел угадывать поведение рыбы в зависимости от времени года: заря это или закат, и какова сегодня на дворе погода. Ведь удивительная жизнь обычно проходит между нами, чаще всего мимо или сквозь наше существование, между тем, присутствуя повсюду, чего бы это ни касалось, в том числе - и рыбной ловли. А уж беспокойства в жизни настоящего рыбака хватает!

Простая истина: под лежащий камень вода не течёт, как раз гласит об этом. Так вот, нужно просто углубиться в существующую жизнь, сделать её своей, относясь к ней с большим вниманием, достойно, чего она, несомненно, и стоит, и тогда вам откроется чудесный источник, и пить из него можно бесконечно. Это нескончаемое волшебство, конечно, украсит вашу жизнь, сделает вас сильнее, а всего-то следует лишь решиться жить интересно, как вы этого заслуживаете, отыскав любимое дело. Мы все с детства наполнены этой решимостью - непременно быть красивыми и счастливыми, и отец всегда ощущал себя им, когда оказывался ранним утром на берегу речки или потаённого озера, с головой погружаясь в лоно нашей дорогой сердцу, русской природы.

Отец был мастер вылавливать отборных рыбин, однажды привёз целый таз первосортных красавцев-карасей, что были ещё живыми, сияя золотом на солнце. Таз стоял посреди кухни, на полу, и я замирал возле него, замороженный красотой рыб.

Почему-то невозможно было представить их там, под водой, среди изумрудных водорослей и тёмно-синих перловиц, а вот здесь, на кухне, в эмалированном тазу, караси воспринимались совершенно естественно, будто освещая собой приевшуюся домашнюю обстановку. Но скоро бабушка зажарит их в сметане, и они сделаются совсем привычными, даже родными: рыбы у нас дома, благодаря отцу, было всегда в достатке!

Отец никогда не находил слов, чтобы рассказать - как ему удаётся вылавливать такую прорву рыбы, только молчал, посмеиваясь, может быть иной раз обронит:

- Знатное дело прихватить этих шельмецов... Погляди, как играют!

Я смотрел на поблескивающих в тазу карасей, и не находил слов, чтобы выразить внутренний восторг, а караси вдруг возьмут, да как начнут переворачиваться, бьют хвостами, жадно шевелят жабрами, что поразишься силе природы, и отчего-то радостно засмеёшься.

Рыбалка для отца была заведена как священнодействие. В кладовке у него покоились разные удочки, сетки, и даже - резиновая лодка, но более всего отца занимали блёсны, ради них он готов был просиживать в своей коморке или на кухне целыми вечерами, и лучше было его в такие минуты не беспокоить.

За банькой у нас в деревне как-то по-особенному отдаёт парным духом от навозной кучи, заросшей крапивой, и мы обычно с настроением принимаемся с отцом подкапывать червей. Они лениво извиваются на лопате, но когда попадают в банку - сразу оживляются, как будто догадываясь - что им уготовлено. В голову ударяет прелым ароматом, свежей зеленью, ведь стоит июль, день движется к вечеру, и мы с отцом собираемся ловить хариуса на «кораблик».

В такой рыбалке я почти не принимаю участия, всем заправляет отец. Поначалу он заводит сколоченные из двух досок «саночки» как можно дальше от берега, насколько это возможно, и ведёт их вдоль него на толстой лесе, от леси по поверхности воды в проводку пущены поводки с «мушками», и нужно, чтобы они «играли», привлекая чуткого хариуса.

Сложность такой ловли заключается в том, что берег неровный, попадают выбоины, заросли кустарника, и приходится умело обходить эти препятствия, не позволяя «мушкам» сильно углубляться или повисать высоко над водой. А тут ещё я, находясь постоянно рядом, прихватываю отца то за рукав, то за карман пиджака, и отец, еле сдерживая себя, воодушевлённо заверяет:

- Погоди, враз словим шельмеца! Как он нас ни путай, а божья воля всё распутает: Господь – с нами!

Ловить хариуса на «кораблик» необыкновенно увлекательно, и эта весёлая снасть становится уловистой, когда появляются стрекозы и бабочки, витающие над водой. И потому на течении приманки, свисающие с леси, выглядят совершенно естественно, и рыба не замечает никакого подвоха, обычно мгновенно реагируя на плывущих «насекомых».

Сбиваясь, как и я, с шагу в скрытых травой ямках, отец заметно волнуется, наверное, желая отличиться передо мной, но хариуса не так просто перехитрить, и он, должно быть, наблюдая за нами из-под воды, только посмеивается.

- У-у-ух! - в возбуждении вскрикивает отец, заметив, как крупный хариус, промахнувшись, выпрыгивает высоко из воды, и, блеснув в лучах заходящего солнца пунцовым боком, с шумом плюхается обратно. - И показал Бог, да не дал!

Я тоже в восхищении подпрыгиваю, взмахнув руками, но красивой рыбки след простыл, как будто её и не было, и всё начинается заново, с надеждой, что какой-нибудь хариус прихватит нашу приманку.

А день незаметно потухает, румяное солнце лениво клонится к западу, и мы бредём с отцом по пояс в шелковистой траве, не говоря друг другу ни слова, и думаем о том, как хорошо сейчас, наверное, хариусу в его родной стихии. Мы даже немножко рады тому, что он остался на свободе, в тихо струящейся чистой реке.

- Ну, удружил денёк, - еле слышно произносит отец. – До чего всё хорошо было! А хариус пусть ещё погуляет...

И я тоже тихо радуюсь этому обыкновенному счастью нахождения у реки, в малиновых отсветах июльского тёплого вечера, каждой клеточкой тела проникаясь раскинувшимся повсюду роскошным летом, и чувствую себя необыкновенно счастливым.

Бывает, отец натаскает за утро полное ведро серебристо-фиолетовых хариусов! Когда успел? Я ещё и не проснулся, а он уже несёт с реки драгоценный улов.

Хариусы уже издали источают тонкий огуречный аромат, кажется, даже ещё более свежий, чем когда их только вытаскиваешь на берег, до такой степени они изящны, чисты, и выглядят всегда необыкновенно, ни как другие рыбы - подлещики или голавли. Хариус имеет какой-то свой, присущий только ему свет, исходящий изнутри, нежную серебристость, и, конечно, запах. Он очаровывает этой своей тонкостью и чистотой, и не хочется ни жарить рыбу, ни солить, лишь любясь на стройные плотненькие тела, нежно прижавшиеся в ведре друг к другу.

Когда отец вываливает их в траву, под навесом, они ненадолго оживают, но, ни как окуньки, подпрыгивая и переворачиваясь с боку на бок, а с ленцой, тотчас замирая. Хариус, в отличие от других рыб, представляется почему-то более вольным, всегда нацеленным в самую стремнину реки, но, оказавшись на берегу, эта его свобода быстро иссякает.

Присев на корточки у рыбин, я осторожно дотрагиваюсь их нежных сиреневых боков, и не могу отвести взгляд. Бабушка скоро соберёт их и нажарит к завтраку, и хариус будет издавать уже совсем иной, не менее притягательный аромат.

Ещё мне очень нравилось удить с отцом по весне юркую рыбку уклейку, или - «щеклею», как её называли знатные рыболовы. В Чёрных озёрах, неподалёку от города, она водилась в большом количестве. В солнечную погоду всегда хорошо было видно, как эти серебристые рыбки снуют на небольшой глубине, посверкивая изящными телами, что на ощупь всегда казались шелковистыми.

Длиною в ладошку, рыбки эти были необычайно жирны. Но более всего захватывало их ужение, когда они клевали бесперебойно, одна - за одной, и если вам по нраву такая добычливая рыбалка, то редко случается, чтобы она вам скоро наскучила: уклейка не даёт крючку с наживкой опуститься на дно, мгновенно схватывает добычу, и ... оказывается в ваших руках.

Одно удовольствие удить эту вездесущую весёлую рыбку, что охотно берёт на любую приманку, налетая на неё с разбега и, в мгновение, утаскивая поплавок под воду. Клёв её молниеносен, и нужно не зевать подсекать стремительную уклейку, с такою же быстротою извлекая рыбку на поверхность, где она вёртко извивается на крючке, посверкивая своей серебристой спинкой. Чудо, а не рыбка, что необыкновенно приятна в вяленном виде!

Запомнилась ещё ловля лещей на донку с плотов. Плоты, связанные меж собой, загнали в залив, чтобы тянуть потом длинной кишкой по реке, и рыбаки сразу облюбовали их. Заберёшься подальше от берега, перепрыгивая с одного бревна на другое, где уже большая глубина, отыщешь в них окошечко, и рыбачь.

Поначалу было немножко страшно, если плоты разойдутся, я провалюсь с головой под воду, и плоты надо мной сойдутся, а потому ходил по ним осторожно, стараясь не оступиться. Даже про лещей забыл. Но потом, глядя на отца, обвыкся, и вскоре, когда у лещей начался клёв, а вокруг зазвенели колокольчики, и вовсе оправился.

Обычное удилище при такой рыбалке тут ни к чему, достаточно коротенькой донки с колокольчиком. Немного повыше крючка с насаженным на него червяком, на лесе подвязывается поводок с пружинкой, в неё заминается каша для приманки, и опускается на дно. Лещ, почуяв запах каши, замечает извивающегося червяка и заглатывает его, колокольчик тотчас даёт знать об этом, и остаётся только подсечь неповоротливого обитателя речных глубин.

На плотях рыбкой пахнет, этим самым лещом: раздольно, свежо, ударяя в голову. И, кажется, что и смола от брёвен отдаёт рыбьим вкусом, и вода, ровно уха, только холодная, не разогретая, но крепкая своей весенней

ядрённостью. Нюхаешь, вдыхаешь воздух у реки, и голова идёт кругом: до того хорошо, не знаешь, за что взяться!

Отец, знай, налаживает донки, улыбается про себя, а я сижу рядом с ним, на корточках, и наблюдаю, как он наминает кашу для прикормки леща. Свет только занимается над рекой, отец зачерпывает пригоршней холодную воду, и брызгает себе в лицо: «бры-ы-ы!» Я тоже умываюсь, сна - ни в одном глазу, сейчас начнётся рыбалка!

Дышит река, мерно покачиваются на ней плоты, хлупает под ними вода, и где-то там, в прохладной темноте, «пасутся» у дна толстобокые лещи. Светятся, наверное, тусклым серебром, ведут на самой глубине неведомую жизнь. Рыба своё знает, а отец знает рыбы повадки лучше всех!

Обычно увесистый лещ ведёт себя смирно, когда ты постепенно вытягиваешь его, будто там никого и нет. Но у самой поверхности лещ, что есть мочи, начинает изворачиваться и вилять серебристым боком, а когда оказывается наверху, принимается плясать на брёвнах, да такой широченный - с лопату, так что его и не прихватишь. И всё норовит поближе к окошечкам в плоту подобраться, чувствует воду, вот-вот удержит!

Жалко, конечно, упустить такого весового леща, и я прыгаю за ним по плотам как лягушка, пытаюсь прихватить за скользкие бока. Но лещ не даётся, замрёт на какое-то время, будто последних сил лишился, а как только к нему подберёшься, опять начинает изворачиваться с боку на бок, ни за что его не ухватишь!

Да это и не мудрено, если он таким большущим вымахал: посмотреть на него, когда лещ спокойно лежит, так всё равно, что бабушкина сковорода. Но встречаются, говорят, и ещё больше, чуть ли ни с самовар! Его-то уж точно не удержишь, как ни старайся, да мне бы хоть с этим справиться.

Наконец я леща одолеваю, упав на него и прижав к брёвнам, так что ему некуда деваться. Но даже подо мной он тяжело вздыхает, упираясь мне в грудь, а потом затихает, и когда я выпускаю леща в садок, то он опять начинает метаться, жадно шевеля толстыми губами. Вот какой живучий!

Широкая округлая фигура леща отличает его от других речных обитателей. Дедушка рассказывал нам с отцом, что в старину попадались лещи длиною в аршин и весом в полтора десятка фунтов. Трудно вообразить себе такого экземпляра серовато-серебристого цвета, с толстой тёмной спиной, с белёсыми глазами, имеющими чёрные зрачки, скорее, представляющего нечто уродливое, чем привлекательное, да и водятся ли сейчас подобные чудища?! Чаше попадаются лещи весом в кило, но и те большая редкость, а более всего - так называемые подлещики.

Охотнее всего, заверял отец, лещ берёт на навозного червя, или на распаренный горох, преимущественно в тихих и глубоких заводях и заливах, и ловля лещей с плотов наиболее удобна, когда приходится их вываживать. Очень крупные берут редко, но вот среднего размера можно ловить в изобилии, за утро - несколько десятков.

Причём, лещ всегда хватает наживку без церемоний, но бороться долго не в силах, и в скорости утомляется, всплывает покорно, и его лишь необходимо ловко подхватить у самой поверхности сачком. Весенний клёв лещей, поутру, обычно обилен, и нередко скоро даже приедается, если рыба не сопротивляется и выходит послушно.

Но на наших лещей я не мог нарадоваться, совершенно потеряв голову от весёлого перезвона колокольчиков, запаха рыбы, выпученных глаз оказавшихся наверху горбылей, что, наверное, недоумевали: чего это с ними произошло? Конечно, в сравнении с другими рыбами лещ достаточно костлявый, попадается рыбка и слаще, отменным на вкус считается он только в вяленом виде, либо - в ухе, и всё же необыкновенно приятно вытягивать здоровых рыбин, восхищаясь их ошеломляющей доступностью. И таких ломовых лещей мы тогда с отцом наловили целую дюжину, еле до дому донесли, а по дороге домой даже подумалось, что я теперь уже не маленький!

ЧЕРНИЛА

Порой случается так, что даже в детстве тебе становится скучно. Папа - на работе, мама гладит бельё на кухне, бабушка не приезжает, потому что болеет, а на улице - с утра зарядил дождик.

Все игры порядком надоели, и кажется, что ничего уже невозможно придумать. Пробеуешь заняться рисованием, но всё-таки опрокинешь стаканчик с краскою, и вымажешь в ней все пальцы, после чего уже нет интереса продолжать начатое дело. Скучно!

Очень ловко было бы сейчас погонять по двору на самокате, но на улицу не пускают. Если только опять рассмотреть картинки в папиной книжке про животных, читаю я ещё плохо, потому что только пошёл в первый класс, и, вытащив тяжёлую книгу из шкафа, усаживаюсь с ней на диван.

Бой настенных часов отвлекает моё внимание, и я начинаю считать им в такт, позабыв про чтение. Воображение незаметно уносит меня в прошедшее лето, когда я гостил в деревне у бабушки, и мы с папой ловили в

пруду, под мельницей, юрких пескарей. Но и об этом думать уже не интересно, потому как лето не вернуть, на дворе - осень. Чем бы заняться?

Может быть, пойти к окну, и, забравшись на подоконник, посмотреть - что делается на улице? Дождик, оказывается, кончился, и крупные капли, сорвавшись с крыши, гулко расшибаются о железные карнизы. В такую слякотную погоду и без дождика носа из дому не высунешь.

Минуту я стою на коленях, прижав лоб к холодному стеклу, и разглядываю, как наш сосед дядя Костя, что живёт этажом ниже, возится на балконе с цветочными горшками. Дядя Костя очень строгий, он - военный, и я всегда встречал его в форме со звёздами и в начищенных до блеска сапогах, а тут он - в полосатой пижаме, на голове у него, оказывается, лысина, сверху всё очень хорошо видно, и мне вдруг становится весело. И вот, я замечаю на нашем балконе трёхлитровую банку с чернилами...

Отношения с этими чернилами у меня сразу как-то не заладились... То на уроке правописания, как бы я ни старался, заведу в тетрадке обидную до слёз кляксу, то сосед по парте, известный в классе задира, на перемене запустит в меня тряпкой, предназначенной стирать с доски написанное мелом, и она, вырвавшись у него из рук, угодит прямоком на мою чернильницу, чего я впопыхах не замечаю и швыряю обратно, в стену, отмывая её потом в течение двух оставшихся уроков от огромного чернильного пятна. Да ещё родителей вызывают в школу, и они очень сердиты за это на меня.

Но заметив на балконе банку с чернилами, всё худое, что было связано у меня с ними, куда-то улетучивается, и я вдруг представляю, как будет здорово опрокинуть их ... на лысину своего соседа! Чего только не придёт в голову семилетнему сорванцу, не терпящему скуки, а то, что может случиться после - пустяки, главное - захватывающее дух действие!

Ведь дети не смотрят на то, что подумают о них взрослые, и учиняют всё на собственный, по их разумению, неповторимый лад. Я даже почувствовал в себе гордость от задуманного, и мне стало смешно: скуки как не бывало!

Смех смехом, а дело делом, хоть оно и чёрное, да разве в детстве без задора обойтись? Тихонько отворив скрипучие двери, чтобы не слышала мама, я оказываюсь на балконе, и взглядываю через перила. Лысина дяди Кости светится прямо у меня под носом так притягательно, что сразу захотелось сотворить с ней что-нибудь этакое, и банка с чернилами, которую припасли мне родители на весь учебный год, самое подходящее для потехи средство.

В молодую голову даже не приходит, что может последовать за тем, как я окрещу своего соседа чернильной жидкостью, да только сорвиголова не живёт спустя рукава: никому спуска не даёт! Ведь не мог я, неугомонный мальчишка, поддаваться скуке, когда душа игры требует, а она у меня тогда взаправду пошла. Но бывает, что не только чернила пишут, пишет и горячая слеза.

И вот, обхватив банку обеими руками, как ни как - три литра!/, нацеливаюсь я на злополучную лысину дяди Кости, и опрокидываю на неё всю эту черноту, так что самого жуть берёт: и смех и горе!

«Парень растёт озорником, ну, да молод ещё, что с того? - заверяла всех потом моя бабушка. - Лучше слыть озорником, чем непроходимым дурнем!» Внизу же на какое-то время воцаряется тишина, но вскоре весь подъезд приходит в движение: исчернил-таки, оголец, соседа перед людьми! Что-то будет?!

Как потом оказалось, очень не просто жить так, чтобы не выходило чепухи. Это, быть может, и не трудно, если всё у тебя в жизни складывается хорошо и правдиво, ты - послушный мальчик.

Ну, а если ты - удалец, что отчего-то с самого детства никому и ничему не даёт спуска? На всё готовый сорвиголова, что живёт спустя рукава, и какой-либо страх ему – копейка? Когда в тебе столько задору, что ты ещё не в силах отказаться от неудовлетворённости происходящим, ведь озорничать в детстве, ты убеждён, не беда, и ты, конечно, не думаешь, что твои поступки могут плохо отразиться на окружающих людях?!

Вот тогда, чаще всего, и приключается какая-нибудь несообразность, словом, ерунда, если ретивость в тебе верх берёт, а мочи нет. Но задор в молодые годы силы не спрашивает, и нужно, как раз, научиться принимать любой поворот событий и радоваться простым, самым обыденным вещам, получая от их существования именно удовольствие. И никак иначе, потому что простое Бог любит, а худое не исправишь уже никакими словами, и оно на всю жизнь остаётся с тобой. Помните об этом!

ЖАЖДА

Где-то в самой глубине памяти осталось у меня отрывочное воспоминание о том, как я лет в семь напросился к отцу на утиную охоту, летом. А запомнилось из всего этого дня на всю жизнь только одно: моё до крайности худое самочувствие из-за ужасной боли в животе, я даже, помнится, потерял тогда сознание.

По-видимому, оставить меня было не с кем, и отцу, как ему этого и не хотелось, пришлось-таки взять на себя присмотр за мной. Обузу эту он взвалил на свои плечи в полной мере, ибо вместо стрельбы по уткам, был вынужден ухаживать за непутёвым сыном, напившимся из болота воды.

Августовский день, надо сказать, выдался жарким, солнце с самого утра пекло как в июле, и я изо всех сил пытался бороться с жаждой, не решаясь своей просьбой побеспокоить отца, дабы, не дай Бог, не расстроить его, отвлекая от выслеживания дичи. Вся вода осталась на стане, в машине, мы не рассчитывали, что день так разгорится, и вместо того, чтобы наслаждаться происходящим, находясь в ожидании прилёта уток в шалаше, ещё загодя сооружённом отцом из камышей, я терпел, думая лишь об одном: как бы поскорее напиться!

Чувствуя, что со мной что-то происходит, отец, нахмутив брови, строго посматривал на меня, затем опять устремляя всё своё внимание к небу. По всему видать, ему очень хотелось поохотиться на уток, а моё надоедливое присутствие вовсе не входило в его планы. Я чувствовал, что отцу от этого очень досадно, и он ничего не может поделать: не бросать же всё, отправляясь назад, к стану!

Припоминаю с трудом, как я всё-таки решился потихоньку покинуть шалаш, пока отец прицеливался в очередную утку. Когда мы шли утром по пружинящему под ногами моховому ковру, и от его зыбкости замирало сердце, я всё-таки заметил, что тут и там нет-нет да появляются окна, словно накрытые чёрным стеклом, и я подумал вернуться к одному из них.

Подойти к краю такого «окна» было страшно: а вдруг моховой ковёр закачается, прогнётся под ногами, и ты сорвёшься в эту тёмную болотную бездну? Оступишься в какой-то миг, и всё будет кончено. Но пить так хотелось, что я, осторожно подобравшись к такой дыре, лёг на живот, растопырил широко руки и ноги, и пополз, а когда подобрался к самому краю и заглянул в эту черноту, то даже голова закружилась, и день сразу померк. Что-то там, внизу?!

Быстро, как козлёночек, я прильнул к вяжущей пахучей воде, и стал жадно глотать эту тёплую неведомую жидкость, после чего, поначалу, вроде бы почувствовал себя легче. В какой-то миг мне вдруг показалось, что чёрное водяное окно становится всё уже, оно на глазах сжимается, ладони у самого края легко провалились в воду, и я отпрянул от околдовывающего трясиного окошка, через мгновение опять почувствовав жажду.

В желудке что-то забулькало, словно вода переливается, заклокотало, и потянуло поскорее возвратиться в шалаш, к отцу. Ещё, помнится, пронзила мысль: а если отец узнает - куда и зачем я ходил? Будет тогда дело...

И, между тем, где-то в глубине души, не давал покоя чёрный мир таинственного болота. Кто обитает там, на его дне, и есть ли оно вообще?! Эта неведомая глубина болота так завораживала, что воображение ничего не рисовало, кроме густой темноты.

В шалаше нестерпимо парило, летали мухи, и уже через полчаса живот схватило так, что выступили слёзы, пот ручьём лился со лба, а тела я не чувствовал. Резь пронзила его с макушки до пят, к горлу подкатилась тошнота, солнечный радостный свет затмила неизвестно откуда взявшаяся немощь: одна голова на плечах, да и та на ниточке!

Отец склонился надо мной, потрогал лоб, и нахмурился:

- Было бы болото, а черти будут, - еле слышно произнёс он. - Обколотят они нам с тобой, сынок, уши.

В таком отрешённом беспамятстве оказался я в этот жаркий августовский день, что поначалу намечался в воображении только радостным, непременно приносящим открытия, а вот как всё обернулось. И это в детстве, в семь лет, когда слово «забывчивость» не существует, потому, как каждый миг воспринимается в нём с восторгом.

И всё же до сих пор вертятся в голове неясные воспоминания, отчего-то не дают тебе покою даже сейчас, в зрелом возрасте, и ты понимаешь, что правды, пронизывающей всю нашу жизнь, позабыть невозможно. А правда была заключена в том, как любил меня, несмотря ни на что, отец, заботился, и в этой заботе забывал, конечно, самого себя, свои маленькие радости, что были для него, наверное, очень важны. А он отдавал себя мне, но плохо жить без забот, хуже без доброго слова.

До сих пор неловко мне перед отцом за испорченную для него охоту, и хотя отца уже давно нет в живых, это ощущение вины никак не проходит. Я словно вновь оказываюсь в том августовском дне, сидя под палящими лучами солнца в камышах, с пересохшим ртом преодолевая жажду, и чувствую, как мешаю ему.

А ещё мне видится, как отец несёт меня на руках, уже совсем осоловевшего, с жаром во всём теле, и я почти ничего не чувствую и не слышу. Угадываются лишь его крепкие руки, к моему лицу прикасаются тёплые листья какой-то неведомой травы, в голову ударяет тяжёлый болотный дух, и уже почти потерявшего сознание, отец бережно укладывает меня на заднее сиденье газика.

- Ну и влетит тебе, Михалыч, от Маргариты Борисовны, - с доброй усмешкой замечает Сергей Иванович.

Отец же только горько улыбается, а я про себя, как в тумане, всё же сгораю от стыда. Прости меня, дорогой мой отец, за принесённую тебе неудачу!

В ПЕРВЫЙ КЛАСС!

Как это чудесно – проснуться с новой мыслью, что сегодня тебя будут провожать в школу, в первый класс! Мечта об этом полностью захватывает всю твою душу. Взрослые намечают осуществить эти проводы прямо в детском саду, ты - выпускник старшей группы, но только после того, как будут вручены подарки. Ты уже не детсадовская мелюзга, а ученик первого класса!

Открывающиеся по этому поводу неизведанные радости начинаются с самого утра, когда бабушка готовит для тебя новый вельветовый костюмчик, блестящие ботиночки и белоснежную сорочку: все дети должны появиться в детском саду в той одежде, в какой завтра отправятся в школу. Иметь собственные книжки, цветные карандаши с красками, кисточки и пенал, - твоя прямая и радостная обязанность, всё это должны преподнести тебе сегодня.

А ещё ты станешь обладателем пахнущего кожей и будущими познавательными уроками ранца, что так приятно поскрипывает и щёлкает блестящими замочками! В него будут сложены и пенал, и краски с карандашами, и букварь, по которому ты вскоре выучишься читать, начнёшь вырисовывать красивые буквы и цифры, почувствуешь себя взрослым. Разве это не удивительно!

Только открыв глаза, ты уже предвкушаешь, каким восторженным выдастся этот день! Сердце твоё бьётся радостно, оно говорит тебе, что лучшего счастья, чем отправиться в школу, не отыскать.

Конечно, в школу берут, когда исполняется семь лет, и, наверное, ничего страшного нет в том, если твой день рождения приходится на октябрь: тебе не хватает всего каких-то полтора месяца! Никто и не обратит внимания на такую глупость. Ах, как хорошо, прямо с утра, облачиться в тёмно-коричневый новенький костюмчик и сверкающие на солнце ботиночки!

Но прежде, чем выйти на улицу, нужно помчаться в гостиную, полюбоваться на себя в большое бабушкино зеркало, блестящими от волнения глазами вглядываясь в своё отображение. Нет, непременно день выдастся прекрасным!

Поскорей бы уже оказаться на этом торжественном празднике, навсегда прощаясь с наскучившим детским садом. Радость со смешанным нетерпением переполняет всего тебя, кажется, точно так же волнуется и бабушка. И вот мы, взявшись с ней за руки, идём на долгожданное торжество по усыпанной кленовыми листьями дорожке!

По пути в садик, ты то и дело приплясываешь и звонко вскрикиваешь, так что воробьи весёлыми стайками бросаются в стороны, голуби же возбуждённо воркуют, кособоко перебегая под ногами, и бабушка, совсем не сердито, а ласково замечает:

- Перестань, голубь, будет тебе.

Ты же только радостно подпрыгиваешь и изо всей силы ударяешь обеими ногами в асфальт:

- Не перестану!

- Полно, родной мой, - улыбается бабушка. - У меня для тебя сегодня тоже есть подарок.

На мгновение ты забываешь о предстоящем празднике, он уже не кажется тебе таким замечательным, и ты пронзительно вглядываешься в лицо бабушки, но она будто не замечает тебя.

- Потом, - успокоено заверяет она. - Вот как вручат тетрадки с учебниками, будет тебе отрада, а моя услада - в тебе, милый. В один день и по две радости, оказывается, живут!

В садике тебя сразу окружают такие же нарядные дети: девочки - в белых передничках, мальчики - в костюмчиках, радостней этого дня, кажется, и не бывало. Все малыши невероятно довольны тем, что им предстоит: мудрёному знанию учиться страсть как хочется!

Не передать, как билось сердце в предвкушении того, о чём мечталось всё последнее время. Тоже самое, наверное, переживали и остальные ребята: они были такие восторженные и милые, всем хотелось поскорее получить долгожданные подарки, чтобы, наконец, отправиться с ними в школу, аккуратно разложить на партах сладко пахнущие типографской краской книжки, отточенные карандаши, жадно ловя каждое слово своего первого в жизни учителя.

Как чудесно, наверное, узнавать неизведанное, тянуться к тому, что так увлекательно и завораживает открывающейся новой жизнью. Какой она может быть захватывающей, стоит только отворить двери школы!

С нетерпением ожидал я того момента, когда свет знаний откроется и для меня. Надежды мои представлялись безоблачными, в этом не оставалось никаких сомнений, и разве мог я предположить, что самое радостное событие детства будет омрачено участливым обращением нашей воспитательницы к

тем малышам, кому ещё не исполнилось семь лет: им предстоит сесть за парты только на будущий год!

От этой пронзившей сердце неожиданности я замер, в голове помутилось, и лёгкие, кажется, сдавило от недостатка воздуха, так что откуда-то из глубины всего моего существа уже готовы были вырваться нестерпимые рыдания. Но когда я взглянул на свою соседку - близорукую девочку Ларису, то сознание моё несколько прояснилось. У неё день рождения приходился даже на сентябрь, а её всё равно не взяли, и хотя мы крепились, но выглядели из всей группы, должно быть, самой сиротливой парочкой, трогательно притихнув в уголке.

Невозможно было выразить всех наших переживаний! Это был совершенно неожиданный удар для маленьких детских сердец, могли ли мы удовлетвориться таким невыносимым выбором взрослых, попытавшихся загладить свою вину лишь двумя коробочками пластилина?!

Переболевали мы своё горе отчаянно, понутив головы, и я только сжал рукой ладошку подруги по несчастью, словно пытаюсь вернуться к заветной мечте, что так завораживающе пленяла нас весь этот день. Как было найти слова, чтобы успокоить наши растревоженные души?! Совсем недавно теплящаяся в них надежда иметь собственный ранец с красочными книжками, пеналом и тетрадками в мгновение разрушилась, и это представлялось непереносимым, особенно - в детстве.

Сердце подсказывало мне, что у всех на глазах совершается великая несправедливость: нас с Ларисой незаслуженно лишают счастья! Но тут надо мной склонилась бабушка, она никогда не баловала меня, и твёрдо произнесла:

- Ну, хорошо ли это, милый мой, что ты этак разнюнился?! Подумаешь - ранец не вручили, а я его тебе на будущий год сама подарю, со всеми принадлежностями!

- Ты только сейчас так говоришь.

- И сейчас, и потом скажу. Раз решено, значит, так и надо сделать. А пока мы с тобой будем учиться грамоте, чтобы ты от товарищей своих не отставал.

- Правда?

- Отче наш, иже еси на небеси, не иначе!

- И как читать покажешь?

- Непременно покажу. Вот завтра и начнём, ежели пожелаешь.

- Поскорее бы завтра, бабушка!

- Мы с тобой придумаем отличную игру: я буду твоей дорогой учительницей, а ты - моим любимым учеником.

Сердце бабушки, в угоду мне, неудержимо рвалось в детство, глаза её, поверх очков, светились весёлыми огоньками, и я понял, что никто, кроме меня самого, не утолит моей душевной боли. Благо, у меня ещё есть любимая бабушка, и я решил ни в коем случае не сдаваться.

Да и слёз уже не хватало ни у меня, ни у моей подружки: так глубоко мы отдались своему детскому горю, с которым не сравнится, наверное, ни одно горе взрослого человека. К тому же, бабушка в этот день преподнесла мне чудесный перочинный ножик с пятью лезвиями, и всё опять вернулось к нашей обыденной жизни, что представлялась, конечно, по-прежнему необыкновенной, и, слава Богу!

ЧТО ТАКОЕ БУДУЩЕЕ?

В детстве, порой, жизнь бывает так хороша, что совсем не хочется приниматься за приготовление скучных уроков!

- Как много ты знаешь! - бывало, замечу я бабушке. - Как тебе удалось всё это отгадать?

- Какой ты забавный, голубь, - ласково ответит бабушка. - Ведь это не мои фантазии, а чудесная жизнь!

- Тогда скажи, что тебе в ней больше всего нравится?

- Глазки твои ненаглядные, носик, и вихор. Тербила бы тебя за него весь день!

- Разве это может нравиться? Ты придумай что-нибудь важнее.

- Ну, если совсем серьёзно, то прижимать тебя к груди люблю. Ах, если бы ты знал, милый, как я тебя люблю!

- Больше всех?

- Одинаково. Как и твою маму, и папу, и свою сестру бабу Женю, но тебя, глупый ты мой, пожалуй, пуще других. Счастье, что мы друг у друга есть!

А про себя я думаю: действительно, какое счастье быть рядом с бабушкой, лежать, прижавшись к ней, и слушать, как она выводит из какой-нибудь занимательной книжки удивительных героев, каким захочется стать и тебе. И ты уже представляешь, что совершаешь замечательный подвиг, конечно, ради своей любимой бабушки, и жизнь от этого становится ещё более прекрасной.

Чем-то неведомым раскидывается перед тобой в детстве будущее: огромное, необозримое как весь мир, и сердце от этой его неведомой

необозримости заходится в сладостном помутнении. Как там всё будет, никто тебя в этом неизведанном будущем не обидит?

Нет, ты не боишься ничего, конечно, даже не представляешь пока эту его необозримость, обходясь в достатке уже тем, что имеешь, и только порой в тебе вдруг всплывает нечто неизведанное, называемое взрослыми «будущим», тотчас приобретающее образ бескрайнего неба, и ещё моря с его нескончаемыми далями, и тем, что лежит за ним.

Иногда очень трудно доискаться в жизни чего-то дорогого, о чём даже неловко пока думать, но вот неясно представляющееся в жизненном пространстве «будущее» оказывалось в детстве прекрасным только потому, что ты не мог воображать его иным, и по этой причине оно струилось над землёй, вместе с солнечными лучами, нескончаемым жизнеутверждающим потоком. Ты почему-то знал, что это чудесное будущее тебя не минует, оно непременно озарит твою судьбу несравнимой ни с чем добротой и вниманием, с любовью заключив в свои многообещающие объятия. Разве мог ты допустить, что не насладишься им в полной мере?

Нет, это неведомое будущее исподволь чутко отзывалось в сердце на все твои душевные устремления, пока ты был занят своими неотложными ребячьими играми, и терпеливо ожидало твоего появления.

- Что такое будущее? - спросил я однажды у бабушки, и она, не задумываясь, ответила:

- Всё, что ждёт тебя впереди, только - твоё, каким ты его пожелаешь видеть.

ФОР-ТЕ-ПИ-А-НО!

Ох, уж эта музыкальная школа! Учительница Бронислава Александровна желает, чтобы мои пальцы летали по клавишам, а они - еле перебиваются, и требовательный педагог, не на шутку сердясь, что у ученика никак не выходит того, чего она требует, изредка постукивает меня по рукам пластмассовой палочкой.

Поначалу я даже ничего не чувствую, но уже через минуту руки начинают гореть от нестерпимого покалывания, уши заливают краской, и я готов тоже сгореть от стыда, что из меня не складывается пианист, как того желает мама, моя учительница Бронислава Александровна, и, наверное, даже бабушка. Уж больно тягостно мне находиться в этой глухой, кажется, навечно отрывающей от необозримого мира радостей комнате, где только

пианино, две табуретки, да такое же глухое окно в две рамы, из-за которого с улицы не доносится ни звука.

А там сейчас - любимые, горящие на солнце клёны, цветущие под ними бордовые флоксы, чуть овеванные сентябрьским ветерком, радостные возгласы мальчишек на футбольной площадке, задорно гоняющие порядком разбитый за лето кожаный мяч. И ещё - запах маслянистых пирожков, что бойко продаются толстой тёткой на углу, у самой школы, весёлое позвякивание трамваев и зазывные гудки автомобилей.

В стенах же школы слышится лишь размеренное звучание музыкальных инструментов: взвизгивающие зазывания скрипок перемежаются с заунывными возгласами виолончелей, а разухабисто рассыпающийся своими неустанными переливами баян, оказывается, вполне соседствует с монотонным заучиванием взбирающихся куда-то, в недостижимую высоту, фортепьянных гамм. Им вторят не сдающаяся тоненькая флейта и будто взбесившаяся от всего этого музыкального гама душераздирающая балалайка. Стремящийся же казаться очень серьёзным фагот, выражающий какой-то свой строгий настрой, кажется, даже пугается от проявляемой им порой смелости.

Тут есть от чего пойти кругом голове и неокрепшим душевным порывам. И всё бы ничего, если бы не участвовал во всей этой музыкальной какофонии ты сам, в свои восемь лет!

Но более всего повергало своей околдовывающей непостижимостью сольфеджио, вокальные упражнения без слов для развития слуха и приобретения навыка читать ноты, когда произносятся их слоговые названия. Лучше бы меня колотила по пальцам Борнислава Александровна!

По-видимому, я просто не был предрасположен к освоению премудростей музыки, в частности - обучению игры на фортепьяно, хотя и обладал недурным слухом. Уже позже, в старших классах, я мог на память воспроизвести все «Времена года» Петра Ильича Чайковского, не говоря уже о «Лунной сонате» Бетховена, которую привелось даже представлять на студенческой весне, учась в университете.

Но что я мог тогда, в семь-восемь лет, противопоставить искреннему устремлению мамы, всю свою жизнь посвятившую преподаванию музыки детям, и, конечно, не представляющую своего сына без любимого инструмента? В своих мечтах она, наверное, воображала, как из соседней комнаты, из-под рук её сына, разносятся по всему дому и двору сонаты Бетховена... Быть может, даже вальсы Штрауса, которыми она была готова наслаждаться без конца, тогда как меня в семь лет привлекал только футбол, и я ничего не мог с этим поделать. Два горя вместе: я и музыка!

Вероятно, беспечность моих восьми лет не давала возможности думать ни о чём другом, кроме обучения нотной грамоте. Желая освободить себя от выматывающего душу музицирования, я приноровился прогуливать музыкальную школу. Для этого я научился подделывать в дневнике отметки, что подтверждало моё «нахождение» в музыкальной школе.

Это, естественно, вполне устраивало маму. Тем более, оценки я свои не завывшал, ограничиваясь «троечками» и «четвёрочками», не позволяя себе пятёрки, ибо это вызвало бы подозрение. И вот, отправляясь, якобы, на «музыку», я засовывал папку с нотами в щель между гаражами, и с чистой совестью всецело отдавался любимой игре в футбол, или шёл в кино, если мальчишки во двор не выходили. А то отправлялся в зоопарк, забывая среди зверей обо всём, хотя бы они и находились в клетках.

Но не суждено было оставаться нераскрытым моему обману, и Бронислава Александровна, заметив частое отсутствие своего ученика, конечно, позвонила маме, после чего продолжилось моё музыкальное образование, в котором я овладевал искусством достижения стройных и согласных сочетаний звуков, наверное, незаметно для себя обретая в душе гармонию. Я по-прежнему ходил в школу, помимо ранца за плечами таская в руках ещё и большую папку с нотами, участвовал в хоровом пении, и играл в четыре руки с сероглазой девочкой Наташей, которую не могу забыть до сих пор. А Бронислава Александровна, неизменно, в запальчивости от моего неумения или худого старания, восклицала:

- Ты разве по нотам играешь эту музыку, написанную для тебя вот этими знаками?! - Она раздражённо тыкала пальцем в нотную грамоту, так что та съезжала на пол, и я, пыхтя, лез её поднимать, натываясь на истёртые металлические педали. - Форте, значит, не только громко, но ещё и пи - а - но, мягко!»

Легко людей учить, коли сам грамоту освоил, думаю я, а если она мудрёная, как тогда быть? Нет, видать, права Бронислава Александровна, когда говорит, что умный человек любит учиться, а дурак только из-под палки учит. И всё же, я учился, но больше терпению, нежели музыке, так у нас с моей учительницей выходило, и я теперь благодарен, в первую очередь, её выдержке, что отданного в ученье мальчишку, не имеющего особого призвания, она стойчески терпела, и кое-что он всё-таки в игре на пианино уразумел.

- Нам ученье ничего, - устало улыбаясь, сообщала Бронислава Александровна моей маме, - только очень тяжело! Пока терпим долг наш ученический, - и она снисходительно взглядывала на меня, отечески поглаживая по голове. - Да не знаю - надолго ли нас хватит?!

Я же, понурившись, смущённо улыбаюсь при этом, а на уме одно слово – «охохо!» Но своё горе, как не крути, оханьем не проедешь, и лишь позже, через много лет, я понял, что ученье лучше любого богатства, тем более - на фортепиано!

Брониславы Александровны давно нет в живых, но я всегда вспоминаю её с благодарной улыбкой, и совсем не держу обиды за то, что она иногда постукивала по моим пальцам своей волшебной палочкой. Иначе до нас разве достучишься?!

ЗНАЕТЕ, И РЕБЁНКУ ПОРОЙ СТАНОВИТСЯ ГРУСТНО...

Знаете, и ребёнку порой становится отчего-то до отчаяния грустно, сердечком своим трогательным он уже чувствует жизненную несправедливость, не решаясь ей противостоять, потому, как пока не в силах уразуметь и принять присущее жизни неустройство, и грустит в одиночестве, на которое его обрекают взрослые, и не у кого ему попросить совета.

Вот и я, сижу узником в детской, выходить из неё мамой не велено, а ещё вернее - стою в углу, уставившись в стену. Со мною - мечты об освобождении, о том, что будет, когда наказание, наконец, с меня снимут. И тогда я опять, со всей радости, побегу во двор, к мальчишкам...

А потом, весёлой ватагой, мы подадимся на речку, через лес и кладбище, где в родительскую субботу православные люди оставляют на могилах родственников шанежки и конфетки, святое приношение, и мы им иногда с удовольствием пробавляемся. Единственное, что нельзя отнять у меня, даже взрослым, это - мои мечтательные мысли. Чего мне ещё остаётся?

В этих чудесных видениях, находясь в «заточении», присутствовало всё, что превращало нашу жизнь в праздник. Воздушные змеи, ими мы состязались, по очереди, в небесной вышине, «чикая» за верёвочки, привязанные к гайке, так змеем было удобнее управлять. Футбольные баталии, когда за гаражами, на небольшой полянке, без усталости гоняли разбитый кожаный мяч. Упоительные купания, с головокружительными прыжками прямо с обрыва, в желанную водную бездонность. Походы в лес, в самую чащу, где непременно сооружали шалаш и жгли костры, тайком покуривая закрученную в «козьи ножки» сладкую махорку... Табачок казался именно сладким, приятно дурманя наши буйные головы.

Околдовывающая воля ещё не испробованного, того, чего только хотелось испытать, расстилалась перед нами, и разве можно было осилить в сознании эту безграничную свободу, а вместе с ней - душевную боль за причинённую по отношению к тебе несправедливость, когда лишали самого главного для мальчишки, и во имя чего? Ради какого-то несущественного проступка, когда ты забывал сходить в магазин, за молоком, или приносил из школы худую отметку?!

В эти скучные, какие-то обездоленные часы стояния в углу, в одиночестве, время текло мучительно долго, так что и настенные часы, кажется, тоже замедлялись. Маятник, как будто нарочно, застыл на мгновение, и, словно тяжело вздохнув, возвращался в прежнее положение.

За окном проглядывали копошащиеся на лёгком ветру свежие листочки, но и они воспринимались какими-то неживыми, подверженными, вместе со мной, неизъяснимой грусти. Нет моих забав, их у меня незаслуженно отняли, и когда же, наконец, наступит тот волшебный час прощения, после чего всё радостное вернётся в мою жизнь, заиграют солнечные краски, и всё вокруг станет другим, каким оно было и раньше? Если бы меня не наказывали взрослые, желая таким образом достичь для себя, якобы, не достающего им покоя, я бы стал самым счастливым человеком!

А там, на улице, так чудесно пахнет распускающейся черёмухой и сиренью, и весь этот животворящий дух врывается в распахнутую форточку, единственную мою связь с волей. Видать, родители нарочно оставили её раскрытой, чтобы сильнее помучить, но за что мне это наказание, ведь уж который час стою я, воззрившись на голую стену? Горько на душе, кажется, все тебя забыли-покинули, никому нет дела до твоих мучений, ей-богу!

Но ничего, придёт время, и всё самое весёлое окажется со мной, - не без торжествующего внутреннего удовлетворения размышляю я. И время тоже обернётся не застывшим, еле тянущимся, как патока, существованием, прокрадываясь будто исподтишка, по чьему-то несправедливому разумению, а раскроется чудесным цветком, преобразившись в радость. Так будет, я знаю, и на душе отчего-то становится хорошо и покойно, сердце уже не донимает так остро обида, и слёзы незаметно высыхают.

Они обязательно запомнятся, навсегда, но не для того, чтобы с упоением нести в себе несправедливо причинённое тебе огорчение, хотя бы и самым родным человеком, а чтобы благодаря пережитому накопить в себе осознанное отношение к жизни. Не оставляй на краю жизненной дороги своё детство, чего бы в нём ни случилось, ибо потом, когда-нибудь, ты обязательно отыщешь в жизни всё самое ценное.

И я тихонечко, еле слышно произношу: «Ма-ма...»

МОЁ ТРЕПЕЩУЩЕЕ КРЫЛЫШКАМИ СЕРДЦЕ

Помню, отец впервые взял меня в лес, постоять на тяге вечернюю зорьку. Отцу отчего-то вздумалось показать мне, как тянет по весне над лесом вальдшнеп – птица с длинным носом, и ещё как токует высоко в небе маленький куличок-бекас. Токует как-то необычно, рассказывал он, подобно тому, как блеет барашек, и мне очень хотелось увидеть этого неведомого «барашка», и услышать, как он «блеет». Ни о чём ином я уже и думать не мог.

Поначалу отец только обещал мне, что возьмёт с собой в весенний лес, весна в ту пору во всю свою мощь размахнулась по земле, и я с нетерпением ожидал это событие, каждый раз спрашивая отца:

- Сегодня поедem в лес?

Когда я думал о том дне, что мы с отцом отправимся в лес, мысли о нём затмевали всё остальное, и становилось так, будто мне совершенно нечем жить, кроме этого самого леса. Только бы быстрее настал час встречи с природой, где, как мне казалось, нет ничего худого или скучного, а всегда пребывает глубокий смысл и интерес к жизни, отсутствует глупость и непонимание, как это происходит между людей.

Я верил, что увижу маленькую птичку бекаса, и отгадаю, почему он «блеет барашком», как рассказывал отец. Думы о лесе почему-то очень обогащали меня. Думая о нём, мечтая чаще там бывать, я запасался добрым настроением на всю жизнь, как это происходит только весной...

Весна... Каждый день её несёт нечто неповторимое, чего ещё не было, тем она и прекрасна. Всё удивительно радостно в её нетронутой девственной природе, куда нестерпимо влечёт и свежая зелень берёз, сотканная из тоненьких клейких листочков, и тепло открывающейся земли, ударяющее со всего маху прямо в лицо, и оглушительные запахи молодых трав, а приходится отправляться в школу. Затем - учить уроки, и возиться с какими-то неинтересными и ненужными делами. Вот бы стать свободным, как молодой весенний ветер!

Мысли о лесе вызывали во мне душевное успокоение, было очень приятно представлять своё лесное уединение, даже – лесной уют, хотя я ещё ни разу и не бывал в лесу, но всё же обладал необъяснимым для себя внутренним знанием о нём... В этом восприятии леса куда-то улетучивались

все мои мальчишеские огорчения, забывалось нечто неприятное, то, что беспокоило, а благодаря растекающейся повсюду весне все чувства и запахи разрастались, они, как никогда, будоражили воображение: одно яркое видение сменяло другое, да и ощущения, кажется, становились глубже. Как это было заманчиво: ожидать поездки в весенний лес, на охоту, впервые в жизни!

И вот, наконец, у нашего дома притормаживает газик, затянутый в выцветший брезент, сладко пахнувший бензином и пылью, именно – лесная машина! У отца уже собрано ружьё и ягдташ, он стоит передо мной в болотных сапогах, шляпа лихо заломлена на затылке. А все мои мысли уже давно в лесу, где синевато-мглистая дымка мягко стелется над дышащей сыростью землёй, весне в лесу тепло и уютно, и повсюду возникает какой-то неведомый шум.

Я почти слышу его, до такой степени возбуждают меня мечты об охоте, о загадочном куличке бекасе, о его ещё не слышимой мной песенке в небесах, а не на земле. Скоро мы приедем в лес, остановимся на какой-нибудь укромной полянке, и весь прозрачный, насыщенный влагой воздух над ней будут пронизывать трели дроздов, зябликов, пеночек и синиц. Разве задумаешься тут о чём-либо ином, чем о пробуждении природы, где невероятно много всего, и хочется видеть ещё больше, отправляясь за знаниями о лесе всё дальше и дальше.

И действительно, между пушистых ёлочек выплывают какие-то прозрачные видения, мох под ногами цветастый и мягкий, словно бабушкино одеяло, он расшит бордовыми огоньками прошлогодней клюквы и брусники, а сырые пни кружат голову ароматом только что освободившейся от снега древесины. Ясен весенний свет, что поднимается над расправившей плечи землёй! Течёт весеннее тепло по лесу, а я его впитываю полной грудью, и отчего-то за всё благодарю. Радостно сердцу видеть и чувствовать происходящее вокруг, и ничего при этом, что я маленький: ничто не скроется в лесу от моего внимания, всюду я увижу ум природы и её силу!

Всё в лесу кажется чудесным, даже - игрушечным, как на новогодней ёлке. Капельки на ветвях деревьев представляются светящимися фонариками, а влажные корни и пни издают аромат, что дурманит голову слаще мандаринов. Перелетающие же повсюду птички – словно праздничные украшения. До чего же хорошо в весеннем лесу: весной обязательно увидишь в нём что-нибудь новое!

Вокруг меня, уже на самом деле, призывно пощёлкивают дрозды, любопытные гаички забавно надувают щёки, неумолчно насвистывают, снуют с ветки на ветку, так что не сразу их и разглядишь, бойкие зарянки не

в силах сдержать своего растревоженного весной сердца и восторженно заливаются на вершинках ёлочек, задорно запрокинув головки. Обо всём можно позабыть, когда следишь за тем, как увлечённо перепархивают между ветвей чудесные крохотные птицы. Вот бы и мне так попробовать, живя в диком лесу и наслаждаясь весной!

Отец стал рассказывать мне про всех этих птиц... Вот горихвостки, они называются так потому, что вспархивая и подёргивая в полёте хвостиком, обозначают под ним огненные перышки, алыми шапочками красуются вездесущие и шумливые щеглы, кругленькие желтовато-пегие овсянки, будто обсыпанные спелыми зёрнышками, тоненько посвистывают в свои невидимые дудочки, ловко перелетая по обочинам раскисших дорог. Красота! Про многоголосых весёлых жаворонков я и не говорю: задрав головы, мы с отцом вглядываемся в их головокружительное парение в вышине, не в силах оторвать взгляд.

Чем выше солнце, тем больше птиц в весеннем лесу, веселее и восторженнее вокруг, и восхищённые жаворонки, кажется, поддерживают на ниточках своих трелей всю просыпающуюся землю. Но вечером, когда затаившийся поблизости овраг наполняется ещё большей тайной, и птичья музыка потихоньку замолкает, на небо, неведомо откуда, взбирается крохотный куличок – бекас.

Его не сразу и заметишь там, в подёрнутой радостной дымкой вышине, где, наверное, неслышны задорные возгласы дроздов и утробное постанывание вальдшнепа, обозначившего своим появлением начало знаменитой тяги. А бекас уже нашёптывает всему лесу какие-то свои, особенные слова восторга от всего, что происходит вокруг, и постепенно эти еле улавливаемые слова складываются в своеобразную песню.

Откуда-то сверху, действительно, как будто доносится «блеяние» невидимого «барашка»: какой он? Я пытаюсь рассмотреть в бездонном весеннем небе хоть что-то, но тщётно. Отец склоняется ко мне, обнимая за плечи, и увлечённо шепчет на ухо, другой рукой указывая туда, в вышину:

- Видишь?!

Поначалу я ничего не могу разглядеть, от роящейся над землёй пахучей дымки слезятся глаза, а песенка невидимой птички с каждой минутой становится всё сильнее, чаще. Отец только улыбается, присаживаясь на пенёк на краю оврага.

Я же ничего не слышу и не вижу, весь подавшись туда, в небо, угадывая сердцем мелодию всеобщей любви. Маленький, но в свои семь лет я уже понимал красоту жизни, чувствуя и воспринимая её, как и собственную, словно это был нескончаемый праздник. Праздник совершался и вокруг,

весенний лес пленил моё детское сердце, что билось в груди так же трепетно, как и махонький куличок-бекас в бездонном апрельском небе.

До него не дотянуться, я это понимал, но и отказать себе в возможности вознестись туда душой - я был не в силах. Какое-то безграничное счастье охватило всего меня, будто ты уже жил однажды весенним лесом, и я восхитился всем происходящим, чего ещё, вроде бы, не видел в своей короткой жизни, но почувствовал и принял мгновенно.

Оказавшись в весеннем лесу, сердце твоё непременно встрепенётся, как птица, всего тебя обдаст весёлая свежесть, и ещё более любо станет жить. Будто от тебя давно скрывали эту чудесную жизнь, сберегая как подарок, а однажды взяли и подарили: какое счастье!

Погода - славная, всё тебе с радушием в лесу открыто, лесные обитатели, словно, только и ждали твоего приезда, готовились, и теперь во всеуслышание превозносят торжество жизни, разливая его повсюду и делясь с тобой своим восторгом. Вольно, не как в городе, дышит грудь, бодро чувствует себя всё тело, и ты крепнешь вместе с живительным дыханием весны!

Воздух напоён ароматом только что оттаявшей земли, медовым запахом распустившихся барашков на вербе, свежей горечью коры и мокрых лозин. Мириады алмазных капелек блестят и алеют на солнце, что восторженно осматривает напоследок свои владения, радуется всему, что происходит на оттаивающей земле. Голова кружится от избытка благоуханий, чувствуется близость какого-то удивительного праздника, и ему, ты об этом откуда-то уже знаешь, не будет конца. Боже, как весело сверкает всё вокруг, как чудесен чистый апрельский вечер!

Ничто не мешает человеку быть в нём счастливым, сливаясь душою со всякой трогательной былинкой, и сегодня я узнаю – кто такой вальдшнеп, и что это за бесстрашный куличок, реющий в небесной вышине и разносящий повсюду волшебные звуки, напоминающие бляение барашка. Несмотря на вечер, воздух становится ясным, солнце будто торжествует, прежде, чем вскоре потухнуть и скатиться в глухие лога, тогда как вальдшнеп только намечает свой завораживающий полёт, а куличок-бекас взбирается на ещё сияющую небесную вершинку, провозглашая свою быстротечную весеннюю любовь. Весной невозможно не быть счастливым, тем более, если тебе только семь лет!

Чудесен и незабываем вечер в весеннем лесу. Радостно струятся по нему говорливые ручейки, дороги оттаяли, но стоят ещё сырые, не отошедшие от недавней снежной мягкости, резко ударяющей в нос, почки на деревьях надулись и вот-вот полопаются, наполняя воздух неясным шёпотом. На славу

потрудившееся за день солнце, тем не менее, норовит заглянуть в самые укромные уголки леса: безудержно растекается по всей земле весна, ширится её жизнеутверждающее начало.

Утомившись от ходьбы, мы присаживаемся на пенёк. Всё в освободившейся от снега природе просто, кажется, что и все тайны сейчас точно также легко и просто откроются перед нами, и лес примет нас как своих давних знакомых.

- Сейчас отыщем место где-нибудь подле опушки, чтобы, непременно, была полянка с мелким березняком и ёлочками, и осмотримся, - с затаенным духом произносит отец. – Будем ждать, пока вальдшнеп не потянет. Для нас, охотников, особенную прелесть имеет этот незабываемый час заката, когда самец устремляется за самкой. Летит неслышно над самыми берёзками, только по голосу его и угадаешь.

- Какому?

- Хор-хор, цвиг-цвиг, хор-хор, цвиг-цвиг, - отец попытался изобразить песню неведомого для меня вальдшнепа.

Облюбовав небольшую полянку на краю укромного ложка, отец неспешно обошёл её и остановился у опушки. Место показалось ему удобным, и он, восторженно оглядев лес, в удовлетворении произнёс:

- Хорошо?!

Неугомонные дрозды с утробным квохтаньем перелетали с дерева на дерево. Они словно купались в налитом душистой прохладой воздухе, не в силах утолить своей жажды к жизни. Где-то далеко за лесом прокатился отдалённый гром, воздух чуть тронулся, всколыхнулся, и будто окончательно пробудился.

Задрав голову к небу, отец что-то долго разглядывал в нём, и затем, вдруг с какой-то сдержанной радостью, тихо промолвил:

- Вот и Венера объявилась... Видишь – самая яркая звёздочка?!

Венера, теперь я это знаю, красивым белым зёрнышком ещё ярче вспыхнула где-то в вышине, и вокруг стало как-то уютнее, теплее. Дрозды по-прежнему посвистывали в свои невидимые дудочки, глухо постанывали в болотистой низине лягушки, и небо будто поднялось и выгнулось над лесом, так, что от земли потянуло промозглой прохладой.

Истомившись в ожидании, когда появятся вальдшнепы, я всё не решался спросить об этом у отца, а он только улыбался чему-то про себя, меня же знобило от нетерпения: когда же, наконец, появятся эти чудесные длинноносые птицы, или покажется в небе ещё неизвестный мне маленький бекас?!

Не в силах усидеть, я подымаюсь, весь напрягшись, и вслушиваюсь во внутреннюю тишину леса. Впрочем, тишина полнится нескончаемым лепетом птиц, журчанием ручьёв, и все эти звуки сливаются со струящимся влажным воздухом, что будто бы тоже звенит, так что в лесу ничего не слышно. Румяное небо подёрнуто синеватой дымкой, а сырость, струящаяся от земли, незаметно забирается в рукава моего старенького пальто, и мне становится зябко.

Берёзки с ёлочками, кажется, засыпают, а их верхушки быстро тускнеют на фоне зеленеющего неба, но в лесу ещё много жизни, хотя птицы тоже незаметно примолкают, посвистывая уже как бы для порядка, сонливо. У меня сна – ни в одном глазу, ведь отец впервые взял меня на тягу, и сердце моё томится ожиданием.

Когда же появится над опушкой длинноносый вальдшнеп, ловко выпорхнет из-за тёмного леса на своих проворных крылах, и отец ударит по нему хлёстким выстрелом из ружья? Мне очень хочется увидеть подбитого отцом вальдшнепа, поддержать его в руках, и, может быть, если повезёт, услышать маленького бекаса, бесстрашно забирающегося высоко в небо. Весна, будто отпущенная кем-то на волю, обнаруживает во мне особое видение жизни, доселе неизвестное...

- Вальдшнеп летит, обычно, как бы с потяжкой, - вкрадчиво объясняет отец. – Слово ему что-то мешает набрать в полёте полную силу, и этим пользуется наш брат-охотник: смотри, не медли!

И я смотрю, с трепетом вслушиваюсь в пение неутомонных дроздов, чьё возбуждённое квохтанье разносится повсюду. Где-то поблизости слышится чьё-то монотонное постанывание, и околдованный этими звуками, я вопрошающе взглядываю на отца.

- Дикий голубь, витютень, воркует! - пока чем-то неизведанным для меня восторгается отец. Но мне и самому отчего-то становится радостно.

- Чуфы-ы, чуфы-ы, чуфы-ы, - уже из-за леса доносится до нас приглушённое бормотание, и я опять в удивлении вскидываю брови.

- Тетерев-косач вечернюю зорьку провожает, - улыбается отец.

«Сколько же неизведанного кроется в лесу!» - в восхищении думаю я, и с замиранием сердца вслушиваюсь и всматриваюсь в проистекающую вокруг жизнь. Что-то шуршит, попискивает под ногами, и я вдруг замечаю под корнями пенёка робко высунувшуюся лесную мышь. Не объять всего, что происходит в весеннем лесу, но всё более сгущается подступающая тишина.

Тихо и прохладно становится под деревьями, а от земли в лицо ударяет пряная сырость. И вот, нарушая наступившую тишину и утробно хоркая, обласканный последними лучами закатного солнца, появляется над нашими

головами первый вальдшнеп. Он и вправду, на секунду как будто приостанавливается в воздухе, а затем медленно тянет над сиреневыми верхушками берёз. Отец, не стреляя, даёт мне посмотреть на его полёт: ещё никогда не доводилось мне видеть такую необычную птицу!

Длинноносые вальдшнепы один за другим непрерывно тянут над лесом, страстно хоркают и цвиркают, некоторые из них неожиданно сваливаются на землю, но их уже не видно, потому как снизу, из оврагов, поднимается синий туман, скрывая любовную игру загадочных птиц. Про любовь мне ещё ничего неизвестно, но страсть, с какой птицы бросаются друг к другу, и во мне вызывает необъяснимое чувство восторга от происходящего вокруг, того, что представляется важнее всего: неудержимое стремление жить.

Тяга же всё более разгорается, хотя лес уже тёмный, и только небо по-прежнему светлеет багряным выпуклым стеклом, отчего ещё хорошо заметны на нём хоркающие и цвиркающие птицы, сначала вводящие, а потом выводящие из сладостного оцепенения. Очередной вальдшнеп неожиданно налетел на нас так близко, что отец мгновенно ударил по нему, и птица бухнулась прямо нам под ноги, уткнувшись длинным носом в пожухлую траву. Я держал в руках его пепельно-рыжую тушку, ещё тёплую, трепетную, не в силах сдержать гулко-сердцебиения.

И тут же мы увидели, как мелко подрагивая крыльями, вдоль опушки, где мы стояли, совсем низко летит другой вальдшнеп, затем – ещё один, третий, и почти над ухом полыхнул сноп огня во тьме, а вальдшнеп резко вывернул в сторону, и в следующее мгновение скрылся за лесом. Отец радостно рассмеялся, в волнении переломил ружьё, и из ствола потянулся сизый дымок, приятно щекочущий ноздри стреляным порохом, отчего всё моё существо охватывает дикий восторг. Наконец-то, и ко мне пришла настоящая охотничья весна!

- Слышишь, играет? – вдруг опять восторженно воскликнул отец.

Я, оцепенело, вслушивался в неясные звуки, пронизывающие настоящий на травах и корнях воздух, но от волнения песенку бекаса разобрать не мог. Мы слышали звучание ручьёв, голоса просыпающейся земли, безудержные переливы птиц, и весь этот восхитительный мир, впервые открывшийся передо мной, совершенно меня пленил. Жизнь великодушно одаривала нас невообразимым счастьем!

- Заметить бекаса не просто, - говорит отец. – Он – мал: даже самая мелкая дробь при охоте на него прозвана меж охотников не иначе, как «бекасиная». Бекаса выделяют только длинные ножки и нос, и это позволяет куличку быть неуязвимым. Но, не отличаясь ярким окрасом и внушительными размерами, он очень живой: маленький, почти не видимый с

земли, бекас в полёте храбро распушает свой крохотный хвост и перья, так что им невозможно не залюбоваться. Все весной, даже самые маленькие, хотят петь и быть неотразимыми!

Отец восторженно вглядывался в небо, придерживая рукой шляпу.

- Бекас чуток, наверное, потому, что именно маленький, а малого, как известно, всяк может обидеть. Вот он и забирается повыше в небеса. Видишь его?

И тут я разглядел, как бекас с трепетом проваливается в небесной вышине, и по всей пробуждающейся от зимнего сна округе рассыпается тонюсенькое звучание от его взбудораженного весной полёта, так ощутимо угадываемое обострённым слухом: весь я был – воплощённое внимание, ни один звук не мог миновать моего вкрадчивого интереса. А лес был налит какой-то невероятной силой, предвечерний свет в нём показался мне особенным, он не был похож на тот, что зарождается утром: сквозь вечерний воздух в природе проглядывало что-то, присущее именно весне.

- Заметил, что летает он как бы зигзагом?

- Почему?

- Бекас по весне не отъевшийся, как осенью, и потому – лёгкий, и так же легко он бросается то в одну, то в другую сторону. Его часто можно увидеть в наклонённом положении, когда он несётся вниз, повёртываясь с боку на бок, так он, по-видимому, играет, то есть – токует, и подстрелить его охотнику бывает очень не просто. Бекаса не назовёшь смирным: его, как раз, отличает неуловимость, даже, скорее, непредсказуемость в поведении, и это поведение хорошо выражается в чудном полёте проворной птицы.

- Если бы не песенка, его и не заметишь, - замечаю я.

- Бекас – самый крохотный из всех куличков, и об этой птице мало кто знает. Только охотники, да и то не все. Обычно бекас играет невысоко, но вот завидев охотника или зверя - тотчас устремляется ввысь. Эта способность возноситься в недостижимую для многих птиц высоту заметно отличает бекаса от них, подчёркивая в нём какое-то свободолюбие, чуть ли не отчаянную игривость. В этом – своеобразие бекаса.

- И что он делает потом?

- Наигравшись в вышине, под облаками, бекас обыкновенно спускается на землю, присаживается на кочку или какую-нибудь отдельно стоящую сушину, и продолжает свой ток криком: «таку-таку, такую-таку, такую-таку». И верно, разглядеть бекаса, даже на земле, можно лишь слышав его песню, что чаще всего напоминает блеяние барашка.

Бывало, бредёшь ночной порой на глухариный ток, запинаясь о невидимые кочки, окружающая парная темень жарко дышит в лицо, и в этой

липкой темноте задумаешься о чём-нибудь, а крик вот такого бекаса над самой головой вдруг выведет из охватившего забытья, заставит остановиться и неожиданно отвлечёт от разных дум.

- А почему бекас кричит как барашек?

- Куличок стремительно падает в необозримой вышине, невидимые перышки на его крыльях вибрируют о воздух, и кажется, будто совсем рядом блеет барашек. Но своё «блеяние» бекас производит не только перьями на крыльях, но и хвостом. Подобные звуки издают ягнята – молодые барашки, когда по весне крестьяне выводили их в поле на выгон. Кто-то из них, наверное, однажды услышал, что издаваемые животными звуки напоминают порхание бекаса в небе, и с тех пор повелось такое поверье, что бекас «блеет» как барашек.

А ещё бекас не любит дождик и ветер, ему по душе покойный закат и тихий вечер, когда солнце скатывается за чернеющий лес, и бекас, кажется, ещё более страстно принимается превозносить весну и свою любовь.

Мне всегда нравилось солнце, особенно – в детстве. И тогда, весной, когда мы отправились с отцом на вечернюю охоту, солнце как-то ласково касалось и травы, и ветвей, и потом – верхушек деревьев. Быстро опускаясь всё ниже, оно, тем не менее, было радостным, как будто благословляя землю, а земля в ответ дышала сладкими запахами, хотя ещё казалась оголённой. Прозрачный воздух, благодаря солнцу, преображал и землю, и лес, словно расширяя их, и от этого хотелось исследовать жизнь, каждый раз открывая для себя что-то новое.

Вот и лес: налился сотнями птичьих голосов, тысячи живых существ в нём просыпаются от спячки, и я вглядываюсь в раскрывшееся от этой проснувшейся жизни небо, пытаюсь увидеть в нём маленького, казалось бы, никому не нужного куличка-бекаса. Но впитывая всё, что происходит вокруг, мне представляется, что я вырастаю, становлюсь сильнее. Хотя – всё такой же, маленький, и, тем не менее, я начинаю ощущать в себе силу, ранее неведомую, и, замечая это в себе, становлюсь взрослее.

Пристально всматриваясь в призрачное небо, какое-то время я стою в приятной растерянности, вслушиваюсь в весеннее многоголосье, и ощущаю только удары разгорячённого от всего происходящего сердца. Такой же крохотной птичкой, как и бекас, бьётся оно в моей груди, будто трепещет невидимыми крылышками, а я ещё и не ведаю, что незаметно, благодаря этому маленькому бекасу, во мне пробуждается и радость, и неиссякаемый интерес к жизни.

В этот весенний вечер во мне что-то ровно открылось, занялось новым существованием, так что я потом несколько дней пребывал в радости, вспоминая и прозрачный лес, и оттаивающую землю, и многоголосье птиц, и крохотного куличка в высоком небе. Я всё-таки увидел его, почувствовал сердцем в этой бескрайней весенней необъятности, а куличок пел так самозабвенно, что казалось – может истратить на песню всю свою маленькую душу, и упасть замертво, но песня бы не кончалась.

В детстве всегда думается о возможности достижения чего-либо лучшего, чем то, что существует, и этого предполагаемого лучшего так много, что оно нескончаемо возникает перед тобой каждый день. Я чувствовал себя у порога раскрытия каких-то важных тайн, и жил с ещё большим наслаждением. Я был благодарен весеннему дню, что улыбнулся мне таким крохотным, но замечательным счастьем: я увидел и услышал небесного «барашка», и до сих пор не могу успокоить моё трепещущее крылышками маленькое сердце.

ГРАЧИ ВОЗВРАТИЛИСЬ

В детстве нам не надо дорожить тем, что у нас есть, потому что его много, и оно всегда рядом.

Чистили мы как-то с отцом крышу и дровяник от снега, в старом бабушкином доме, и стояла весна. День выдался пасмурный, влажный, то и дело над садом улаживался какой-то беспутный тягостный ветер, замирал ненадолго, а потом, будто проснувшись, взмывал в вышину, и начинал без удержу носиться, не находя нигде покою.

Снег весь сжался, как высохшая соль, в грязных подтёках, порядком уже оплывший, и прихватывать его деревянной лопаточкой было не просто. В душе от всего этого весеннего неустройства тоже возникала какая-то неизъяснимая тягость.

Бревенчатые стены дома будто разбухли от влаги, потемнели, голые деревья стояли сырые, и пахли резко, расплывчато, отчего на глазах выступали едкие слёзы. Всё вокруг было серое, насыщенное пробуждающимися запахами, звуки же вязли в разлившейся повсюду сырости, как мушка в мёде, и не в силах выбраться, тонули.

Тяжело дышать, тяжело думать, и вот - увесистый ком снега неожиданно свалился с крыши, и будто что-то пробудилось в душе. Ведь идёт весна, хотя порой кажется, что она больше крадётся, но всё равно её уже

не миновать. Скоро растормошит всех томительное и такое восхитительное течение жизни!

С сорвавшимся снежным комом деревья ожили, отчего-то разволновавшись - замахали ветвями, но тяжёлые сиреневые облака обхватили их верхушки, и будто успокоили. Взглянув на небо, я вдруг увидел, как в облаках замелькали весёлые чёрные точки.

Они кружились над домом, медленно взлетая ввысь, так что их невозможно было разглядеть, и приходилось долго стоять, задрав голову, пока не начинало рябить в глазах. Несомненно, это были какие-то птицы, не существующие в зимнюю пору, но откуда они взялись в этом сыром неприятном воздухе, где меж собой толкаются лишь неповоротливые тёмные тучи?

- Грачи, - с каким-то облегчением, тихо произносит отец. - Возвратились к своим разоренным гнёздам.

- А почему их раньше не было видно?

- Герасим-грачевник их пригнал. Весна!

И в самом деле, как я мог раньше не заметить, что весна зиму почти поборола, тёплый ветер давно подъедает обессиливающие снега, а под забором в саду оголились дымящиеся жирные пятна. В воздухе пахнет талым духом, витающим даже в доме, дверь в сенях неожиданно разбухла, её нелегко сразу отворить, и уже к обеду неудержимо тянет ко сну.

А грачи шумно играют в вышине, оглашая своим неумолчным граем всю округу, так что перехватывает дыхание от их волнующих возгласов и пируэтов.

- Любить тяжело, коли любовь захватит тебя к вешним водам, - замечает за обеденным столом бабушка. - А не любить - тяжелее того.

И я чувствую, как бьётся в груди сердце, деревья за окном тревожно шумят, и льётся с крыш тёплая капель: точно что-то должно произойти, а что - не понять.

Всё вокруг перестаёт быть понятным, сам себе ты начинаешь казаться незнакомым, другим, и, тем не менее, обуреваемый любопытством, ты тянешься к посвистывающему над домом ветру, к мокрым деревьям и беспокойным грачам, что неустанно кувыркаются в высоком небе, будто призывая совсем забыть о зиме.

И ты, переживая в душе неопишущую радость от наступления всепогружающей весны, желаешь только одного - чтобы над землёй чаще вставало солнце, и бабушка не болела. Господи, велика твоя милость!

МАЛЬЧИК- С- ПАЛЬЧИК

Жить надо так, чтобы не стремиться вернуть себя мысленно в детство, находя в нём успокоение от несовершенного, что вы могли осуществить когда-то в жизни, но по причине вашего слабоволия, отсутствия решимости и терпения этого не случилось. Учитесь проявлять это терпение и выдержку с ранних лет, не бойтесь быть смелым, порой - до отчаяния, ибо это - в ваших силах.

В каждом нашем воплощении присутствует свобода выбора, дарованная Всевышними Силами, и мы все в состоянии распорядиться этой свободой достойно. Да, свою судьбу люди слагают сами, иначе - какой бы смысл заключался в том, если бы жизнь наша была предопределена?!

Нет, настоящее и будущее человека зависит от самого человека, от его внутренних устремлений, и они должны пребывать в гармонии с божественным сознанием, заключённом в каждом. Если кто-то видит себя счастливым и радостным - он обязательно достигнет такого состояния, а тот, кто не верит в себя - погрязнет в болезнях и страхе. Совершите же достойный выбор, укрепните благодаря собственному решительному опыту, и без боязни двигайтесь дальше.

Страх появляется тогда, когда человек отделяет себя от своей духовной силы. В согласии с этой силой мы способны противостоять слабостям нашего характера, смело взяв на себя ответственность за дарованные нам жизни, и здесь важны даже не события, с помощью которых нас проверяют, а наша реакция на них. Причём, проявляем мы её с самого детства.

«Крепиться» - очень хорошее слово, и я в детстве, бывало, очень часто именно «крепился», чтобы уже, будучи взрослым человеком, не растративая свои силы понапрасну, выявлять чудеса стойкости. Я как-то сразу и совершенно очевидно для себя уяснил, что терпение - суть жизни, и если ты с малых лет научился преодолевать в душе какие-то очень трогательные для себя переживания, снося при этом несправедливость взрослых, в тоже время, нуждаясь в их поддержке, то Бог тебя никогда не оставит.

Кто непонимание людей одолевает, - говорила бабушка, - тот крепок бывает, в итоге добиваясь правды, и смиряться перед какой-либо преградой, конечно, не стоит, оставаясь терпеливым к неприятию тебя и твоего поведения, пусть это даже твои родители. Лучше просто видеть в любом человеке или событии доброе начало, не позволяя себе быть обескураженным им.

Если дать себе с самого детства клятву быть превыше любой несправедливости – это удивительно закаляет, и тогда дух твой - не сгибаем, независимо от возраста. Понимает человек, так понимает, а не понимает, так как знает. Молодому крепиться, впредь пригодится!

И действительно, терпение, что порой проявляет ребёнок, порой просто завоораживает. Не упрямство обескураживает в его поведении, когда малыш не соглашается с мнением взрослых, не каприз, с каким он артачится по воле складывающейся не в его пользу ситуации, а поражает именно то, с какой выдержкой он всё претерпевает.

И вспоминается случай, когда отец решил взять меня с собой в прогулку по Каме на катере, настоящем, большом, что представлялся для меня чуть ли не кораблём. Одно это слово - «катер», уносило меня в поднебесные выси, обещая необозримые просторы родной реки, рыбалку, связанные с ней приключения, и много ещё всего, о чём я даже не догадывался. Какое счастье!

Ребёнок на то и ребёнок, что может проявить негибаемую волю в самом неожиданном случае, и подобное поведение, как раз, и отмечает выгодно его своеобразие, обнаруживая в нём удивительные свойства: уникальную чистоту и неповторимость! Отрешённо вглядываясь в раскинувшееся предо мной речное пространство, будто угадывая в нём своё морское будущее, и совершенно поверженный увиденным, я невольно ухватился правой рукой за косяк растворённой в рубке двери. В то время, как отец, двигаясь со стороны носовой части, вдоль борта, не увидел меня и с силой оттолкнул загородившую ему проход тяжеленную дверь, намертво зажав ей мой большой палец...

Поначалу я даже ничего не понял, как во сне взирая на всё произошедшее, и, вроде бы, ничего не ощущая: дверь просто захлопнулась, оставив палец внутри. Надо понимать - какой она толщины на подобных речных и морских судах, и с какой плотностью встаёт на место в своём проёме, когда её закрывают!

Словом, такое дело вокруг пальца было сразу не обмотать: оставалось - терпеть, и я терпел, каким-то чудом сдерживая себя, и молчаливо, без укоризны, глядел на отца, смотря и на свою боль как будто сквозь пальцы, ибо дай ей волю, она всю руку отберёт. Отец же обмер при виде того, что совершил, не мог какое-то время постичь - как я выдерживаю эту пытку, и, спохватившись, наконец, отворил дверь.

Но я, кажется, не почувствовал никакого облегчения, палец мой ровно исчез, отсоединился от меня, хоть суй его опять в эти клещи, зажимая дверь ещё пуще! Вроде бы, мальчик всё своё терпение и боль сосредоточил только

в пальчик, а пальца-то нет, их на руках осталось девять! Отчего же Бог не уравнил их тогда на моих руках?!

И вот, стою я, скривив пальчик, и не ведаю – как быть? Что называется, загни для памяти палец, и я его не только загнул, но чуть не расплющил, завязал, что называется, случившееся в узелок, а развязал, получается, лишь сейчас, написав об этом воспоминании маленький рассказ. О том, как стал мальчик от боли с пальчик, но она его не сломала и сделала большим, а из большого, как известно, можно что угодно скроить!

Верно говорят - не клади малому пальца в рот, он его откусит, и я будто действительно прикусил этим случаем отцу рот. Он перестал с тех пор покрикивать на меня, не проявляя должного, более пристального внимания, и только однажды, в присутствии меня, рассказал об этом своим товарищам, не в силах постичь - как его маленький сын терпел происходящее, не произнося ни звука, то и дело, добавляя при этом: «Смотрю на Борьку, а у него ни одна мышца на лице не дрогнет, и только слеза стекает по щеке».

Отец был так поражён моей выдержкой, что стал относиться ко мне с нескрываемым уважением, даже - с опаской, наверное, не зная и не понимая - чего от меня ждать. Я же, кажется, только укрепил в себе с того момента веру в то, что смогу преодолеть любую боль, какой бы страшной она ни была. И ещё то, что терпение исподволь всё равно своё возьмёт, в нём проявляется сила и величие духа, и лучше самому терпеть, чем других обижать.

ЧУДЕСНОЕ СВЯЩЕННОДЕЙСТВИЕ

Отчего-то чтение под одеялом, с фонариком, выходило в детстве, особенно - в начальных классах, наиболее занимательным занятием, чем бы ты осуществлял это при дневном свете, сидя в удобном кресле или за письменным столом. Родители не запрещали мне подобной забавы, наверное, просто потому, что не заставляли за ней, а то бы отец непременно сделал выговор, либо каким-нибудь образом наказал, скорее всего - выпорол.

Но, к счастью своему, я не был застигнут за своим излюбленным развлечением, что и позволяло мне благополучно и с удовольствием всё это проделывать. Я был точно как помешанный: подобное потаённое чтение совершенно захватывало меня, и я ничего не мог с собой поделаться, в нетерпении ожидая - когда же, наконец, наступит вечер, и можно будет пораньше улечься спать, чтобы насладиться очередной страшной историей, ловко раскручиваемой неведомым мне писателем Конан Дойлем. Интереснее

всего было читать именно его жуткие рассказы, что с наступлением темноты, в моём сокровенном укрытии, воспринимались ещё более таинственными и ужасными.

Только отняв у меня книжку, возможно, наверное, было прекратить это помешательство, положив конец моему исступлённому чтению. Но каким сладостным представлялось такое завораживающее забвение, оно оказывалось одним из самых ярких в детстве переживаний, и кажется, я незаметно для себя самого одолел, вот таким сокровенным способом, чуть ли не всё собрание сочинений этого замечательного английского писателя! Все книжки при этом я прочёл с диким восторгом, в детском уме моём произошёл совершенный переворот, и для меня ровно открылся иной, абсолютно новый мир, откуда я узнал о неизведанном ранее свойстве предметов, душевных устремлениях людей и их способностях.

Многие явления в окружающей жизни, на которые я смотрел бессмысленно, хотя и не без любопытства, обрели для меня смысл, и стали ещё занимательнее. Человеческие характеры, с их превращениями, самым необыкновенным образом овладели всем моим вниманием, и я искренне сочувствовал каждому персонажу, получая небывалое ранее удовлетворение. Теперь обо всём этом думается так: а испытывал бы я такое же наслаждение и эффект, проделывая подобное при дневном свете, не под одеялом, да ещё без фонаря?!

Разве могла без этих выдумок стать краше жизнь, только с ними, как раз, обнаруживая себя совершенно по-иному, гораздо увлекательнее? Нет, именно благодаря бесхитростной детской причуде, мир вокруг приобретал ещё более впечатляющий колорит, ты начинал заглядывать в него глубже, становился внимательнее.

Что, казалось бы, могло принести обыкновенное просиживание под одеялом с книжкой?! Хотя бы даже со Стивенсоном или Штильмарком? Но фантазия маленького человека именно при этом забавном условии становилась безграничной. Ты сам, по собственной воле ограничивая своё нахождение в привычных для себя домашних условиях, в то же время необыкновенно и просто его расширял.

А всего-то - скрытое ото всех чтение любимой книги, и от этой потаённости оно воспринималось как какое-то чудесное священнодействие, без таких приключений жизнь, ты уже понимал, оказывается скучна, и в силах ли перенести подобную скуку хоть и маленькое, но пытлиное сердце? Нет, никак не обойтись ему без тайны, пусть и незатейливой, зато обязательно счастливо захватывающей своей притягательной загадочностью.

Кто ничего не знает, то тайна для него одним своим существованием хороша, в детстве без неё и вовсе не прожить. Ну, а если хочешь больше знать – тогда тебе и книги в руки, и ты, затаив дыхание, оказываешься с ними под одеялом, при свете фонарика раскрывая загадки этого чудесного существования. Ведь сердце без завораживающей тайны - пустая грамота, тем более, когда тебе всего лишь десять лет!

ПОДВИГ

Что меня, помнится, поражало более всего в своём детстве, так это способность и желание бросать опасности вызов, когда рассчитывать на победу, вроде бы, и не стоит, надеяться, кажется, и вовсе не на что, а ты, между тем, бросаешься с головой в рискованное приключение, и судьба тебя не подводит. Разве это не было каким-то важным напоминанием о своём предназначении? И разве Существование не заботилось уже тогда обо мне, подготавливая к нему?

Конечно, да, и в этом - прелесть нашей жизни, неотделимой от ритма всей Вселенной, что уготавливая нам интересное, даже - в полной мере захватывающее существование, предупреждает об этом. И мы должны быть благодарны Всевышним Силам за всё, чем они нас одаривают, не оставляя на произвол судьбы.

Настоящее счастье мы обретаем, когда отправляемся на поиски того, что нам дороже всего. А что для тебя дороже всего с самого детства? Конечно, радость от переживаемых приключений, что охватывают твою душу сразу, как только ты представляешь себя моряком в дальних странствиях, или первооткрывателем неизведанных северных земель.

Во всё задуманное искренне верилось, воображение рисовало самые захватывающие картинки, и все игры были нацелены на преодоление невероятных препятствий, иначе - зачем жить? Жить, не ведая душевного восторга от переживаемого...

И разве мог я избежать встречи с чем-то неизведанным уже в детстве, когда хочется открытий и совершения незабываемых подвигов?! Детство, по своей счастливой природе, предполагало только бесстрашие и отвагу, это знал каждый мальчишка, в противном случае - не станешь настоящим!

А чтобы стать настоящим, думал я, нужно непременно совершить какой-нибудь отчаянный поступок. Например, перепрыгнуть с одной крыши на другую. Или, скажем, пройти, не дрогнув, перед самым носом злого

соседского пса, и чтобы все мальчишки это увидели. Сигать с гаража, кувырком через голову в сугроб, тоже не всякий решится.

Но лучше всего было бы стать всамделишным героем, то есть произвести такой подвиг, который бы все долго не могли забыть. Но что это?

Разве что забраться на самое высокое в округе дерево, представляя себе, что это мачта корабля, раскачивающаяся посреди бушующих морских волн, вокруг не видно не зги, и ураганный ветер срывает с реи паруса, а ты неустрашимо стоишь на клотике, никакая буря тебе нипочём, и только щуришься, не мигая, от солёных брызг. И это при понимании того, что я до цепящего холода в душе боюсь высоты... Хорошо, конечно, жить ширью, да высью, а ну, как рылом в землю!

Но однажды я, всё же, осуществил давнишнюю затею: представляя себя ловким неустрашимым матросом, ухитрился-таки вскарабкаться на высоченный тополь неподалёку от бабушкиного дома, и долго потом сидел у самой верхушки, обхватив ствол, не зная - как спуститься? Оказывается, для этого потребовалось ещё большее мужество, и прошёл, наверное, целый час, пока я решился ещё на один подвиг.

В груди после всего этого, кажется, не хватало воздуха... И всё-таки, я чувствовал, что даже такой отчаянный поступок не принесёт мне славы: ведь меня никто не видел!

И стал я опять думать о подвигах, вернее, о той самой храбрости, без которой в жизни, я уже точно знал, никак не обойтись. Тем более, если сам ты – маленький, а подвиг твой должен быть большой!

Храбрость - свойство смелого, решительного человека, отважно преодолевающего любую невзгду. Быть исполненным храбрости, значит, ничего не бояться, и если даже чего-то страшишься, то всё равно преодолеваешь свой страх, каким бы пугающим он ни казался, убеждал я себя. Храброго человека не зря все уважают, и даже - боятся.

Главное, перебороть свой испуг, отучить себя от этой дурной повадки, чтобы не совершить какого-либо слабоволия, не дай бог - подлости, теряя при этом верных друзей. Но терять своих товарищей мне не хотелось. Вот бы так всё обустроить, чтобы тобою гордились, приводя в пример, называя «бесстрашным», и тогда ты уж обязательно дознаешься правды, почувствовав себя смельчаком!

Я решил, что буду постепенно приучать себя к бесстрашию, вроде как всё мне нипочём, и норовил оказываться повсюду, где хотя бы отдалённо веяло присутствием страха. Стал нарочно лазить с мальчишками по чердакам и крышам, что само по себе было захватывающим делом, ходить по бревну, стараясь не смотреть вниз, чтобы, значит, если придётся переправляться

через бурную реку, не спасовать. Словом, вырабатывал в себе характер, и когда старшие играли во дворе в футбол, и позволяли нам, малышне, лишь стоять на воротах, я смело бросался в ноги, не страшась ни синяков, ни ссадин. А подвиг, между тем, подстерегал меня, как это всегда случается, в самый неподходящий момент, когда его и не ждёшь.

Помнится, меня никто не учил плавать, и, будучи семилетним мальчишкой, я увязался за старшими на речку, хотя до этого ни разу не приходилось даже пробовать проплыть самому, без посторонней помощи, исключая купание с резиновым кругом на море, в Анапе, когда мне было пять лет.

Идём с ребятами через кладбище, затем - лесом, а я, не переставая, думаю: ведь все эти мальчишки намного взрослее меня, они, наверняка, будут с разбегу плюхаться в воду и нырять! Как же поведу себя я - неужто струшу?

Сердце у меня готово было выскочить из груди, но вот уже и речка. На чём опиралась моя стойкость, кто помогал мне в эти минуты?!

Вся моя короткая жизнь мигом промелькнула перед глазами: бабушка, наверное, с ума сойдёт, если со мной что-либо случится. Но, на кону - моя честь, и потому всё во мне должно быть накрепко завинчено, любой героический человек это знает, и именно этим чувством ответственности перед самим собой и была подпёрта моя вера в себя.

Всё, что ни произойдёт, к лучшему, лишь бы не струсить, а отступишь, я это понимал, пропадёшь! Разве тут воротишься назад? Страх, хоть и на тараканьих ножках держится, но попробуй-ка с ним совладать, вот и приходится свою удаль показывать.

Видя, как пацаны, на несколько лет старше меня, бесстрашно сигают с крутого бережка в воду, я, замешкавшись лишь на секунды, тоже разбежался и прыгнул. Прыгнул - и пошёл ко дну, а всё вокруг незнакомо, с каждым мигом темнеет... Но в какой-то момент я остановился, взмахнул руками и легко устремился к поверхности, где сияло солнце, слышался смех ребят, и вместе с этим смехом в меня вдруг мгновенно вошла непоколебимая уверенность, что я никогда не утону, а вода - моя родная стихия.

И я перестал думать о воде плохо, со страхом, в один вдох полюбил её, и потом уже всегда ждал с ней встречи. Вода околдовала меня, как волшебная музыка, она вошла в моё сердце непередаваемо чудесным звучанием, и я вдруг почувствовал в себе неодолимую силу этой великой стихии, что стала и мне послушна, отчего я страшно обрадовался. Порадуйтесь и вы!

ПЕТУШОК

Однажды, обучаясь в классах начальной школы, приключилась со мною история, которой я поначалу не придавал значения, но она, между тем, обозначила во мне очень важную черту характера: решимость, что, в свою очередь, невозможна без присутствия известной доли смелости. Я, конечно, всего этого тогда ещё не осознавал, но действовал согласно внутреннему голосу, какой-то неизвестно откуда взявшейся убеждённости, что просто обязан отстаивать свои права, вернее - правду, без которой в жизни никак не обойтись.

Правда представлялась для меня чем-то неотъемлемым от существования, она творила его суть, отчего повсюду, по моему мнению, должна была проистекать справедливость, и я никак не мог её нарушить. Если бы кто-нибудь, даже тогда, сказал бы мне: «Нет правды на свете», то я бы, не задумываясь, ответил: «Сами небеса возвещают её!» Так мне представляется сейчас, а в те юные годы я лишь следовал своему внутреннему чутью, и если был по-настоящему увлечён каким-либо занимательным делом, без которого, опять же, себя не мыслил, то и отдавался ему в полной мере, чувствуя, как хорошо жить по правде.

Наша классная руководительница - Галина Александровна, задаёт нам на дом, вроде бы, простую работу: нарисовать птицу. Птицу любую, какая тебе нравится, а нравились мне с самого раннего детства те, что приносил с охоты отец - глухари и тетерева, вальдшнепы и рябчики.

Но рассматривая дома одну из его книг, я вдруг обратил внимание на большущего голландского петуха - белоснежного, с ярко-красным пышным гребнем и бравыми шпорами, и мне захотелось запечатлеть этого замечательного красавца. В петухе ощущалась завидная статность, что-то особенное, не присущее нашим разноцветным кочетам, какая-то достойная горделивость и сила.

Я положил перед собой лист бумаги, прислонил раскрытую книгу к стене, и стал осторожно, не отрывая карандаша, вести линию, очерчивающую птицу, будто боясь, что нарушу в себе какой-то важное душевное состояние, соединяющее меня с изображением петуха на картинке. Образ его всецело захватил меня и уже не отпускал, пока я не вернулся к той точке, где начал свой рисунок.

Мой набросок, по-видимому, оказался невероятно удачным, скорее даже - гармоничным, когда я на мгновение пережил слитность с понравившейся мне птицей, отчего петух и получился таким же, как в книге. То, что

соединило меня с возможностью безукоризненно отобразить задуманное - необыкновенно обрадовало, но и понимание того, что подобное умение может не повториться, немножко огорчило. Оставалось раскрасить красавца-петуха, и от переживаемой радости я уже воображал, какое впечатление произведёт на всех мой рисунок, почувствовав себя при этом настоящим художником.

На следующее утро староста класса собрала рисунки и отнесла их в учительскую, а ещё через день Галина Александровна объявила все оценки, продемонстрировав лучшие, по её мнению, работы, но меня почему-то не упомянула. Сначала прозвучали имена тех учеников, кто получил пятёрки, затем - четвёрки, пожурив учительница и учеников, что не совсем справились с заданием: птицы у них, на забаву всему классу, вышли какими-то непутёвыми, даже – смешными. Но что уж написал, как говорится, пером, того не вырубишь и топором!

Только где же моя заслуженная отметка, взволнованно думаю я, еле сдерживая своё нетерпение, отчего Галина Александровна не показывает и не обсуждает меня?! Не было сомнений в том, что рисунок мой получился замечательным, я это чувствовал, и не покидала досада от того, что его никак не признали. Что же происходит?!

Тяну руку, дыхание даже перехватило от волнения, а Галина Александровна, взглянув мельком на меня, вдруг перед всем классом заявляет:

- Я сейчас, ребята, о вашем однокласснике скажу такую правду, что хуже всякой лжи!

Краска тотчас заливает моё лицо, но я, всё же, в свою защиту произношу:

- В моём рисунке нет ни капельки лжи. Я нарисовал его сам!

- А как же объяснить такую точность линий в твоём рисунке? Ты, наверное, наложил на изображение птицы кальку - и аккуратно скопировал её. Признайся?! Разве возможно так точно нарисовать самому петуха, он у тебя - как живой!

- Не обводил я ничего, - упрямо заявляю я. - Это у меня так получилось. Мне просто очень хотелось изобразить петуха настоящим, как на картинке, и я очень старался. Честное слово!

Слёзы готовы были брызнуть из глаз, ведь я так гордился своим рисунком, ожидая от учительницы похвалы, и вот. По правде, оказывается, в жизни не выходит одна справедливость, и жить с ней не так уж легко. Как же это?!

- Ты должен себе усвоить, - вкрадчиво произносит учительница, - что люди, отличающиеся склонностью ко лжи, не могут иметь непоколебимую волю и мужественный характер.

- Ней ... пой, ней-пой-кой-лебимую? - еле выговариваю я, чудом сдерживая предательски подступающий к горлу комок обиды.

- Именно. А уклоняясь от честного исполнения порученного тебе задания, ты даже не заслуживаешь постыдного слова! Как ты объяснишь товарищам свой проступок?

По правде сказать, я не знал - чем мне ответить на эти несправедливые слова, и, обводя взглядом всех ребят, подумал: «Правда сама себя очистит, на то она и правда, и если сделал доброе дело, то и живи смело. Чего мне бояться?»

- Как же мне доказать свою правоту? - обращаюсь я ко всему классу. - Я себя ни в чём виноватым не считаю.

А Галина Александровна, будто не слыша мои слова, торжествующе вопрошает:

- Ну, что, дети, послушаем нашего правдолюбца? Посмотрим, какой он на самом деле художник? Выходи к доске, бери мел, и нарисуй нам такого же красивого петушка!

Класс одобрительно загудел, заезжил, словно только и ждал, чтобы надо мной поиздеваться, но меня это ещё больше разбирает: разве можно быть противным истине? Нет, терпеть такое непонимание никак нельзя!

И вот, собравшись с духом, иду к доске, а сам воображаю, как же мне повторить свой художественный подвиг, - нарисовать опять красавца-петуха, когда, кажется, и в первый раз с рисунком у меня случилось чудо? Конечно, я старался, был проникнут желанием воссоздать природную красоту птицы, это представлялось таким заманчивым, и всё же - нелегко быть настоящим художником, когда тебе всего лишь девять лет!

Получится ли у меня сохранить свою честь? Ведь не художник я на самом деле, но и запятнать себя неправдой тоже не желаю. Нужно настроиться и вспомнить - как я это делал совсем недавно? Лучше всего, наверное, остаться собой, и моя честность мне поможет. Но честь честью, а дело делом.

Взял я мел, примерился, и вдруг понял, что как и тогда, дома, необходимо лишь довериться себе. Класс за спиной притих, а я опять повёл свою линию жизни, вернее, вернулся к ней благодаря белоснежному голландскому петуху, и линия меня не подвела: она длилась по доске спокойно, размеренно, и не отрывая руки, я довёл-таки её тихонечко до победного конца.

На классной доске, как и на моём рисунке, красовался красавец-петух - с горделиво выпяченной грудью, пушистым хвостом, роскошным гребнем и заливчатскими шпорами. Ещё я пририсовал ему глаз, и петух как будто даже подмигнул им мне, а класс сразу ожил, и Галина Александровна только развела руками... Пропел мой петушок свою правдивую песенку, и все в неё поверили!

ТАИНСТВО ВОДЫ

Все мы одинаковы своими общими корнями, но различны подходом к жизни, к самому себе, в конечном итоге - уровнем сознания, зависящего только от нашей работы над собой. И очень важно, если именно с детства ты склонен к постижению мира, - это так естественно для начинающейся жизни.

С ранних лет мне нравилось находиться рядом с водой, нырять в тёмно-зелёную глубину деревенского пруда, и, раскрыв глаза, вглядываться в неизведанный мир, стараясь обнаружить там такое же неведомое мне существование того, о чём я даже не подозревал, но верил, что оно непременно есть. Нужно только не побояться заглянуть в это таинственное подводное царство, что почему-то не казалось чужим, и ничего странного в подобном желании я тоже не видел: хотелось всматриваться в то, что неимоверно притягивало, возбуждало неподдельный интерес, и нисколько не пугало. Мне нравилось думать обо всём неизведанном, особенно, если оно было связано с водой, и когда выдавалась такая возможность, я проводил на берегу пруда или речки целый день.

В подводном царстве всё не так, как на том же берегу, вблизи пруда или озера, и тем более - в лесу. В нём чувствуешь себя невесомым, и потому можно летать, не ощущая своего тела.

Маленькие рыбки и раковинки в воде становятся большими, вместо неба там - прозрачное зелёное стекло, за которым облака превращаются в гигантских рыб, а вместо земли - разноцветные камешки и волнистый песок. Солнечные зайчики на нём такие же неуловимые, как и наверху, но прохладные, схожие на ошупь с колышущимися лиловыми водорослями. Ничто под водой не отбрасывает тени, всё призрачно, таинственно, и отчего-то очень близко, даже дорого, так что даже не хочется всплывать туда, где ласково припекает солнце.

Удивлённые твоим появлением рыбки останавливаются напротив, и, так и не разобрав в тебе своего, мгновенно юркают в таинственную холодную темноту. Мысленно сразу стремишься проникнуть туда за ними, а

вода мягко укачивает тебя на своих невидимых волнах, постепенно упруго сжимает тело, и ты, несмотря на нехватку воздуха, восторженно понимаешь, как приятно находиться в объятиях воды.

У поверхности она тёплая, радостно поблескивает в отражающихся от неё солнечных лучах, и даже резкий запах тины у камышей тоже сладок. Таинственно и маняще водное царство, и разве минует оно внимания любознательного мальчишки?!

Когда я только первый раз нырнул и открыл глаза под водой, оказалось, что это совсем не страшно. Мне вдруг захотелось вглядываться в этот мир бесконечно, узнавать о нём всё больше и больше, запоминая каждую мелочь.

Неизвестное всегда страшит, хотя, как убеждаешься впоследствии, в нём нет ничего пугающего: человек и подводную темноту наделяет тем, чего она не содержит. На деле нас влечёт в неизведанное неразгаданная тайна, желание, чтобы мир оставался неиссякаем для интересных и захватывающих событий.

Тебе, вроде бы, уже всё знакомо на родном деревенском пруду, с его затопленными колодами, прибрежными корягами, зарослями осоки и камыша, загадочными чёрными елями, склонившимися над его покойной водой, островками изумрудных водорослей, но, всё же, что-то самое главное, чего ещё не видел, будоражит твоё воображение, и ты ожидаешь с ним встречи. Очень может быть, что именно сегодня, на этом лесном берегу, я зайду в воду, погружусь туда с головой, и тайное неожиданно откроется мне, и я не испугаюсь, а обрету какое-то важное знание. Как это просто и радостно - ничего не бояться, стремясь всё узнать!

После того, как родители подарили мне маску и дыхательную трубку, подводный мир открылся предо мной уже во всей своей красе! Стройные рыбки, со светящимися серебряными боками, словно ласточки в июльском небе кружат вокруг, близко подплывать остерегаются, но при всяком удобном случае так и норовят рассмотреть меня, будто ненароком оказываются перед самой маской, а затем бросаются врассыпную. Вода сильно увеличивает предметы, и сквозь толстое стекло маски они представляются совсем в ином виде. Неказистые пескари вдруг превращаются в изящных и загадочных обитателей пруда, а подвернувшийся однажды у самого берега извивающийся уж так напугал меня своими размерами, что я выпрыгнул из воды!

Совсем неприметные раньше мальки через стекло маски и вовсе вырастают в гигантов, и когда они дружной стайкой устремляются навстречу, кажется, что на тебя надвигается какое-то мохнатое чудовище.

Красавец-окунь в сравнении с ними - настоящий великан, нацелил свои страшные спинные иголки в подводную пустоту, и все сразу расступаются перед ним. Только зубастая щука, наверное, не боится бравого окуня, - вот бы её увидеть!

Даже обыкновенные раковинки-перловицы, в обилии устилающие озёрные и речные плёсы, здесь, под водой, становились величиной с кулачок, так что хотелось завладеть каждой, заглянув вовнутрь: а вдруг там прячется драгоценная горошинка? Полдюжины таких тусклых жемчужин уже хранились у меня на подоконнике, в спичечном коробке, и на солнечном свете они преображались, вспоминая, наверное, речную прохладу, струящийся жирный песок и ярко-зелёные водоросли. Всегда приятно было проплывать над ними, чуть прикасаясь к их покатым, бледновато-серым бокам, но они никогда не казались при этом скучными.

В солнечный день под водой даже весело! Зелёные водоросли на мелководье колышутся в такт мерно набегающей волне, будто играют в какую-то свою, понятную только им игру, пытаюсь ухватить меня за запястья и щиколотки, отчего становится щекотно. Из холодной сумрачной глубины выбираются на волнистый песок грязновато-карминные раки - принять солнечную ванну, и замирают там, пока солнышко не переместится к береговым камышам: тогда они недовольно начинают шевелить усами, не зная - куда себя деть. Рак - не рыба, ему спешить некуда, и начинает он тогда пятиться обратно в глубину, там ему, видимо, спокойнее.

А ещё под водой происходит удивительная игра света... Стоит только солнцу выглянуть из-за облаков, и розоватые, золотые и кремовые лучи, необычно преломляясь при проникновении в воду, устраивают между собой весёлую толкотню. Кажется, тронь их - и они тоненько и радостно зазвучат.

Этот удивительный перезвон под водой представляется очень ласковым, он укачивает и навеивает приятные тёплые думы. Ты - и не на небе, и не на земле, а среди того, что прекрасно и неведомо, необычайно притягательно, где забываешь о самом родном, и живёшь только тем неизведанным, что таится в глубине.

Отчего-то притягивала к себе под водой именно неясная и непонятная темень, которой бы следовало остерегаться, даже - страшиться, как это происходило со многими деревенскими жителями, искренне верящими в существование водяных и русалок. Но меня неудержимо влекло туда, в холодную глубь, и пусть её нельзя было сравнить с морской пучиной, но незримая бездна обыкновенного деревенского пруда манила меня не меньше.

В глубине души я знал, что там, на самом деле, не страшно, и всё скрытое обязательно откроется когда-нибудь необъятной радостью. «Тиха

вода в пруду, да омуты глубоки», - поучала меня бабушка, но я ничего не мог с собой поделывать: здорово было бы заглянуть и туда!

Только занимается над лесом ласковая июньская заря, а я уже с маской и трубкой бегу на пруд, где у берега, в привольной солнечной тиши, паук-бокоплав ловко скользит по глади воды на своих невидимых ходулях, тоже радуется жизни. Под растопыренной корягой бойко снуют головастики, солнце щедро распахнуло свои объятия надо всей деревней, и восторгу моему не уместиться во взбудораженном всем происходящим сердце. Мир и благодать там, где есть солнце и вода, её чудесное прохладное таинство, бросающее от счастья сопричастности с ним в дрожь, и как не принять его, не восхищаться им?!

Как вообще можно жить без радости? - думалось всегда возле воды, в зарослях камышей, на краю полянки, обрывающейся высоким берегом к тихо струящейся реке. Если есть вода, чудный берег, поросший осокой, потаённые заводи с кувшинками и краснопёрыми окунями, то это всегда так хорошо, свободно и радостно.

И эту радость могут переживать и другие люди, все, у кого при одном виде синеющей водной поверхности или туманной дымки над ней, замирает сердце. Как возможно себе представить жизнь без лесного озера, уютного пруда под деревенской мельницей, свежего ветерка с воды, поутру, что приносит только доброе настроение?! С детства был я захвачен необыкновенным таинством воды, и она отвечала мне своею любовью.

МОЁ ЧУТЬЁ

В детстве я был наделён тонким чутьём ко всему, даже к тому, что, казалось бы, не представляло для меня какого-либо явного интереса. В начальных классах я совершенно не уделял времени домашним занятиям, потому как в точности улавливал всё, сказанное в школе учителем. Легче всего давалось правильно расставлять в словах ударение, говорить по-английски и красиво писать. Никто меня этому не учил, не подводило только чутьё, дарованное, по-видимому, от природы.

Был я очень восприимчив к музыке, обладая идеальным слухом: повторить, напевая или свистом любую мелодию - не составляло для меня никакого труда. Будто эта мелодия уже жила во мне, стоило только услышать её, как она тотчас просыпалась в моей душе. Мама быстро разглядела мою склонность чувствовать музыку, и вскоре отдала меня в музыкальную школу.

Играя с мальчишками в футбол, я заметил, что легко предугадываю уловки любого, даже самого изощрённого игрока, проявляя себя как удивительно надёжного защитника, и ни одному нападающему из команды соперников никогда не удавалось обыграть меня, то есть - прорваться к нашим воротам. Благодаря подобной способности мальчишки прозвали меня «железным» защитником, тем более, что бросаясь под ноги, и набивая тем самым неисчислимое количество ссадин и шишек, я не чувствовал боли, вернее - не боялся её, и даже если травмы оказывались серьёзными, просто не обращал на них внимания.

Ко всему прочему, обладал я, оказывается, и отменной зрительной памятью. Отец однажды взял меня с собой на охоту, мне тогда исполнилось всего десять лет, и как-то незаметно мы заблудились с ним в лесу. Это очень расстроило его, он даже растерялся, и я вызвался показать дорогу к нашему стану, прекрасно держа в памяти весь, проделанный за день путь, что совершенно поразило отца.

Никто из взрослых никогда не демонстрировал мне азы плавания. Но, тем не менее, увязавшись как-то за старшими мальчишками на реку, мне пришлось, стыдясь проявить свою трусость, прыгнуть вслед за ними с высокого обрыва в воду, после чего я, к своему удивлению, поплыл, почувствовав с того мига искреннюю привязанность и любовь к водной стихии.

По каким-то необъяснимым признакам, я абсолютно верно отличал для себя очень смелых и находчивых мальчиков, у которых стоило чему-либо поучиться, точно так же, просто, угадывая среди мальчишек своего возраста непутёвых и хитрых, думающих только о себе. И так, чутко улавливая в сверстниках добрые качества, приобрёл в детстве немало надёжных друзей, со многими из которых поддерживал отношения уже во взрослом возрасте.

Бывало, заведём мы с приятелями какую-нибудь увлекательную игру, где окажется в победителях тот, кто наперёд знает, как ему поступить, и в этом устремлении не было мне равных. Проще простого представлялось угадать верное поведение, проявляя себя находчивым, если того требовала игровая ситуация, либо - терпеливым, когда необходимо было затаиться и ждать. Игра всегда приносила радость именно своей непредсказуемостью, и доставляла огромное удовлетворение, возможность предвидеть события до того, как они случились, что у меня выходило совершенно естественно, легко.

Больше всего мне нравилось бороться, проявляя при этом чудеса изворотливости: в борцовских схватках я словно вытеснял из себя какую-то излишнюю энергию, чему, кажется, невозможно было противиться.

Приглашаю в гости какого-нибудь приятеля, заманивая его предложением посмотреть книжки или марки, и как только оказываемся у нас дома, тотчас предлагаю: «Давай бороться, кто кого сильнее?!»

Не было случая, чтобы я проиграл, животным чутьём угадывая, какую надлежит избрать тактику против того или иного соперника. В этой борьбе я как будто даже стремился, скорее, не победить, а проверить что-то именно в самом себе - на что я способен, и после того, как укладывал противника на лопатки, мне уже требовалось одержать верх над кем-нибудь ещё. В моих действиях не присутствовало насилия или жажды первенства: только желание честно одолеть другого. Так, незаметно, переборол я целый класс своих сверстников, и ещё - двор!

То же самое обстояло с гимнастикой, только в ней, в отличие от борьбы, я не вступал ни с кем в единоборство. В средних классах, на уроках физкультуры, преподаватель проводит с нами занятия на спортивных снарядах «конь» и «брусья», показывая исполнение элементарных упражнений.

И вдруг я, когда до меня доходит очередь, заняв опорное положение на «брусьях», неожиданно для самого себя делаю мах ногами и встаю в вертикальную стойку, головой вниз, фиксирую тело, так что оно не шелохнётся, и на очередном махе ногами вперёд - возвращаюсь в прежнее положение. В зале - тишина, но чувствуя, как легко, без каких-либо особых усилий далось мне только что содеянное, проделываю подобный трюк ещё раз, и ещё.

Девочки - в шоке, смотрят на меня восхищёнными глазами, мне же на душу - улада, и я, заняв вертикальную стойку, уже отправляюсь по брусьям на руках, вниз головой, и, дойдя до самого конца, лихо спрыгиваю на маты. Учитель после урока подходит ко мне, и, уважительно беря за руку, вопрошает: «Ты, парень, наверное, в секции спортивной занят?» Я же только в возбуждении от произошедшего, мотаю своей вихрастой головой, не в силах промолвить ни слова, потому как проделывал подобное впервые в жизни. Что это было?!

Или вот, учительница по русскому языку задаёт классу написать сочинение на свободную тему, и тут мне нет равных. Замечаю сейчас об этом без тени малейшего самодовольства, ей-богу! Наоборот, рисуя в своём воображении незаметно промелькнувшее лето, у бабушки в деревне, из-под пера моего выходит увлекательный рассказ, написанный почти без ошибок. Учительница отмечает его необычное изложение и язык, зачитывая перед учениками, как бы даже ставя в пример, я же обнаруживаю в происходящем

только естественное истечение вещей, иного и не предполагая, и так - во всём.

Может быть, кому-то покажется нескромным перечисление всех этих достоинств, неожиданно объявивших себя во мне в достаточно юные годы, причём, какие-то из них оказались мною вообще не упомянуты, но ведь рассказывая о себе, я должен оставаться искренним до конца. Скажем, меня невозможно было обмануть, поскольку я видел человека насквозь, уже при одном взгляде на него ясно осознавая - какое качество определяет его природу, о чём он сейчас думает, словом, для меня совершенно очевидным представлялись все внутренние мотивы его поведения, что побуждали человека поступить именно так, а не иначе.

Не скрою - чувствовал я себя при этом даже неловко. Ведь дело нередко касалось взрослых людей, и они имели за плечами большой жизненный опыт, но всё-таки мне не составляло труда угадывать душевные устремления любого человека, то, что у него на уме.

А взрослые, по-видимому, чувствовали это, и подобная проницательность мальчишки по отношению к себе их, конечно, неприятно задевала. Но я ничего не мог с собой поделать, иногда очень умело пользуясь таким положением вещей, особенно - в школе. Чего, как говорится, не в силах объяснить, на то разве укажешь?!

Да только откуда взялось всё это во мне? То есть - проявление самых разнообразных качеств и способностей, для достижения которых требуются годы, и даже - целые жизни?! Конечно, приятно переживать в себе источник такого обилия талантов, что переполняют тебя в течение всего детства, но возникнуть из ничего они тоже не могли. Тогда каким образом все эти достоинства появились?

Об этом не сразу догадается и взрослый человек. Разве возможно осилить подобное ребёнку? И мне, помнится, лишь изредка открывалось понимание, что сердце моё бьётся не просто так, а в унисон с чем-то очень важным в самом себе, чего я пока не изведаль, но иногда угадываю его существование.

Кто тот Всемогущий, что породил во мне и душу, и все дарования, приносящие порой неопишное удовольствие? А может быть, это я сам незаметно копил в себе и интуицию, и ловкость с храбростью, и чуткое видение мира?!

Как оказалось позже, в одной из жизней, мне это теперь доподлинно известно благодаря длительной работе над собой, я обучался в Школе Мистерий у мудрых древнеегипетских жрецов. Они преподавали мне сакральную геометрию, в цвете, открывая таинственные законы Вселенной,

что усваивались на удивление легко и быстро, а потом испытывали на умение преодолевать свои страхи, оставляя в бассейне с крокодилами, в священном храме Ком Омбо, из которого нужно было найти выход, под водой, на длительной задержке дыхания.

В другом воплощении, оказавшись в облике одинокого норвежского рыбака, мне приходилось надолго уходить в море, обретая в нём бесстрашие и волю в достижении задуманного. Однажды привелось быть даже женщиной-сиделкой, длительное время ухаживая за неизлечимо больными, по крупицам воспитывая в себе терпение. Ещё большая выдержка накапливалась в измученном пытками теле воина, находящегося в плену, вдали от родины, и это было, пожалуй, самое жестокое испытание для моей души, но его необходимо было преодолеть. Будучи же индийским мальчиком-служкой при храме какого-то божества, я учился незаметно развивать себя духовно, несмотря на своё хрупкое восприятие жизни.

Были, конечно, и другие существования, через которые я постепенно воспитывал сознание, оно всё более разгоралось, мужало, и, наконец, воплотилось в мою теперешнюю жизнь, где я очутился перед необходимостью подытожить пройденный путь в лице писателя, чтобы отправиться ещё дальше, пока в неведомые для меня миры, обладая недостающим ранее знанием и чутьём.

Чутьё - моё истинное добро, и это добро, я уверен, должно принести мне в дальнейшей жизни ещё много радости, и оно никогда не обманет. Ведь если счастье своё видишь и сам созидашь, смелее идёшь. Идёшь сам, уже без чьей-либо помощи, уповая только на Всевышние Силы: не отними, Господи, моего чуткого видения!

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

К большой радости нужно заранее себя приготовить, ибо даётся она не сразу, и не каждому. И к радости, о которой хочу рассказать вам, я готовился с самого детства, ей-богу. А радость эта - любовь к жизни, её понимание.

Так вот, однажды, ещё в свои самые ранние годы, пришло мне на ум, что хорошо было бы никогда не унывать, чего бы это тебе не стоило. Одним словом, радоваться каждому мгновению, ценить жизнь во всяком её проявлении, любить всё, что у тебя есть.

И хоть говорят, что в один день по две радости не живут, а у меня приходило и по три, порой и не сосчитать вовсе. Случались дни, что я готов был зарыдать от охватившего всё моё существо восторга перед жизнью,

счастье как-то само приходило ко мне, кажется, я ничего для этого и не делал.

Бывало, с самого утра возмечтаешь о чём-то светлом, а оно вдруг возьмёт - и появится! Разве не чудо?

Или отправишься, даже не позавтракав, в бабушкин сад, и этот сад сразу начинает представляться тебе волшебным. Вроде бы, ничего особенного, всё тебе в нём хорошо знакомо, но будто снисходит в него откуда-то необыкновенная сила, и хоть эта сила ненавязчива, а ты её всё равно почувствуешь, и неизвестно чему обрадуешься.

В твоей маленькой груди ровно что-то повернётся, вернее, откроется, и тебе захочется обнять все кусты, деревья, и даже пузатую бочку с водой под сиренью, проникаясь ощущением сопричастности ко всякой травинке, кузнечiku или юркнувшей под ногами изумрудной ящерице. Ты несказанно обрадуешься происходящему с тобой, хотя, действительно, ничего для этого и не делал: просто вышел в сад, и распахнул ему навстречу всю свою душу, а сад принял тебя, и тоже обрадовался.

Про душу, конечно, ты ещё ничего не знаешь, только чувствуешь, как в глубине тебя происходит какое-то неведомое торжество, которому противиться и не думаешь, а вольно и легко принимаешь утверждающуюся в себе неописуемую радость, единение со всем, что окружает, и это необъяснимое счастье заливает тебя с головой. Вот и воздух в саду представляется волшебным, и ты летишь по нему, вмещая в себя и голубенькое небо, и умиротворяющую зелень садов, и бабушкин дом, и всё это неимоверное богатство окрыляет тебя, зовёт лететь и дальше, принимая этот чудесный мир весь, целиком.

Устремляясь в его глубину, ты желаешь, чтобы и радость, и любовь никогда не покидали твоего восприимчивого сердца. И ты бы узнавал и о себе, и обо всём Существовании ещё много удивительного и прекрасного, чего никогда не изведает, если не решишься совершить бросок, не полетишь, не будешь любить и радоваться, отдавая себя людям и Богу. Как это хорошо и благостно - любить жизнь и понимать её, и этому счастью непременно стоит учиться.

Право, послушайте меня. И тогда встанет пред вашим взором далёкая светлая земля, и вы увидите себя в ней тем, кто не боится подвижнического созидательного полёта. Из вашего сердца навсегда уйдёт грусть и тоска, и услышите вы необыкновенную, но простую и понятную песню, что уже не предадите никогда, а сами запоёте во весь свой чувственный и честный голос, с любовью. И откроется вам ваша прекрасная судьба и божественные небеса, ибо - где любовь, там и Бог.

КАК В ДЕТСТВЕ...

Прожив полную событий жизнь, порой задумаешься: чего ещё ждать от неё, ведь ничего нового, кажется, уже не увидишь? И приходят на ум такие мысли: а чего бы тебе хотелось, такого простого и чистого, красивого, как в детстве, чтобы приятно было жить этим радостным занятием, не изменяя своей душе, волею воображения преобразовывая скуку и безысходность жизни в покойную красоту, притягательную своим внутренним светом? Какое бы найти себе дело, не обременяющее однообразием, именно приятное и тихое, чтобы можно было заниматься им без душевного ущерба, с открытым и чистым сердцем?!

Будучи ещё ребёнком, я очень любил морские камешки, любил собирать их на берегу моря, отгадывая сердцем, садиться у самой кромки воды, и разглядывать, представляя, что они живые. Эту любовь к ним я сохранил и в зрелые годы, работая под водой, и самым занимательным в часы отдыха, или когда на море поднимался шторм, были прогулки в одиночестве по пустынным берегам диких дальневосточных морей. Разве можно было не обратить внимания на разнообразие драгоценных для меня камней, тихо живущих по этим берегам?!

Вот и сейчас, думаю я, хорошо было бы набрать горсть таких чудесных морских камешков, и играть ими, как в детстве, пересыпая из ладони в ладонь. Слушать, как обтекаемые пенистыми ласковыми волнами камешки гулко вздрагивают, будто переговариваясь между собой в прибойной полосе...

Только ты, море и камешки, и до того хорошо становится на душе, что не передать. Так бы сидел возле моря, смотрелся в него и ощущал себя пытливым ребёнком этого бесконечно чудесного Божественного Существования.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Какой поистине завораживающий момент происходит с тобой, когда Неизвестное Божественное Пространство выпускает тебя из своих объятий, и ты оказываешься на Земле, но ничего об этом не помнишь. Мало того, даже нахождение в утробе матери не оставляет в твоей памяти следа, и это не просто так. Видимо, ты ещё совсем маленький по понятиям Вселенной, и тебя не желают травмировать, по-матерински оберегая, но для чего?

Наверное, ты важен для Великого Существования, и от тебя ждут таких же великих свершений, именно по этой причине мудрое Существование заботится о твоей невредимости. Но ты должен быть к ним готов.

Поскорей бы уже вырасти, и стать сильным, думается тебе, чтобы помнить обо всём, что ты пережил, никогда ничего не забывая, и желать для себя ещё больше прекрасного в постижении этого незнакомого, но такого чудесного мира. Ты - свободен, живи полной жизнью, и тогда ты достигнешь самых высоких вершин, и действительно полетишь ещё дальше, не боясь никаких расстояний. Ты просто исполняешь предначёртанную тебе роль, совершая то дело, для которого рождён: прийти однажды к своему Отцу, а значит - и к самому себе, истинному, существующему только по божественным законам.

Ведь одно из самых важных открытий в жизни, которое должен совершить человек: узнать правду о самом себе, увидеть себя таким, какой ты есть на самом деле. Но для этого необходима кропотливая внутренняя работа над собой, и где, как ни в детстве, лучше всего начинать этот удивительно захватывающий путь, а Бог оказывается к тебе близко только тогда, когда ты сам к себе пришёл, и узнал, что Господь - в твоей душе.

Оглавление

ВСТУПЛЕНИЕ	2
АЙ, ДА УДАЛЕЦ!.....	6
ЖУЧОК	7
ЗВЁЗДОЧКИ.....	8
ГНЁЗДЫШКО	8
ЗВЁЗДНАЯ КОЛЫБЕЛЬ ДЕТСТВА.....	10
ЛЯГУШКА.....	11
МОНПАНСЬЕ.....	12
СОЛОВУШКО.....	Ошибка! Закладка не определена.
ПОДАРОК.....	13
НЕВИДАННЫЙ МИР.....	14
РАДОСТНАЯ СЛАДОСТЬ БЫТИЯ	15
МОРСКИЕ КАМЕШКИ	16
ИМЕНИНЫ.....	18
ПОКУПАЙТЕ ПОРИДОНКИ!.....	20
САМАЯ ЛЮБИМАЯ И РОДНАЯ!	22
СОЛНЕЧНОЕ СЧАСТЬЕ	24
ЗАБОТЛИВЫЙ ВОЗДУХ.....	25
БАБУШКИН САД.....	25
СЛАВНАЯ ПТИЧКА	26
ПОРОЙ ДОСТАТОЧНО ОДНОГО СЧАСТЬЯ.....	28
ПРАВДА ЖИЗНИ	28
ЧУДЕСНОЕ ЕДИНСТВО.....	29
НЕПОГОДИЦА	30
ОТЧАЯННЫЙ ПОЛЁТ.....	30
БОЖИЙ ГЛАС.....	31
СУНДУЧОК.....	32
СВЕТЛОЕ МЕСТЕЧКО.....	33
МЫ ИДЁМ С БАБУШКОЙ В БАНЮ!	35
ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ.....	42

СВЕТ ЛЮБВИ.....	47
НЕ БЫК, БУГАЙ!.....	50
ЕССЕНТУКИ.....	52
САМАЯ ЧУДЕСНАЯ В ЖИЗНИ ИГРА.....	55
СЧАСТЛИВЫЙ МЛАДЕНЕЦ.....	55
СКАЗОЧНЫЙ ГОРОХ.....	57
ИКОНКА.....	57
БЛАГОСТНОЕ МОЛЕНИЕ.....	58
ЦАРИЦА НЕБЕСНАЯ.....	59
ВЕЧНАЯ ВЕСНА.....	59
ОБРАЗ БОЖИЙ.....	60
ПОСЛАНИЕ ГОСПОДА.....	60
ДУША.....	61
ПОТРЕБНОСТЬ БЫТЬ БЕЗЗАБОТНЫМ МАЛЫШОМ.....	61
РАДОСТНАЯ ОТДАЧА СЕБЯ МИРУ.....	62
ЧУДО.....	63
ЧЕРНЯВКА.....	64
РАЙ ЗЕМНОЙ.....	65
СЧАСТЬЕ ПУТИ.....	67
НЕПОНЯТНОЕ СЧАСТЬЕ.....	68
СТАРЫЙ БАБУШКИН ДОМ.....	70
НЕ ДАЙ БОЛИ ВОЛЮ!.....	76
«МАЛЕНЬКИЙ ОБОРВЫШ».....	82
ТАЙНА СОВЕРШАЮЩЕГОСЯ ЧУДА.....	88
«ПОБЕДА».....	89
ЭТОТ ОГРОМНЫЙ ТАИНСТВЕННЫЙ МИР.....	91
ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК.....	93
МОЙ МАРЕСЬЕВ.....	95
ЧЕЧЕВИЦА.....	98
ЦЕННОСТЬ ЖИЗНИ.....	101
МИЛОЕ ЗВЕРЬЁ.....	102

БОЖЬЕ ДЕРЕВЦЕ.....	107
СНЕГУРКИ	110
ВО ВЕСЬ ДУХ!	111
ПОД СЕНЬЮ НАШЕГО ДЕТСТВА	113
СЛЁЗЫ ОЧИЩЕНИЯ	137
НЕСКОНЧАЕМЫЙ ДЕКАБРЬСКИЙ ДЕНЬ	142
ПРО ГОРОХ, ЧЁРТОВО БОЛОТО И ЮРКИХ ЗМЕЕК	143
РЫБЬЯ КРОВЬ	149
ЧЕРНИЛА	156
ЖАЖДА	158
В ПЕРВЫЙ КЛАСС!.....	161
ЧТО ТАКОЕ БУДУЩЕЕ?	164
ФОР-ТЕ-ПИ-А-НО!.....	165
ЗНАЕТЕ, И РЕБЁНКУ ПОРОЙ СТАНОВИТСЯ ГРУСТНО... ..	168
МОЁ ТРЕПЕЩУЩЕЕ КРЫЛЫШКАМИ СЕРДЦЕ	170
ГРАЧИ ВОЗВРАТИЛИСЬ.....	179
МАЛЬЧИК- С- ПАЛЬЧИК.....	181
ЧУДЕСНОЕ СВЯЩЕННОДЕЙСТВИЕ.....	183
ПОДВИГ.....	185
ПЕТУШОК.....	188
ТАИНСТВО ВОДЫ	191
МОЁ ЧУТЬЁ	194
ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ.....	198
КАК В ДЕТСТВЕ... ..	200
ПОСЛЕСЛОВИЕ	200